

Вестники времен

Андрей Мартьянов

Вестники времен

«Лениздат»

1998

Мартьянов А. Л.

Вестники времен / А. Л. Мартьянов — «Лениздат»,
1998 — (Вестники времен)

«Вальтер Скотт не прав. Диккенс тоже не прав. История средневековой Англии выглядела совсем по-другому! Никакого романтизма, сплошные серые будни, пересыпанные интригами, приключениями, крестовыми походами и прочими привычными для XII века забавами. Как ты себя поведешь в столь тихой обстановке? Верно! В правую руку меч, в левую вороненый „Вальтер“, на голову шлем, на плечи – плащ с гербом своего сеньора! Говорят, такого не бывает. Неправда, очень даже бывает! Перед вами истинная история, случившаяся в 1189 году от Рождества Христова, история происшедшая с тремя интересными людьми: сыном нормандского барона, германским летчиком Гунтером фон Райхертом и никому не известным русским по имени Сергей Казаков. Кто нам принц Джон Плантагенет? Кто нам король Ричард Львиное Сердце? Для маленькой компании русского, немца и француза эти благородные господа всего лишь те, кого надо за шиворот вытаскивать из неприятностей.

© Мартьянов А. Л., 1998

© Лениздат, 1998

Содержание

Начало	5
История первая, часть первая	14
Глава первая	14
Глава вторая	32
Глава третья	47
Глава четвертая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Андрей Мартьянов

Вестники времен

Автор искренне благодарит Марию Васильевну Семёнову за бесценную информацию, Игоря Всеволодовича Можейко за прекрасную справочную литературу, Кирилла Львовича Воронкова, военного консультанта, Сергея Евгеньевича Мясничева, консультанта, Анну Эммануиловну Коган, корректора, Каторгину Веронику Сергеевну и ее уважаемых родителей, слушателей и долготерпеливцев, Алексея Александровича Афониных, Марину Михайловну Кижину, Марину Петровну Фридман за соавторство и ценнейшие соображения.

В тексте использованы стихи М. Семёновой, А. Семёнова, Б. Гребенищикова, А. Городницкого, Е. Сусорова, Л. Бочаровой.

Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: «Я иду приготовить место вам». И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были где Я. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете.

Евангелие от Иоанна, 14:1-4

Начало

Здравствуйте, сэр рыцарь!

Дорожная пыль под копытами вьется.
Мы вновь расстаемся. Что нам остается?

В далекие земли, в пустынные страны
Снискать себе славу, нажить себе раны

Уйдет наше войско в железных одеждах –
Кто в шелковом платье, кто в светлых надеждах.

Проехать героем по дикой пустыне,
Отбить у неверных Господни святыни.

А также и золото если случиться,
А после вернуться, напиться, забыться...

А хочешь, и с места не трогайся смело:
Война и в Европе нехитрое дело.

Не все ли равно, сарацину ль, французу
Ты ткнешь от безделья копьем своим в пузо.

И это неважно – земляк благородный

Прервет твои годы, иль турок безродный.

И даже не надо за море тащиться,
Чтоб славно сразиться, забыться, напиться...

А лучше не мучаться вовсе надеждой
И в сене душистом без всякой одежды

Все время делить меж вином и лежанкой
С услужливой, ласковой сладкой служанкой.

Но жизнь дворянина – большое уродство;
Всяк должен быть рыцарь, являть благородство.

Мечом – иногда – и всегда словесами,
Быть в битве, любви и вообще образцами,

Хранить свою честь, чтоб не звали растяпой
Пред орденом, кланом, страной, Римским Папой...

И значит в дорогу собратья придется.
Мы снова уходим. Что нам остается?

– Дети мои, заклинаю именем Святой Троицы и преподобного Бенедикта, уймитесь! Вы на земле, принадлежащей Матери нашей Святой Церкви!

– Сейчас я его убью и сразу уймусь! Отвали!

Первый возглас принадлежал отцу Теобальду, аббату монастыря, носившего имя только что помянутой Святой Троицы. Ответил же стоявшему на пороге странноприимного дома сухопарому пожилому священнику некий встрепанный молодой человек со светлыми волосами до плеч, серо-голубыми глазами и раскрасневшейся физиономией.

– Брат Корнелий! – тоскливо воззвал аббат мелко крестясь. Немедля из темного дверного проема выскочил здоровенный рыжий монах и, быстро поклонившись, изобразил на своем лице почтение и внимание. Получилось, к слову, не слишком удачно. На небритой роже брата Корнелия отпечатались следы такого множества смертных грехов, что даже для самой заухудалой добродетели места не оставалось. Любой добрый католик, узрев этакого разбойника, поспешил бы обратиться в бегство. Черная бенедиктинская ряса и старательно выстриженная тонзура благочестия Корнелию вовсе не добавляли.

– Разними их! – со слезами на глазах приказал аббат, указывая дрожащей рукой на двор. – Корнелий, ты ведь раньше воевал в Святой земле! И знаешь, как...

– Сделаю, – пробасил монах и вдруг осекся: – Э, отец настоятель, у них же мечи! Железные!

Бенедиктинец был абсолютно прав. На широком, вымощенном гладкими темными камнями дворе монастыря сошлись в поединке двое. По виду – благородные рыцари. Первый был высок, темноволос и смугл, носил светло-синюю, многократно штопанную тунику с вышитым на груди белым львом, поднявшимся на дыбы, и добрую, поблескивающую начищенным металлом кольчугу. Второй рыцарь являлся печально знаменитым на все графство Аржантан сэром Мишелем, баронетом де Фармер.

Разумеется, оба дворянина сжимали в руках узкие мечи-бастарды. Острия клинков были направлены на грудь противника. Рыцари выглядели основательно подвыпившими, отчего их

движения казались несколько аляповатыми, будто у кукол-марионеток из театра бродячих лицедеев.

– Сударь, – Мишель де Фармер, тот самый дворянин, что столь невежливо ответил священнику, обратился ко второму поединщику, – вы, кажется, изволили назвать меня... меня... Слушай, Горациус, как ты меня обозвал?

– Злобным норманном, – старательно выговорил рыцарь с белым львом. – И еще как-то... Не помню. Зато ты, пьянчуга, сказал, будто я трус!

– Да? – озадачился сэр Мишель. – А почему?

– Прекратите! – пожилой аббат, поддерживаемый ухмыляющимся братом Корнелиусом, снова возвел очи горе. – Судари мои, идите в дом и, помолясь, мирно вкушайте отдых!

Оба сударя, выдыхая винные пары, словно и не услышали речей священника. Им было не до того.

– Черномазый сарацин! – сэр Мишель бросил в лицо противника первое вывернувшееся на язык оскорбление. – Еретик!

– Почему это я – еретик? – уязвился Горациус. – Это ты весь вечер орал, будто являешься потомком какого-то одноглазого языческого божка! Как его там?..

– Одина! – рывкнул сэр Мишель. Услышав подобные речи, аббат еще больше ослабел и повис на руках брата Корнелиуса. Любому христианину должно быть известно, что языческих богов никогда не существовало, а поклонение им карается духовным судом и отлучением от церкви.

– Нехристь! – выкрикнул сэр Горациус и, едва не споткнувшись об валявшийся на дворе камень, ринулся в атаку. Его меч с почти неслышным уху шипением рассек воздух над головой сэра Мишеля, но почему-то вонзился не в противника, а описал крутую дугу и высек искры из устилавших двор булыжников.

– Промахнулся, – ядовито заметил сэр Мишель и некуртуазно рыгнул. – А вот тебе!..

Теперь клинок нормандца обрушился на Горациуса...

В трактатах знаменитейших мудрецов (как христиан, так и древних ромеев) стократно указывалась непреложная истина: «Безмерное питье вина не способствует остроте разума и точности движений». Что на своем примере и подтвердили два благородных сэра. Увы, но Горациус из Наварры и Мишель де Фармер из Нормандии, решившие задержаться в странно-приимном доме монастыря Святой Троицы, потребляли вино со вчерашнего вечера и к рассвету опьянели столь значительно, что позабыли о запрете Церкви обнажать оружие на освященной земле.

Аббат вновь попытался напомнить об этом рыцарям.

– Кому Церковь не мать, тому Бог не отец! – с рыданиями в голосе провозгласил отец Теобальд. И вдруг настоятель, глядя на блистающие среди двора обители отточенные мечи, воспрял духом, вырвался из сильных волосатых лап брата Корнелия, воздел над головой два перста и...

– Пре-кра-тить! – этот вопль священника совпал с несколькими звонкими ударами железом о железо. – Отлучу!

Это была серьезная угроза. Если ты живешь в последнем десятилетии XII века и знаешь, что Святая Церковь возвышается даже над императорами, королями и герцогами, направляя и указуя, ты, сколь бы не был пьян, не станешь губить душу.

– Может быть, помиримся? – Горациус первым опустил меч. – И потом, я спать хочу...

– А я хочу отыграться! – воскликнул сэр Мишель. – Какой из меня рыцарь без лошади, доспеха и без денег?

– Знаю, какой! Ик... – пьяно кивнул Горациус из Наварры. – Странствующий!

И рек он истину. Сэр Мишель де Фармер, старший сын барона Александра де Фармер действительно был не просто рыцарем, но рыцарем странствующим. А если выразаться понятнее – бродячим искателем всяко разных чудесных приключений на свою голову.

* * *

Сэр Мишель ехал к папе.

Еще вчера вечером, остановившись на ночлег в бенедиктинской обители Святой Троицы, молодой рыцарь дал самому себе твердое и незыблемое слово: вина не пить, в кости не играть, в драки не встречать, а вовсе показать монахам самого себя благочестивым христианским паладином, каковой алчет лишь ночлега под крышей да малую толику хлеба насущного.

...Нельзя сказать, что папа сэра Мишеля – уважаемый в округе барон Александр де Фармер – со слезами умиления ожидал прибытия в родовой замок старшего отпрыска. Да, разумеется, Мишель был любимым сыном барона, наследником и носителем славного имени Фармеров, обладателем дворянского герба и вассалом аржантанского графа. Однако монсеньер Александр де Фармер лишь тяжело вздыхал и бормотал молитвы при сообщении о том, что возлюбленное детище снова появилось у ворот маленького замка, выстроенного среди дремучих нормандских лесов. У всех дети как дети: занимаются хозяйством или идут на войну, к королю Ричарду, ну, или на худой конец, женятся. А этот?

«За какие грехи Господь послал мне такого сына? – сокрушенно думал барон Александр. – Пьет, развратничает, шляется где ни попадя, дерется, а потом приходит и клянит деньги!»

Да, господин барон с ошеломляющей точностью охарактеризовал образ жизни собственного сына. Мишель действительно любил вино, женщин, поединки и вольные странствия. И это несмотря на достаточно молодой возраст – Фармер-младший родился семнадцать лет назад, в 1172 году. Как раз тогда в королевстве Иерусалимском взошел на престол Балдуин IV, а сарацины пленили графа Раймунда Триполийского...

Для своего времени сэр Мишель был человеком особенным. Сами подумайте: как можно в просвещенном XII по рождеству Христову изображать из себя странствующего паладина? Безусловно, легенды и куртуазные висы рассказчиков да менестрелей повествуют о благороднейших рыцарях, служащих Прекрасной Даме или Великим Королям, но когда это было? На дворе 1189 год, христианские венценосцы по воззванию святейшего папы Климента вновь идут в Палестину, мстить сарацинам за Иерусалим и Тивериадское поражение, государь Филипп Французский Август чтит высокое искусство литературы и стихосложения, возводятся прекрасные города и строгие храмы во имя Господа... Дикость, присущая варварским народам – готам, франкам и саксам – безвозвратно ушла в прошлое. Равно как и сгинули дворяне, изыскивающие славу не под знаменами королей, а собственными силами!

* * *

...Жизнь свою Мишель де Фармер начал в родовом поместье отца, рыцаря, давшего вассальную присягу английскому монарху Генриху Плантагенету. Матерью Мишеля была немка, благородная девица из Саксонии. С Юлианой Оттенхайм барона Фармера-старшего познакомил его друг, рыцарь из Южной Германии по имени Дитрих фон Оттенхайм. Они вместе сражались в Святой Земле против сарацинского шейха Нуреддина в войске графа Раймунда Триполийского. Затем участвовали в походе к Египту, султанату фатимидов, и в штурме Александрии. По возвращении из Святой Земли, где было совершено друзьями немало чудесных подвигов, коими стяжали они себе славу христианнейших и благочестивых рыцарей, Дитрих пригласил барона Александра к себе в Оттенхайм – отдохнуть, а заодно и представить любимой

сестре. Фройлен Юлиана оказалась светловолосой, богобоязненной и скромной девицей, мечтающей лишь о Царствии Небесном (это в первую очередь) и о замужестве (во вторую).

Следует сказать, что многие воспоминания о пребывании в Святой Земле были не самыми светлыми. Хотелось за новыми впечатлениями избавиться от неприятного груза прошлого. Честь оставалась честью, добрая слава – доброй славой, однако в Палестине иногда происходили события, не соответствовавшие радужному представлению, сложившемуся в дворянских кругах Европы о доблестном воинстве Христовом. Великолепно, конечно, когда неверные сарацины трусливо бегут, лишь только сверкнет твой клинок, но если в кармане ни гроша, на дне фляги плещется тухлая вода, а седельных сумках нет ничего, кроме засохшей хлебной корки, приходится поступиться некоторыми добродетелями. К тому же, богатые сарацинские и еврейские дома все равно были бы разграблены... Если не тобой, то другим. Не следует так же забывать, что рыцарь, сколь много благонравия он бы в себе не нес, всегда остается мужчиной...

Впрочем, восточные красавицы зачастую оставались довольны франкскими господами. Жаль только, их не хватало на всех.

...Случилось так, что барон Александр де Фармер и молодая Юлиана однажды пошли собирать маргаритки. Неизвестно, был ли найден хотя бы один такой красно-бордовый цветок, но зато расцвела роза любви, да не среди жестких камней Саксонии, но в душах сих молодых людей. Плод высоких чувств появился на свет спустя девять месяцев, уже в Нормандии.

Немедленно после прогулки сестры «за маргаритками» Дитрих понял – скоро его сестра станет женой лучшего друга, а также полноправной хозяйкой богатого баронства. Что может быть замечательнее?

Влюбленные обвенчались в маленькой церкви в поместье Оттенхайм, где обряд проводил старенький подслеповатый священник, беспрестанно путавшийся в латинских песнопениях, чем очень смешил Юлиану, которая с трудом сдерживала совершенно не приличествующий данному месту и действию смех. Потом молодая чета отбыла из Германии в поместье Фармер. В Нормандию, королевство Английское.

Отец барона Александра к тому времени уже умер. Но, как это водится в старинных родах, на свет незамедлительно появился наследник, которому следовало передать титул, ленные права и все обязательства перед священной английской короной. Супруги окрестили своего первенца Мишелем-Робером де Фармер в церкви поселка Сен-Рикье, что находился в полумиле от замка.

Прижилось имя «Мишель» без упоминания имени святого Робера, призванного быть вторым небесным покровителем ребенка.

Разумеется, у четы Фармеров были и другие дети. Вначале появилась на свет девочка, названная в честь королевы Англии Элеонорой, потом второй сын – Хьюго – и самый младший, Эдмунд. Последний ребенок с трудом выжил, переболев оспой. К величайшему горю господина барона, жена умерла в родах. Случилось это в 1182 году, семь лет назад.

По смерти матери, умевшей сдерживать буйный нрав Мишеля, унаследовавшего горячую немецкую и скандинавскую кровь, старшенький вовсе распустился. Он с трудом терпел своих братьев, уважая лишь сестру. Пользуясь тем, что отец вынужден был все свободное время заниматься делами и хозяйством своего обширного лена, Мишель приходил в замок только на ночь.

Фармер-младший с детства любил играть с деревенскими мальчишками – бойкими, смышленными, легко соглашающимися на всяческие авантюры, в отличие от важных и нудных сынков знатных соседей, и даже организовал собственный «рыцарский» отряд, без всяких сомнений поставив себя во главе. Как-никак, благородный. Барон Александр, прослышав об этом, не стал возражать против игр своего сына с детьми арендаторов и свободных крестьян – пусть учится командовать войском, пригодится.

Все больше времени стал проводить Мишель со своим «отрядом», уходя на рассвете и являясь домой затемно. Чаще всего они играли в «крестовый поход», нередко оставались ночевать в лесу, совершали набеги на деревни, изображая нападение на сарацинские поселения, таскали кур и жарили их на костре в лесу.

Эти развеселые набеги продолжались в течение нескольких лет, несмотря на жалобы крестьян и следовавшие за этим порки как Мишеля, так и его «рыцарей». Конец веселью пришел в день, когда доблестный «коннетабль» был изловлен отцом Колумбаном и строго отчитан.

(Кто такой отец Колумбан? О, про него будет повествоваться ниже! Сейчас можно лишь сказать, что его в баронстве Фармер уважали не менее, но даже более монашера Александра. Отец Колумбан был святым отшельником. А, кроме того, благообразный седовласый анахорет, принадлежавший к монашескому ордену святого Патрика, был своего рода покровителем баронского семейства, лекарем, учителем и толкователем Святого Писания.)

Старец вразумил молодого дворянина, преизрядно оттягав Мишеля за ухо. После чего привел в свою землянку-хижину и раскрыл толстую книгу.

– Читать умеешь? – нахмутив седые брови, спросил отшельник одиннадцатилетнего Фармера. – Нет? Это плохо. Ты слышал о короле Артуре, сыне Утера Пендрагона?

– Да, – Мишель потрянул белыми волосами, поклонившись старцу. – А что?

– Хочешь узнать его настоящую историю?

– Ну-у... Да, конечно! – непонимающе ответил баронский отпрыск.

– Смотри, – отец Колумбан ткнул в обрисованную сложным орнаментом буквицу. – Это буква «А»... Повтори, балбес!

– А-а-а... – послушно протянул Мишель. – А я вовсе и не балбес!

В общем получилось так, что святой Колумбан – отшельник, страстотерпец и мученик (а почему он стал мучеником, будет понятно вскорости) – за несколько лет обучил буйного потомка семьи де Фармер письму, чтению на норманно-французском и латинском языках, а также благородной куртуазии и вежеству. Но старец невольно превратился в виновника дальнейших приключений сына барона Александра.

Отец Колумбан, пребывая не столько в мире материальном, сколько в духовном, не совсем точно представлял, что происходит за пределами своей землянки и огорода. Посему Мишель, целые дни проводивший в жилище святого, впитал весьма устаревшие понятия и старался подражать не куртуазным соседям-дворянам, но вошедшим в легенды Ланселоту, Гавейну и Тристану. Между прочим, благодаря канцонам о сэре Ланселоте, вычитанным в книгах отца Колумбана, Мишель и влип в несколько неприятных историй.

Говоря вульгарными, плебейскими словами, Мишель, достигнув возраста пятнадцати лет, заинтересовался любовными похождениями помянутого рыцаря Круглого Стола и решил проверить, действительно ли это настолько интересно и угодно для плоти.

Оказалось, что да. Последствием хождений Фармера-младшего по крестьянским сеновалам окрестных деревень явились несколько бастардов – незаконнорожденных детей дворянина и крестьянки. Некоторое время барон Александр терпел выходки любимого сына, но, когда некая дева (ах, простите, уже дама...) из близлежащей деревни Антрэн принесла в замок краснорожего и орущего благим матом ребенка...

Это была уже седьмая жалоба от дородных и привлекательных крестьянок. И каждой господин барон должен был заплатить виру.

Как раз в тот день Мишелю стукнуло шестнадцать полных лет. Замечательный подарок...

Барон Александр потребовал немедленно прислать к нему сына. Настроение у владельца замка, кстати говоря, было не самое лучшее. По законам королевства, установленным Его величеством, королем Генрихом II, барон отдал обещанной девице целых пять фунтов сереб-

ром! Разорение! Нет, конечно, отец Мишеля понимал, что молодость есть молодость, да и саму девицу вовсе не брали силой, но... Хватит!

– Принимайся за ум, – с преувеличенной строгостью сказал барон де Фармер старшему сыну. – Женись, в конце концов!

– Не хочу, – честно ответил Мишель. – Я лучше уйду из дома. На какое-то время.

– Куда уйдешь? – всполошился отец. – А поместье? На кого я его оставляю? Я уже старик, мне целых сорок шесть лет!

– Все равно уйду, – угрюмо сказал наследник. – Вот, помню, сэр Лоэнгрин...

– Замолчи! – рявкнул барон. – Начитался дурацких книжек!.. А с отцом Колумбаном я буду сам говорить!..

Сколь долго папенька не уговаривал Мишеля, неожиданно принятое решение тот изменять не собирался. Родительские занудства Мишелю изрядно надоели, все окрестности были знакомы донельзя, а вокруг молодого норманнского дворянина простирался такой большой и неизведанный мир...

Забрав дедову кольчугу, щит, два кинжала и полуторный норманнский меч, Мишель приказал конюху оседлать коня, а управителю замка – выдать пятьдесят цехинов на дорогу.

Барон Александр только плюнул, но в душе остался доволен. Хорошего сына вырастил.

Так Мишель де Фармер и покинул пределы баронства, отправившись путешествовать по Нормандии, Аквитании и Бретони.

* * *

Довольно скоро Мишель попал на самую настоящую войну.

Хотя святейший папа Римский и установил в Европе Божий Мир, в Нормандии и Аквитании дрались армии старого короля Генриха II и выступивших против него французов, возглавляемых Филиппом Августом и английским принцем Ричардом Львиное Сердце. Последний, подняв мятеж против отца, стремился захватить корону.

Случилось так, что Мишель – оруженосец, дравшийся вначале на стороне Ричарда, а когда надоело, перешедший на службу к старому королю, в дни этой войны и получил рыцарское посвящение. Причем обстоятельства церемонии были самыми трагичными. Впрочем, об этом будет рассказано позже.

Когда Ричард стал наконец полноправным монархом Англии, младший Фармер уехал в замок отца, некоторое время передохнул и вскоре снова покинул родовое поместье, надеясь присоединиться в Руане к Христовому воинству и отправиться с армией короля в Марсель, где собирались английские и французские крестоносцы. Однако дорожные обстоятельства как обычно ввергли его в очередную дурацкую авантюру. Приключение, сбившее норманна с истинного пути, и яйца выеденного не стоило – почудилось ему, видите ли, что некий сэр восхотел обидеть благородную даму. В действительности же выяснилось, что и дама, и рыцарь просто недавно поженились и обладали завидным темпераментом. Сэр Мишель ворвался с обнаженным мечом в их комнату на постоялом дворе, где пара остановилась на ночлег, превратно истолковав истошные женские вопли и грозный мужской рык. Рыцарь (здоровенный детина, подпиравший плечами потолок), коему нормандец испортил все удовольствие от общения с возлюбленной, в долгу не остался и так отходил ошеломленного своей ошибкой сэра Мишеля, что тот занедужил и провалялся в постели несколько недель.

Само собой, что покамест сэр Мишель отлеживался, а сопровождавший его слуга по имени Жак накладывал ему примочки на многочисленные синяки и ссадины, основная масса английских и нормандских рыцарей, не дожидаясь дутого защитника девичьей чести, уже отправилась на юг морем или сушей. При всем своем благочестии сэр Мишель не захотел дого-

нять Воинство Христово в одиночку, и продолжил странствие по Нормандии, надеясь отыскать приличных спутников и вместе с ними идти вслед Ричарду и Филиппу.

Но его планы так и остались планами, благо папа выдал на дорогу достаточно много денег, а трактиры с элем, вином и красотками-прислужницами, никогда не отказывавшими благородным рыцарям, встречались в нормандских землях почитай через каждую лигу. Однако намерение двинуться в Палестину не избылось.

Всем, впрочем, известно, куда ведет дорога, вымощенная благими намерениями. Непосредственно сэра Мишеля она забросила, как ни странно, в монастырь Святой Троицы, в странноприимном доме коего он собрался заночевать, дабы с утра продолжить странствие. Оказалось, что милосердные монахи приютили у себя еще троих рыцарей, и те с радостью приняли в свою веселую компанию новоприбывшего.

Бурная ночь завершилась истинно рыцарской попойкой и последовавшим за ней маленьким турниром прямо во дворе монастыря, на освященной земле. Наиболее привыкшие к потреблению вин сэр Мишель и некий Горациус из Наварры поссорились (причем лишь ради собственного удовольствия) и, оставив отдыхать притомившихся собутыльников, вышли на двор. На колокольне обители тогда звонили к заутрене.

Благочестивая и душеспасительная служба была сорвана. Монахи, уставшие от не слишком насыщенной интересными событиями жизни анахоретов, высыпали на улицу и, окружив сошедшихся в поединке благородных сэров, начали подзуживать. Лишь появление аббата заставило братьев-бенедиктинцев покинуть место сражения и отправиться в церковь.

– Убирайтесь прочь! – кричал отец Теобальд топая ногами и пепеля взглядом Горациуса и Мишеля. – Нечестивцы!

Сэр Мишель, у которого из головы еще не выветрились винные пары, ответил:

– Какой же я нечестивец? Я добрый католик! А этот... этот... наваррец меня оскорбил!

Может быть, так и случилось. Это было известно лишь спорщикам да Господу Богу. Однако, сэр Мишель был обижен на Горациуса вовсе не потому, что тот обозвал нормандца не принятыми в обществе словами. Молодой Фармер за время от вечера до заутрени проиграл в кости рыцарю с юга собственного коня, шлем, поножи и наручи, а что самое обидное – меч. И, будь Горациус убит норманном в поединке, эти вещи непременно вернулись бы к хозяину. Да еще с прибытком. По закону Мишель мог забрать себе доспех побежденного.

Само собой, аббат, сопровождаемый дюжим братом Корнелием, появился невовремя, убив надежду на возвращение весьма ценного имущества.

– Что здесь происходит? – этот вопрос задал низенький, очень толстый монах, выбежавший на крыльцо храма. – Отец настоятель, эти господа и являются нарушителями благочиния? Сейчас я их выставлю!

Фармер лишь тяжело вздохнул. Толстяк с отекившим лицом Бахуса, принявшего монашеский постриг, был приором монастыря, известным своим склочным характером и дутой благочестивостью. И, кроме того, на пороге странноприимного дома появился неизменный слуга сэра Мишеля – Жак. Недавно отпраздновавший свое пятидесятилетие Жак – деревенский бобыль, приставленный бароном Александром надзирать за наследником – был настоящим цербером. Вдобавок, он постоянно докладывал господину о выходах его старшего сына.

Отец приор, не понимая, что играет с огнем, шустрым колобочком скатился вниз, выступав на ступенях церковного взохода дробь деревянными сандалиями, подошел к сэру Мишелю и надрывно прокричал ему в лицо:

– Во-он! Изыди!..

– Да пожалуйста, – с кривой ухмылкой ответил Фармер. Ему стало обидно до слез: доспех, лошадь, меч проиграны, в кошельке ни одной монеты, горло пересохло... Плохо. И сэр Мишель, не отдавая себе отчета в том, что делает, двинул кулаком в раскормленную физиономию приора. И, как ни странно, попал.

Бенедиктинец охнул, покачнулся и с размаху сел на каменные плиты двора. Аббат, задыхаясь от гнева, схватился за грудь, рыжий монах Корнелий улыбнулся довольно (наверное, он сам давно мечтал поколотить зануду приора), а сэр Горациус сказал:

– Монсеньер де Фармер, верните мне меч, пожалуйста. Вы его, кажется, проиграли. А кроме того, вас сейчас будут бить. Сильно. На вашем месте я бы немедленно покинул монастырь. И не забудьте – лошадь из конюшни забирать не следует, ее вы тоже проиграли.

Слуга Жак, приняв необычный для сиволапого крестьянина надменный вид, развернулся и ушел в дом. Обидеть монахов, это надо же! Все папочке расскажу!

– Вот как, да?! – Мишель бросил меч на землю и сталь отозвалась жалобным пением. – Да подавитесь! Пешком уйду!

Он круто повернулся на каблуке сапога, едва не упав, и зашагал к монастырской стене. Как на грех, прямо на его пути стоял колодезный сруб.

Сэр Мишель, будучи не в силах сдержать громадный пузырь, образовавшийся в утробе от огорчения и злости, сделал головой ныряющее движение в сторону открытого колодца, облокотился на изрубленные бревна и изверг мутное, воняющее перебродившим виноградом содержимое желудка прямехонько в чистые родниковые воды монастырского колодца. То, что отец-настоятель поныне стоял на крыльце, уничтожая яростным взглядом возмутителя спокойствия обители, его ничуть не смутило. По вполне банальной причине: отравленному дурным вином организму смущение не ведомо.

В темной глубине колодца, выложенного покрытыми синеватым мхом камнями, громко плеснуло. Брат Корнелий откровенно заржал, но мигом осекся, поймав взгляд аббата. Если бы святой отец имел способности сказочного василиска, то рыжий монах превратился бы в статую, олицетворявшую Добродетель Смирения.

А сэр Мишель, подпрыгнув и уцепившись пальцами за верхушку невысокой стены, окружавшей монастырь, с натугой подтянулся и, перевалившись на другую сторону, упал в траву. Старая и проржавевшая кольчуга скрипнула колечками.

– Надоели! – рявкнул норманн, поднимаясь на ноги. – Не жизнь, а одно расстройство!

Лучи восходящего солнца позолотили стволы деревьев, заиграли бликами на влажных листьях. Почему-то оставаться под открытым небом сэру Мишелю не хотелось, тянуло в лес, к деревьям, простирившим над головой темные узловатые руки-ветви. И он поспешил пересечь луговину, раздвигая коленями густые высокие стебли со слипшимися от росы метелками.

Рыцарь не заметил, как земля на миг ускользнула из-под ног и тут же вернулась обратно. А высоко в небесах глухо пророкотал далекий раскат грома, будто над Великим Западным морем собиралась гроза. Нечто неуловимое, неощутимое человеческими чувствами случилось в Море, и сэр Мишель, даже сквозь затуманенный похмельем разум, почуял, как Вселенная будто бы содрогнулась в краткой судороге. Содрогнулась и вновь застыла.

А вокруг все осталось неизменным – желто-оранжевое светило подымалось все выше и начинало пригревать, подул слабый ветерок, шевеля изрезанные листья на старых дубах; с густым жужжанием над самой травой пролетел мохнатый шмель и сел на розовую головку клевера.

Пугаться оказалось нечего. Прежний мир. Знакомые с первых дней жизни солнце, старый лес и прохладный воздух, отдаваемый остывшей за ночь землей Нормандии.

История первая, часть первая

Нормандия, королевство Английское

Глава первая

Шторм над проливом

Пусть я давно, пусть я давно за Ахеронтом,
И кровь моя, и кровь моя досталась псам,
Орел Шестого легиона, Орел Шестого легиона
Все так же рвется к небесам!
Все так же быстр и беспечен,
И как всегда, и как всегда неустрашим,
Пуškai солдат недолговечен, пускай солдат недолговечен,
Но вечен Рим, но вечен Рим!
И путь наш труден и ухабист,
На раны плюй, на раны плюй, не до того!
Нам дал приказ Тиберий Август, нам дал приказ Тиберий Август,
Умри, но выполни его!
Под знойным небом Палестины, в Альпийских северных лугах,
Манипул Римских топот мерный, манипул Римских топот мерный
Заставит дрогнуть дух врага!
И вот, в песках Иерусалима, водой Евфрата закален,
За императора Рима, в честь императора Рима,
Шестой шагает легион!

Битва за Британию началась тринадцатого августа.

А война с Британией продолжалась одиннадцать месяцев, предшествовавших этому дню. Почти год тянулось странное, небывалое доселе состояние, названное по ту сторону Ла-Манша «*rhoney war*» – фальшивой войной. Не слышно было грохота великих сражений, не прорывались через минные поля и оборонительные рубежи танковые клинья, сметавшие на пути любые преграды, не визжали сирены пикировщиков, и лишь изредка огрызались короткими влаиваниями орудия боевых кораблей, палившие больше для порядка да от тоски по настоящему делу... Две великие державы стояли друг против друга – вернее, враг против врага – подобно псам со вздыбленной на загривке шерстью, сверкая бешеными глазами и ощеря клыкастые пасти. Псы расхаживали, наблюдая. Ждали, когда противник даст слабинку, не выдержав взгляда отведет глаза, а то и вовсе, прижав уши и хвост, бросится в кусты, спасаясь. Пощады не будет. Второй пёс прыгнет и челюсти его сомкнутся на горле врага, вгрызаясь в живую плоть, ломая гортань и раздирая в клочья артерии с кипящей кровью. Не станет первый удар смертельным – и покатится по землям Старого Света рычащий клубок из двух сплетённых в беспощадной схватке тел, и победитель будет лишь один... Он уйдёт с поля битвы хромым, с оторванным ухом и зияющими язвами кровавых ран, но уйдет, оставив за спиной смятый и растерзанный труп соперника, что достанется его стае на съедение. Никакой лирики – или ты, или тебя...

Ещё ждут своего часа иные силы – одна на востоке, с хитрым прищуром взирающая на готовых к драке оскалившихся волкодавов, ставящая то на одного, то на другого; великая сила

с запада, надежно укрытая волнами Атлантики, сейчас вовсе замерла в остоленении, словно удивляясь происходящему. Это – действительно Силы, и имена их следует писать с большой буквы, благо каждая из них, не взглянув, походя, способна перешибить хребет любому недругу... Силы сейчас притихли, наблюдая и выжидая. Молчат, но ох не сладко придется бедняге, против которого Восточный Медведь и Западный Орел обратят свои стальные когти.

Первой ударила Германия. Зверь прыгнул – тихо, неожиданно и стремительно. В 1940 году никто не закричит, что бесчестно не предупредить противника хотя бы кратким рыком. Сейчас не куртуазный восемнадцатый век и не благородное средневековье. Да и время вежливой дипломатии миновало – сколько же можно вбивать в тупые англосаксонские лбы простую истину: пускай Британия властвует на морях, никто мешать ей не станет, но континент извольте оставить Рейху! Две мировые империи смогут ужиться довольно долгое время. А дальше... Это будут решать другие поколения.

Но нет! Островное королевство восстало! Безусловно, из окон Виндзорского дворца не видны сгущающиеся на востоке тучи, имеющие определенно красный оттенок. А вечно пьяный боров, занявший кресло на Даунинг-стрит, надо полагать, не осознает, что Германия – единственное спасение и последний барьер, отделяющий Виндзорскую монархию от гибели, подступающей с дальних равнин. Англия заступилась за Польшу и Францию? Тогда она должна пасть из-за собственной недалекости. А стоило Черчиллю только захотеть, и все решилось бы по другому...

Так рассуждали в Берлине.

Военные не привыкли раздумывать над приказами или оспаривать их. Поэтому августовским утром восьмой авиационный корпус германских ВВС, подтянутый к побережью Ла-Манша еще в июне, был поднят по тревоге. Англия перестала быть неуязвимой и недосыгаемой. Подданным его величества короля Георга больше не придется отсиживаться в безопасности, надеясь, что война никогда не придет на их острова.

* * *

Лейтенант Гунтер фон Райхерт пребывал в дурном настроении с самого пробуждения. Во-первых, выспаться за четыре часа практически невозможно, а во-вторых, ему приснился очень нехороший и странный сон. Обычно сны забывались, да и посещающие человека по ночам видения зачастую абсурдны, запутаны и реализма в них даже меньше, чем в планах Фюрера по перестройке Берлина. Сон пришел под утро, видимо в последние минуты перед подъемом и запомнился так четко, что его можно было счесть дурным предзнаменованием.

«Определенно, нас сегодня сожгут, – мрачно думал Гунтер привычно защелкивая замки ремней кресла. – Или разобьемся при посадке. Что-то должно случиться просто обязательно!»

Сон был не особо страшным, но при этом неприятным до жути. Гунтера окружал вроде бы знакомый, но одновременно напрочь чужой мир. Мертвый мир. Откуда-то пришло знание, что его город – Кобленц – почти полностью разрушен одной огромной силы бомбой, и вдобавок в воздухе витает некая неизвестная зараза, погубившая почти всех уцелевших после чудовищного взрыва людей. Не рухнуло лишь несколько домов на Шлиссель-штрассе, где была городская квартира родителей. Он бродил по пустым заваленным битым кирпичом и прочим хламом улицам, заглядывал в опустевшие остовы жилищ, видел там жутковатые останки погибших – многие люди оставались в своих креслах или кроватях, но все до одного были мертвее мертвого. Серо-черный, словно присыпанный пеплом, и покрытый гарью пожаров мир пугал до дрожи в коленях. Гунтер искал еду, потому что дома кончились все припасы, а мать была больна, но ничего не находил. Только один раз удалось обнаружить среди обгоревших обломков апельсин, который следовало немедленно отнести домой...

– Тыфу, чертовщина, – Гунтер выругался вслух и тряхнул головой, пытаясь отогнать преследовавшие его видения. – Не хватает теперь расстраиваться из-за дурацкого сна!

– Что ты говоришь? – возник в наушниках голос Курта, бортстрелка. – Извини, не слышал.

– Ничего, – буркнул Гунтер в ответ и лениво посмотрел через фонарь кабины на вовсю гудевший моторами самолетов аэродром. Практически все пикировщики были готовы к взлету. Еще несколько минут и первая группа эскадры StG1 поднимется в воздух и возьмет курс на запад. Гляньте-ка, машина капитана Браухича уже выруливает на полосу, значит наш черед пятый... Полетаем сегодня.

Да, собственно, дело вовсе не в плохом настроении и не в отвратительном сне. А предстоящая операция просто одна из многих, и вряд ли найдутся разительные отличия от боев за Польшу или Францию. Приказ – проще не придумаешь: взлететь, набрать установленную высоту, идти за ведущим к цели, сбросить груз, развернуться, лететь обратно. Сюда, на бывший французский, а теперь немецкий аэродром, рядом с городом, носящим очаровательное имя Бланжи-Сюр-Брель. Нормандия – Англия – Нормандия, вот и все путешествие. Если все будет хорошо (*а вот ничего хорошо не будет* – проскочила мысль, – *будет плохо. Не знаю как, но плохо*), так вот, если задание будет выполнено, а англичане, по своему обыкновению, продолжат хлопать ушами, то все дело займет часа три, не больше. Часть бомбардировщиков, как явствует из приказа, разнесет на куски аэродром берегового командования Дейтлинг, другие отправятся на свидание с объектами в Дуврском порту, а машина с бортовым номером 77 вместе со своей эскадрилей пощупает Рочестер – британскую базу в подбрюшьи Лондона, у слияния Темзы и Медуэя. Меланхолия, охватившая никому не известного лейтенанта, сидящего за штурвалом «Юнкерса» с двумя большими белыми семерками на фюзеляже в расчет сейчас не берется. Тут война, а не парижский бордель. И капитану Браухичу не порывается в манишку, как девице из того самого борделя – не поймет. Сантименты и личные переживания подчиненных господина капитана интересуют меньше всего.

«Ну-ну, давай поспокойнее – попытался взбодрить себя Гунтер, – двадцать пять лет и не возраст вовсе, и заявлять себе, что жизнь не удалась, совершенно не стоит. Если посмотреть трезво – все нормально. Дом, родители, служба в конце концов! Зачем себя изводить попусту? Давай плюнем на все проблемы и трудности, сосредоточимся на предстоящем деле и станем думать исключительно о нем. Согласен? Ну вот и молодец! Никаких дурных снов, пустых ублюдков, окружающих тебя на земле, начальства, грозных инспекций... Есть только ты, небо, и добрая послушная машина, от которой не приходится ждать обид и разочарований. Самолет – не человек... Только ты и он. Все».

О сидящем за спиной унтер-офицере Курте Мюллере совсем не вспоминалось, но стрелок сам дал знать о собственном навязчивом бытии в идиллической вселенной, выстроенной Гунтером.

– Я никогда не бывал в Англии, – в наушниках послышалось веселое фырканье – Курт смеялся почти всегда, в отличии от частенько впадавшего в угрюмство командира. – Как думаешь, мы сумеем рассмотреть хоть что-нибудь? Потом стану рассказывать внукам, как я летал над Тауэром.

Гунтер тоскливо возвел очи горе, обдумывая, как отшить разговорчивого Курта, но тут сквозь шипение и болтовню бортстрелка прорвался голос руководителя полетов:

– Первая группа, взлет разрешаю.

Ответил Браухич, и его слова услышали все экипажи:

– Строим правый пеленг, в полете соблюдать радиомолчание!

– Вас понял, – хрипло отрапортовал Гунтер и вслушался в вой мотора. Двигатель уже достаточно прогрелся, никаких неполадок быть просто не могло, приборы в норме... Ну, тогда – вперед!

Увидев сигнал к взлету – три красных ракеты, Гунтер медленно надавил на педаль газа, и самолет, двинувшись с места, пополз вперед, развернулся вправо, почти упершись в хвост тридцать второй машине обер-лейтенанта Дитриха. Последняя вдруг резво побежала вперед, набирая скорость, и Гунтер, поддав газу и снова чисто автоматически проверив работу элеронов, устремил своего стального и безмолвного приятеля вслед. Мелькнули строения у края аэродрома, плиты взлетной полосы слились в единую сероватую ленту, а несколькими мгновениями спустя легкая вибрация, сопровождавшая движение по земле прекратилась – машина плавно поднялась в воздух, к грязному облачному небу. Ну, держитесь, англосаксы! Сегодня у вас будет неудачный день!

Операция «Орлиный налет» планировалась долго и серьезно, подготовка шла со всем тщанием и германской организованностью – еще бы, сейчас на карту поставлена судьба не одной лишь Европы, но и всей планеты! Если получится заставить англичан отказаться от своих непомерных амбиций и призвать к нейтралитету, на мировой карте останутся лишь три империи, способных оказывать влияние на ход истории – Германия, Россия и Америка. Потому-то и наезжали из Берлина в эскадру нескончаемые проверки и комиссии, возглавляемые важными шишками. Последний раз, всего сутки назад, явились даже господа из ведомства адмирала Канариса. Словом, командование и правительство относились к войне с Англией исключительно серьезно.

...Руки действовали самостоятельно, почти без участия головы: штурвал на себя и потом чуть влево, щелкнуть тумблером, открывающим клапаны воздухозаборника двигателя, пальцы привычно лежат на штурвале... Резко ушла вниз земля, пронеслись под брюхом самолета деревья, остались за кормой холмистые гряды, окружавшие аэродром, и Гунтер выровнял самолет. Справа и чуть впереди шел ведущий, за ним еще три пикировщика с эмблемами эскадры StG1 – черным петушком на желтом щите с красными углами наверху. Семьдесят седьмая машина заняла свое место в строю, двигавшемся к свинцовому полю пролива.

Лейтенант Райхерт любил свой самолет. Иногда он даже казался Гунтеру немножко живым, способным отблагодарить за хорошее обращение или наказать за небрежность. Прошлой весной появилась возможность в этом убедиться. Пускай французы после начала наступления в Арденнах сопротивлялись больше для вида, нежели действительно надеялись остановить пришедших мстить им за Версальский договор германцев, но их авиация, конечно изрядно потрепанная после внезапного нападения, действовала. «Семьдесят седьмая» показала себя прекрасно – за всю компанию машина получила всего несколько пулевых отметин, да шальная пуля, случайно попавшая в двигатель, заставила повозиться аэродромных техников, а на счету (это кроме наземных целей) даже были два сбитых француза...

«Юнкерс-87» не истребитель, а пикирующий бомбардировщик. Скорость у него поменьше, чем у английских «Спитфайеров» и «Харрикейнов», да и огневое вооружение не ахти какое – пулемет стрелка-радиста, прикрывающий заднюю полусферу да пара неподвижных пушек в консолях. Много не навоюешь. В воздушной войне все как на примитивной фабрике по производству кастрюль: всяк должен делать свое дело, не вмешиваясь в чужие функции. Бомбардировщики обязаны громить наземные объекты врага, а истребительная авиация прикрывать их и драться с чужими самолетами. «Юнкерс», безусловно, куда как пошустрее тяжелых бомбовозов, но все-таки сцепляться с верткими истребителями англичан в воздухе для него – дело рискованное. Однако, «Ю-87» нынче лучший в Европе пикировщик – этот неоспоримый факт наглядно доказал первый год войны.

«Первый год... – подумал Гунтер. – Первый. Чувствую всеми потрохами, что далеко не последний. Сны – снами, но не понимать, что все вокруг далеко не идеально, ты не можешь. Плохо не только с тобой. Страна, мир, они тоже катятся под откос, и лишь увлекают тебя вслед, как и многих других людей. Все плохо, и не надо этого отрицать...»

А как прекрасно все начиналось в начале десятилетия! После пятнадцати лет невиданного в истории Европы унижения Германия снова поднялась на ноги и всего за четыре года превратилась в великую державу. Парадокс: то, чего не сумели сделать старик Гинденбург и обещавшие скорый рай на земле интеллигенты-демократы, получилось у смешного невысокого австрийца, чье имя теперь стало пугалом для всей планеты... Гений, пусть и злой, показал свои способности. Оглядываясь на события последних семи лет, время своей юности, Гунтер искренне недоумевал, каким образом этому человеку удалось совершить невозможное? Мистика, да и только... Впрочем, в потусторонние силы Гунтер не слишком верил, предпочитая здраво оценивать реальность. А таковая недвусмысленно свидетельствовала: рейсхпрезидент и народный канцлер, Фюрер германского народа Адольф Гитлер достиг вершины, падать с которой будет больно. Возможность же разбиться насмерть при падении была вполне реальна...

Досадно, что многие этого не понимают, продолжая идти вслед за красным знаменем странной и невиданной на планете прежде организации, носящей аббревиатуру НСДАП.

Страна. Германская империя. Просто Vaterland – земля отцов, самое доброе и хорошее имя. Государство с тысячелетней интереснейшей и славной историей. Прекрасный, радушный и порядочный народ, прошедший через все представимые бедствия, но выживший и сохранивший свои качества, за которые немцев уважают во всем мире, от Южной Америки до Аляски и мыса Нордкап. Что с тобой случилось в середине двадцатого века? Что делать? Как тебе помочь?..

Германия воевала всегда. Предки-готы, пришедшие с востока, пронесли ураганом от Днепра до теперешних Англии и Португалии, изгнав кельтов, переломили хребет Великой Римской Империи, проникли даже в Африку и Византию. Это, однако, не было началом. Наверняка готы и прежде дрались с кем-нибудь в родных степях вокруг Черного моря, лесах возле Дуная, Днепра или Волги. Смешно, но теперь министерство пропаганды усиленно распространяет абсурдную точку зрения высшего руководства – оказывается, предками немцев следует считать древних греков! Господи, да какие еще греки? Гунтер, услышав как-то по радио эту версию партийных историков, расхохотался до слез. Забавно было бы посмотреть на бедных эллинов, столкнувшихся с готскими ратями...

Гунтер тогда же рассказал об этой передаче берлинского радио своему отцу и они повеселились вместе, не забывая, впрочем, об осторожности. Несогласие с партийной идеологией чревато, знаете ли... А потом, ради интереса, Райхерт-старший и Райхерт-младший засели в библиотеке поместья на полный вечер, раскапывая самые древние сведения о германских племенах. Собрание книг у отца, профессора древних языков Кельнского университета, было исключительно обширным, и к трем полночи Вальтер фон Райхерт надиктовал сыну двадцатистраничное письмо рейсхминистру пропаганды, доктору Геббельсу, почти сплошь состоявшее из цитат и книжных выдержек. Текст, напрочь опровергавший выкладки господ идеологов, само собой, никуда не отправили, а спрятали в том «Военной истории» Дельбрюка, но оба исследователя остались довольны проведенными изысканиями. Отец, отправляясь отдыхать, сказал Гунтеру:

– Греки, греки... Не пойму, отчего нужно заводить новых предков, если должно гордиться своими?.. Я давно подозревал, что в Берлине поселились душевнобольные.

Гунтер прокашлялся и, серьезно взглянув на родителя, ответил:

– Знаешь, папа, на твоём месте я бы не стал говорить подобное в обществе. Понимаешь ли, могут возникнуть... э... сложности.

– Знаю, – отмахнулся старый Вальтер. – Я просто душу отвести. Не обращай внимания.

Нет, действительно, чем плохи для Фюрера варвары-готы в качестве прашуров? Разве не они разбили в Тевтобургском лесу войско Арминия? Слава Богу, официальное радио пока не заявляет, будто римские легионы погибли от эллинских рук. А если вспомнить битву на Ката-

лунских полях? Этцель-Аттила привел за собой гигантскую армию, опустошившую восточную Европу, угрожал Риму... Однако, извольте видеть, германцы, римляне и кельты, встав на пути восточной орды, победили, а дружины готов рассеяли и уничтожили самую страшную ударную силу орды Аттилы – славянскую конницу. Греки в то время, надо полагать, сидели на берегах Средиземного моря, хлестали вино, развлекались с девочками или друг с другом, да сочиняли стишки...

Войны, сражения, походы – вот история Германии. Нордический дух героики всегда жил в немецком народе. Со времен Бургундских королей из «Саги о Нибелунгах», Зигфрида, Хагена и Беовульфа прошли сотни лет, вместили в себя войны Фридриха Барбароссы, крестовые походы в Святую Землю и славянские владения, завоевания Тевтонского ордена... Есть ли смысл вспоминать все? Случалось, война ставила под угрозу само существование народа, как это произошло в XVII веке. Тридцатилетняя война и последовавшие вслед эпидемии чумы да холеры сократили население больше чем наполовину, некогда цветущая страна пришла в невероятное запустение, наступивший голод вынудил оставшихся в живых к людоедству...

Ужас поселился в центральной Европе на долгие годы... А причина катастрофы была незамысловата – некий господин Мартин Лютер «метнул молнию» и вызвал величайшую в истории Германии бурю, единолично восстав против католицизма. С тех пор Лютер посчитал себя «Орудием Господа» в борьбе с «антихристом» и «порождением дьявола» – святейшим Папой. Смешно, но этот еретик оперировал чисто гитлеровскими терминами: Римская Церковь в его глазах – «разбойничий вертеп», «царство греха» и «наиболее бесстыжая из всех блудниц». Лютер, создав новую религию, раздробил и без того не блестящее единство христианство, отрекшись от апостольского Римского престола. Разумеется, последовали стычки сторонников лютеровской ереси и католиков, разразились религиозные войны и последствием самой страшной из них стало почти полное опустошение Европы...

Гунтер происходил из католической семьи и на протестантов поглядывал косо. Однако последние события в Германии давали понять, что, видимо, в скором времени всем христианам рано или поздно придется объединиться уже не ради спасения своей церкви, но для спасения веры Христовой. Фюрер не любил церковь. Конечно, совершенно отринуть Бога, подобно большевикам в России, он не пытался, но трактовал понятия религии не совсем обычно. Он, ставший богом на земле, видимо, искренне полагал, что знает замыслы вышних сил, и потому в «Майн Кампф» через страницу встречались утверждения наподобие: *«Борясь с евреями, я сражаюсь за дело Господа»* или *«Еврей – это образ и подобие дьявола. Он просто не может быть человеком в смысле образа и подобия Бога Вечного»*¹. Вот так, незатейливо и без экивоков.

Гунтер, из интереса проштудировав партийную «библию», не мог очухаться с неделю. Вождь тут и там, в книге и многочисленных праздничных речах упоминает Имя, не должное произноситься всуе. Заявляет, будто действует по прямому велению Господа, и одновременно начинает гонения на католицизм? Оплот христианства? Да-а, что-то недоброе творится в стране. Священники для вождя «Мракобесы и плуты», святой папа не больше, не меньше, как «ставленник западных плутократов и банкиров», а Ватикан и вовсе «свинарник». Почитай тексты Мартина Лютера, и увидишь почти такие же слова... Ну ладно, на излишне резкие выражения, свойственные Гитлеру, можно не обращать внимания, но как объяснить обоснование «делом Господа» жутковатые вещи, начавшиеся в Польше и других побежденных государствах, а еще прежде в самой Германии?..

Гунтер, с разрешения отца, закончивший военную летную школу в Кобленце, сразу попал на фронт – их подразделение бросили на Польшу. Вальтер фон Райхерт хоть и рассчитывал,

¹ Adolf Hitler. Mein Kampf, S. 751. Между прочим, сам Гитлер впоследствии неоднократно пытался отмежеваться от собственного сочинения, окрестив «Майн Кампф» «стилистически неудачной чередой передовиц для газеты „Фолькишер Beobachter“ и „фантазиями за решеткой“». Подробнее см.: I. Fest, Hitler, Verlag Ullstein GMBH Frankfurt/M – Berlin, 1973.

что сын пойдет по его стопам, занявшись в университете историей или отцовским делом – древними языками – прекрасно понял сына и сказал, что каждый немец должен отслужить в армии, а быть профессиональным военным, тем более летчиком – дело почетное. Ничего, когда война (тогда еще не начавшаяся, но всеми ожидаемая) кончится, можно будет спокойно заняться наукой. Сейчас лучше сражаться за свою страну, а не сидеть за книгами.

Лейтенанта фон Райхерта распределили в первую эскадру пикирующих бомбардировщиков, и как раз к его прибытию на место службы «Люфтваффе» получили новый самолет – «Юнкерс-87 В2», модификацию начавшего выпускаться в 1937 году пикировщика. Гунтер получил новенькую, только сошедшую с конвейера машину с бортовым номером 77. Стрелком и оператором-радистом к нему попал успевший послужить в Испании унтер-офицер Курт Мюллер. Последний оказался родом из Гамбурга. Болтун и весельчак, однако человек удивительно хозяйственный и прекрасно знающий свои обязанности. Гунтер и Курт вместе прошли через Польшу, Голландию, Францию... Теперь на очереди Англия.

Польша. Уже после окончания боевых действий, после неприятной аварийной посадки рядом со столицей съеденного Германией и союзницей-Россией государства, лейтенант Райхерт получил отпуск и перед отъездом домой решил осмотреть Варшаву. Прежде бывать ему за границей не доводилось, а потому все было интересно. Гунтер бродил по старой части города, с непривычки смущаясь от взглядов поляков, настороженно, а то и враждебно косившихся на рыжеволосого немецкого лейтенанта в серо-сизой форме. Изредка по улицам проходили колонны техники, грохотали танки, кое-где виднелись разрушенные дома – поработали коллеги из второй эскадры, бомбившей Варшаву. В целом прогулка получилась хорошей, но возле католического костела, в который Гунтер собирался зайти, ему пришлось стать свидетелем крайне неприятной сцены. Возле собора стояло несколько военных грузовиков и солдаты в форме войск SS выводили из храма каких-то ничем не примечательных личностей, заталкивая их в грузовики.

– Простите, – Гунтер обратился к офицеру в черном плаще с серебристыми знаками различия соответствующими армейскому званию капитана. – Можно узнать, что здесь делается?

Гауптфюрер SS подозрительно оглядел не в меру любопытного пилота «Люфтваффе», но все же ответил, не вынимая сигареты изо рта:

– Евреи, господин лейтенант. Укрывались в церкви. Отказались пройти регистрацию и переселиться в еврейский квартал, выделенный для их проживания.

– Вот как? – Гунтер озадаченно потер переносицу. – Но здесь же храм... разве можно так?

– Это евреи, – безразлично пожав плечами, повторил гауптфюрер. – Им теперь не поможет и папа римский. А храм тут или публичный дом – не имеет значения...

И, не попрощавшись, офицер SS отошел. Когда грузовики уехали, Гунтеру расхотелось идти в костел, тем более, что стоявший на ступенях пожилой священник смотрел на него, как на исчадие сатаны.

– Простите, – буркнул Гунтер, не выдержав испепеляющего взгляда ксендза, и, развернувшись, зашагал прочь, к вокзалу.

А в поезде он ехал в одном купе с толстеньким и розовощеким чиновником из ведомства Альфреда Розенберга, направлявшимся с каким-то докладом в Берлин. Говорили о войне, дальнейшей судьбе Европы, после того как Англия и Франция объявили войну Рейху. И вдруг выглядевший очень добродушным и приветливым толстяк помрачнел, сказав слова, надолго запомнившиеся Гунтеру:

– Знаете, молодой человек, наступившая война крайне необычна. Нет, в смысле танков и артиллерии все как и прежде, я имею в виду другое... От снарядов и пуль сейчас погибли всего несколько тысяч, а вот этим рукам, – чиновник вытянул вперед ладони, – предстоит истребить в десятки раз больше... Если вам однажды предложат съездить на экскурсию в новый испра-

вительный лагерь под Варшавой, где мне приходится нынче служить, не соглашайтесь. Побегите рассудок. Это очень плохое место.

Гунтер сначала не понял, о чем идет речь, но, когда толстяк, открыв бутылку коньяку, стал разговорчивее и подробнее поведал о своей «работе», лейтенант Райхерт убедился: слова из «Майн Кампф» начали обретать видимое воплощение. Именем Бога Германия пошла против Бога...

Война – это просто: ты здесь, впереди враг. Врага следует уничтожить или принудить сдаться. Но убивать людей *просто так*, из-за «*неправильного происхождения*» или *других* политических убеждений?.. Что же происходит вокруг, а?

«Правительство и Фюрер, одобрявшие эту затею, роют себе яму, – подумал в тот момент Гунтер. – Подобного скотства не было со времен Нерона! А если о таких вот „исправительных лагерях“ узнают за границей (*а ведь непременно узнают!*), на нас взъестся весь мир! От Китая до Бразилии... Как прикажете воевать против всей планеты?»

Гунтер понял – пока не поздно, нужно как-то остановить этот ужас. Образумить руководство, втолковать господам из рейхсканцелярии, что подобные вещи никогда не могут остаться скрытыми и безнаказанными! Только как это сделать?

Да никак!

Тебя и слушать не будут, а, сказав слово против действий партии, SS и Фюрера, ты рискуешь лишиться не только серебристых лейтенантских погон, но, вдобавок можешь оказаться в учреждении вроде того, в котором служит улыбочивый чиновник, видимо, давно уяснивший, в какое дерьмо вляпался... Так что, дорогой Гунтер фон Райхерт, давай забудем о пьяных излишествах случайного попутчика и спокойно доберемся до родного поместья. Твое дело – честная война.

Райхерт, родовое гнездо на левом берегу Рейна, расположилось среди лесов, покрывавших Арденны, у южных склонов хребта Айфель. Места, что и говорить, красивейшие, почти не тронутые цивилизацией. Узенькие быстрые речки, огромные ели в три обхвата, чистый горный воздух, не изгаженный угольной пылью или заводским дымом. Промышленные центры Рурской области гораздо севернее, а здесь, почти на границе Люксембурга – девственная природа, сохранявшая свой облик неизменным вот уже почти тысячелетие. Всего сотней километров южнее – легендарный Вормс, столица древнегерманских королей, город, откуда Гунтеров тезка с братьями Гернотом и Гизельхером некогда отправились к королю Этцелю, в свой последний поход. Говорят, что совсем неподалеку от этих краев находится место, где Хаген спрятал знаменитый клад Нибелунгов... Теперь лишь воды Рейна да Господь Бог знают, в каких глубинах покоится сокровище, погубившее Зигфрида и бургундских властителей...

Если отвлечься от неперемennых атрибутов технического прогресса, наподобие электрических столбов или узкоколейных железных дорог, проложенных вдоль склонов гряды, то Гунтеру иногда казалось, что здесь все осталось абсолютно таким же, как и во времена Фридриха Великого. Иногда, гуляя по лесу, он с напряжением ждал, что вот-вот расступится кустарник, и на огромной поляне глазам предстанет бревенчатый частокол, приземистые грубоватые дома, а из ворот поселка покажутся с десятков бородатых всадников-готов с круглыми клепаными щитами и при оружии. Порой наваждение бывало столь явным, что уши отчетливо различали туканье молотков в кузне и резкие выкрики дружинных молодцов... Совершенно, между прочим, понятные немцу, родившемуся полторы тысячи лет спустя.

Гунтеру так и хотелось сказать в пустоту: «Ик им Гуннар! Ик им матха-харья!». И готы поняли бы, что имеют дело с воином по имени Гуннар...

В неплохом знании молодым Райхертом готского, кстати, была серьезная заслуга отца. Детство Гунтера пришлось на двадцатые годы, времена для страны крайне нелегкие – инфляция, экономический и социальный кризис повлияли на все области жизни, включая и обра-

зование. В 1928 году Вальтеру фон Райхерту, преподавателю университета Кельна, пришлось временно оставить работу – кафедру закрыли за неимением средств.

Вначале отец Гунтера переехал в поместье, рассчитывая год-два прожить на проценты с банковских вкладов, а потом, когда дела в государстве наладятся, вернуться к своей работе. Надежды оказались тщетны и необоснованны – инфляция сократила состояние Райхертов раз в пятнадцать, и теперь сумма в полмиллиона марок была неспособна рассмешить даже уличного продавца спичек. Отцу пришлось зарабатывать деньги частными уроками в Кобленце, а мать, съездив в соседнюю Бельгию, продала в Антверпене большую часть драгоценностей. Слава Богу, скупщик оказался честным и отвалил за бриллианты прабабушки достаточную сумму в британских фунтах стерлинга.

Теперь семья могла жить, особо не нуждаясь, благо золотой английский соверен оставался таковым даже в Сибири, Турции или Японии. Однако о прежних благополучных временах царствования кайзера Вильгельма родители Гунтера вспоминали с изрядной тоской. Неожиданно наступившая, никому не нужная, погубившая Германию Веймарская демократия тупиц и казнокрадов воспринималась как дурной сон.

Гунтер довольно рано – в шесть лет – научился читать, и скучающий родитель, решив не отдавать ребенка в школу (*«Где взять столько денег? Прикажете одолжить у господ социал-демократов?»*) решил сам преподавать чаду курс обычной средней школы, с некоторыми, правда, дополнениями. Таким образом, точным наукам в плане обучения отводилось совсем немного времени – Райхерт-старший в основном напирал на историю и языки. Недоумевающей супруге безработный профессор мотивировал свои действия таким образом:

– Дорогая, когда Гунтер вырастет, он сможет уехать из этой Богом проклятой страны. В Америку, например! Там всегда нужны люди с головой.

Получилось так, что кроме необходимого в Америке английского Гунтер сносно говорил на стародатском, готском и норманно-французском – языках насквозь мертвых, но, по понятиям отца, совершенно необходимых в жизни. Мама хваталась за голову, постоянно выслушивая от мужа и сына чудовищную ахинею, которую они несли целыми неделями – пять дней профессор говорил с сыном на наречии викингов, следующие пять посвящались редуцированным готским глаголам, потом наступала очередь старофранцузского. Казалось, этому кошмару не будет конца.

– Зато он вырастет образованным человеком! – с гордостью заявлял Вальтер фон Райхерт, и, тут же оборачиваясь к Гунтеру, давал новое задание:

– Подтверди, пожалуйста, маме мои слова на наваррском диалекте.

Смышленное дитя немедленно выдавало языколомную и для обычного человека донельзя непонятную фразу, долженствующую обозначать: «Да, мол, я стану образованным!»

Кошмар кончился в начале тридцатых годов, когда на выборах победила Национал-социалистическая рабочая партия Германии. Новый канцлер, господин Гитлер незамедлительно сумел раздобыть денег на финансирование образования (*«будто раньше их не было...»*), и Вальтер фон Райхерт получил приглашение вернуться в университет. Гунтер, сдав положенные экзамены, закончил школу в Кобленце, затем два года учился у отца в Кельне, но, когда пришло время выбирать между обычной службой в армии и поступлением в летное училище, решил стать офицером «Люфтваффе». Как ни странно, знание старых языков на избранном поприще ему вовсе не пригодилось...

Да, кошмар кончился в 1933 году. Пятнадцати лет нестабильности, экономической и социальной анархии, последствий Версальского мира словно и не было. Народ почувствовал – начал возвращаться *порядок*. За какие-то полтора года почти не стало безработных, начались стройки, снова ввели поддержанную буквально всеми всеобщую воинскую повинность. А это означало, что в стране опять будет сильная армия! Наконец, после полутора десятков лет, в Германии начали отмечать праздники...

Да, именно праздников очень не доставало Гунтеру в детстве. Конечно же, Рождество или дни рождения в семье отмечали всегда, как плохо бы не было с деньгами или продуктами, но разве обычное домашнее торжество может сравниться с ликованием сотен тысяч собравшихся вместе людей? Гунтер в сентябре тридцать седьмого оказался в Берлине и стал свидетелем приезда Бенито Муссолини – этот день настолько поразил его воображение, что он долго не мог прийти в себя. Берлин преобразился – и без того чистый и ухоженный город сиял ослепительной, невероятной чистотой. От Бранденбургских ворот до Вест-Энда протянулась огромная триумфальная аллея – драпировки зданий, гирлянды, искусно перевязанные полотнища знамен, бюсты римских императоров, национальные флаги... По всему протяжению Унтерден-Линден возвышались сотни белых колонн с позолоченными немецкими орлами на верхушках. И потрясающая музыка Рихарда Вагнера, цветы, тысячи горожан на улицах, встречающих огромную открытую машину, в которой стоя ехали двое вождей...

Гунтер, поддавшись общему порыву, пошел на вечерний митинг на олимпийском стадионе – благо время было. Тут-то он впервые в жизни ощутил себя настоящей частью огромной силы, именуемой народом. Обомлев, он стоял в густой толпе, наблюдая, как в вечернее небо ударили лучи десятков прожекторов, образовав на черных облаках огненный квадрат. Режущий глаза свет выхватил главную трибуну с золотым государственным гербом, справа и слева на колонных громоздились титанические чаши с бушующим живым пламенем; потом к арене устремился поток тридцати тысяч знамен, вспыхивающие в лучах серебряные наконечники, бахромы, феерия белого, красного, черного, зеленого – национальных цветов Германии и Италии. Гунтер не почувствовал, как сами собой потекли слезы – все забивало чувство восторга, гордости за свою страну, радости от того, что ты немец!..

– Представление в стиле ревю, – недовольным голосом охарактеризовал потом Райхерт-старший впечатления сына от поездки в столицу. – Кабаре, только очень большое.

– Папа! – возмутился Гунтер. – Как ты можешь так?!

– Могу, – спокойно ответил Вальтер, не меняя хмурого выражения лица. – Ты, дорогой мой, в своем училище совершенно оторвался от жизни. Я понимаю, получить офицерские погоны может только немец, но у меня в Кельне, например, учатся и... э... другие. Вернее, учились.

– Не понял?

Старший сделал паузу, достал сигару из коробочки, откусил кончик, и, искоса посмотрев на сына, продолжил, но уже потише:

– За золотым сиянием сцены всегда скрывается грубая реальность кулис. У нас в этом семестре выставили нескольких студентов и преподавателей. Представь себе, только за то, что они *не немцы!* Но это полбеды, хотя многие из исключенных подавали надежды. Вообрази, ко мне явился господин из полиции, политической, кстати, и вежливо попросил прекратить переписку с Оксфордом!

– Почему? – искренне удивился Гунтер.

– Не знаю. Попросил и все. А я, между прочим, не могу нормально работать без корреспонденции с оксфордской кафедры древних языков. Доктор Джон Толкин присылал интересные материалы по древнеанглийскому... Впрочем, ты его не знаешь...

– Но при чем тут Гестапо? – Гунтер вскочил и заходил вперед-назад по комнате. – Наука есть наука, зачем полицейским лезть в дела, в которых они совершенно не смыслят?

– Реальность, – пожав плечами, повторил Вальтер. – Мне дали некоторые объяснения. Понимаешь, дело в единстве нации, которым ты так восхищаешься. Сотрудник полиции сказал, что Германии не нужны услуги англичан. У нас, мол, головы лучше, чем у иностранцев. Зачем подрывать немецкую науку чужими мыслями, наверняка враждебными? Немецкая наука – для немцев, а не для англосаксов... «Если вы не прекратите переписку, могут последовать неприятности», – вот дословная реконструкция речи моего визитера. Думай.

После этого разговора Гунтер впервые начал понимать, что Германия покатила под уклон. Не может быть счастливой страна, в которой ученым запрещают общение с коллегами только потому, что они живут в чужой стране и не являются поклонниками Фюрера...

Внешнее же величие страны росло и преумножалось. Месяц – перестала существовать Польша. Две недели – Голландия. Неделя – Норвегия. Сорок дней – Франция. Щелк-щелк, не страны, а лесные орешки. И праздники, торжества, феерии... Победы. Война.

Снова в мире установился стереотип при слове «немцы» – злобные личности в медвежьих шкурах, рогатых шлемах и с боевыми топорами. И поют «Хорста Весселя».

Мрачная картинка...

Гунтер позднее начал все чаще замечать вещи, названные отцом «грубой реальностью кулис», но по привычке относил закрытие еврейских магазинов, высылку за границу писателей или патологическую нелюбовь партии к Церкви обычными недоразумениями или же самовольными действиями мелких руководителей. Но едва лишь двигатель семьдесят седьмой машины начинал утробно фыркать, а рука ложилась на штурвал – все несурзности моментально забывались. Он же воюет против настоящих врагов, у них такое же оружие, а думать, зачем и почему поляки, французы или голландцы стали теперь врагами, времени не оставалось. Пусть эти трудности разрешают политики. Армия должна выполнять приказ и оставаться вне берлинских дрызг и идеологических перлов. Рейхсвер всегда был вне политики. Поэтому-то, кстати, Гунтер отклонил однажды предложение вступить в НСДАП – что он забыл в партии? Никаких репрессий, впрочем, не последовало – чиновник, наведавшийся в первую эскадру, отнесся к решению Гунтера и многих других офицеров с пониманием. Сказал только, что рано или поздно время для этого придет...

«Для меня оно не придет никогда, – решил Гунтер после прогулки по Варшаве и беседы в поезде со служащим „исправительного лагеря“. – Эта партия не для меня. Надо будет рассказать все отцу, пусть посоветует, как быть дальше».

Отцу, конечно, досталось больше всего. Отпуск – событие вроде бы радостное, особенно когда приезжаешь домой не просто издалека, а самой настоящей войны. Но Гунтер явился в Райхерт в самом отвратительном настроении. Вальтер за ужином попытался выяснить, в чем дело и отчего сын дует на весь мир, включая любящих родителей, однако добиться ничего не сумел – Гунтер отвечал односложно, со злостью в голосе, а потом вовсе отправился спать, не дождавшись десерта. И даже рявкнул на служанку без всякого повода, отчего деревенская девушка, нанятая для работы по дому, едва не расплакалась.

Райхерт-старший поначалу объяснял странное поведение сына простой усталостью и не придавал вечерней выходке особого значения. Отоспится, отдохнет и придет в себя, не впервой. Следующим днем обстановка осложнилась – Гунтер не вышел к завтраку, приказав принести еду наверх, в свою комнату, а днем, взяв из бара пару бутылок наваррского бренди, попросту напился. Дальнейшие два дня отпуска сопровождались планомерным и тщательным истреблением имевшихся в доме запасов спиртного и почти полным затворничеством. Гунтер даже не выходил гулять, а от предложения отца плюнуть на все трудности, и, взяв лошадей, съездить поохотиться, отказался довольно грубо. Мама не знала, что и думать – может, у Гунтера неприятности по службе? Нет, скорее наоборот – за какую-то непонятную, но явно героическую историю, случившуюся во время польской компании, его даже наградили железным крестом, а разве станут давать такую награду провинившемуся? Или здесь замешана женщина? Тоже отпадает, у него нет постоянной подруги после расставания с Хелен, с которой Гунтер дружил в последний год учебы в летной школе. Тогда в чем дело?

Все оказалось просто и сложно одновременно. Просто – оттого, что Гунтеру следовало бы забыть обо всех трудностях или постараться не обращать на них внимания. Ведь в действительности все выглядело вполне нормально: у него есть любимая и интересная работа, за которую (немаловажная, кстати, деталь) хорошо платят, есть свой дом, родители, начальство,

наконец, ценит... Так подумать – все, необходимое человеку для спокойной жизни, в наличии, и нет поводов убиваться неизвестно почему. Но вот тут-то и появлялись сложности, по мнению Гунтера, напрочь неразрешимые. Даже если позабыть о состоянии дел в стране

А, черт побери, разве не все в порядке? Люди хорошо живут, никто не голодает, как десять лет назад, твердая экономика, победоносная война, опять же...

то все одно окружающее предстает в самом черном свете. Уныние, безусловно, грех – стоит ли забывать об этом доброму католику? – но как не впасть в уныние, когда жизнь откровенно не удалась?

Да, служба, дом, деньги, наконец, есть и с избытком! Только каким дерьмом все это кажется, когда отсутствует душевный покой, когда вокруг нет ни одного человека, которому можно просто исповедоваться во всем, просто искренне поговорить, когда нет близкой души? Когда нет вообще никого, в ком можно быть уверенным до конца?!

У Гунтера никогда не было друзей и он никогда никого не любил. Приятелей, подружек – пруд пруди. Настоящих друзей не было, да теперь, наверное, и не будет уже. Гунтер окончательно потерял веру в людей. Несколько раз, считая, что он нашел друга, Гунтер открывал этому человеку все закоулки и тайники своей души, но всякий раз оказывалось, что никому нет до него никакого дела. Им либо просто пользовались, а потом отбрасывали, когда надобность в совместной работе или услугах отпадала, либо прямо говорили: «Прости, но у меня свои проблемы, и они прежде всего...» Ожегшись несколько раз, Гунтер понял: люди злы, себялюбивы и жадны. Все до единого. Особенно женщины – не зря некогда считали, будто женщина исчадие сатаны и первопричина греха.

Словом, Гунтер изводил себя напрасно. Именно многочисленное наслоение дурных впечатлений (хорошие почему-то быстро забывались...), переживания из-за своих, в принципе-то совсем несущественных и мелких неудач, да общее состояние дел в окружавшем его мире и вызвали первый в жизни запой. За несколько дней начала отпуска Гунтер выпил, как потом было из интереса подсчитано, два с половиной ведра бренди и коньяку.

До белой горячки, слава Богу, дело не дошло, молодой организм успешно сопротивлялся вливаемому в него огромному количеству спиртного, но, когда Вальтер фон Райхерт на четвертое утро вошел в комнату сына с решительным намерением положить конец творящемуся безобразию, то с трудом узнал любимого отпрыска. Доблестный офицер германской армии возлежал на кровати, окруженный пустыми бутылками, бессмысленно пялился в потолок и вполголоса напевал: «Deutschland, Deutschland umberalles». Не брился Гунтер с самого приезда и теперь зарос рыжей щетиной, глаза были обведены коричневатыми кругами, а голос изрядно охрип.

– Ну, рассказывай, – Вальтер фон Райхерт уселся на край кровати, и, достав сигары, предложил одну дорогому чаду, а другую взял сам. – Говори все, до конца. Я слушаю.

Гунтер отхлебнул бренди из стоявшей возле постели на полу бутылки и уставился на отца. Взгляд у него был зверским, словно убить кого-то хотел.

– Хорошо... Но учти – если бы я не был пьян, ты никогда бы этого не услышал. Только не говори, что сейчас десять утра и приличные люди в такое время бренди не употребляют...

– Не буду, – кивнул Райхерт-старший, отобрал попутно у Гунтера бутылку и неожиданно приложился сам: – Кстати, неплохое бренди... Так что случилось?

Гунтеров монолог продолжался три с половиной часа.

...Досталось всем – от родителей и прежних любовниц до самого Фюрера. Гунтер вывалил на отца все личные переживания и проблемы, затем, периодически опрокидывая по рюмке, перешел к своим впечатлениям от Польши и всего увиденного там, и закончил долгой обличительной речью, сделавшей бы честь любому прокурору. Суть оной сводилась к следующему: весь мир – дерьмо, страной правят идиоты, ведущие Германию к катастрофе, люди вокруг – ублюдки, а лично мне, Гунтеру фон Райхерту, чрезвычайно хреново. Что прикажете делать?

Все сказанное излагалось довольно бессвязно, однако общую суть старый Вальтер уловил. Когда водопад ругательств, мрачных предвидений и пьяных излияний иссяк – Гунтер выдохся и замолк – господин профессор поднялся, прошелся по комнате, заложив руки за спину, и, наконец, негромко проговорил:

– Дурак ты... Нет, безусловно, я понимаю все твои огорчения и обиды. Но прости, во всех личных трудностях стоит обвинять только самого себя.

– Чего? – возмутился Гунтер. – Папа, согласишься... ик!.. что мои, как ты называешь это, «личные трудности» прямо проистекают из состояния дел вокруг меня! Просто цепь случайностей привела к данному положению. Не будь войны, я бы спокойно сидел в твоём университете, а не летал сломя голову, превращая в пыль дома, построенные не мной. Не окажись я в действующей армии...

– Тихо, тихо, – Райхерт-старший выставил перед собой обе ладони. – Давай подумаем о том, что делать дальше. Выходов два: либо немедленное самоубийство – кстати, пистолет у тебя с собой? – либо следует попросту не обращать внимания на всякие мелочи!

– Ты считаешь запрещение тебе переписываться с Оксфордом или исправительные лагеря в Польше мелочами? Ты с ума сошел! Ты прекрасно знаешь, что начнется в ближайшие месяцы! Англия и Франция объявили нам войну, потом обязательно влезет Америка, русские тоже наверняка не останутся в стороне...

– Русские теперь союзники, – возразил Вальтер. – А у нашего Фюрера с господином Сталиным самые добрые отношения. Америка за океаном. Не скрою, если вскоре начнутся серьезные боевые действия с французами и бельгийцами, нам придется тяжело, но все-таки за нами Россия и Италия...

– Бред! – рявкнул Гунтер. – Итальянцы ни на что не способны! Русские будут сидеть в своих лесах, пока им не приспичит напасть на нас! Я видел их армию в Восточной Польше – очень впечатляет... Россия нас просто раздавит, слишком уж велика!

– Мы говорим не о высокой политике, – напомнил старший. – А о тебе. Предлагаю вот что – просто забудь о всех переживаниях и предоставь государству и фюреру решать все трудности самостоятельно. Наш Адольф не вечен, и даже если он сумеет многое напортить, то последствия для народа не станут фатальными. И не такое переживали. А сам изволь привести себя в порядок и делай работу, за которую взялся. Сейчас ты будешь отсыпаться до завтра, а утром, часов в семь, я жду тебя возле конюшни. Кстати, почисти свое ружье... А ключ от бара я спрятал.

Полдня Гунтер отсыпался, вечером потребовал принести ему горячего питья, и желательно побольше, до ночи отпивался чаем с лимоном и светлым пивом, к полуночи осмотрел ружье, но чистить не стал – лень было.

Наутро, поднявшись с превеликим трудом, Райхерт-младший выбрался-таки к конюшне, не без натуги вспомнив, где она находится. Завтракать не было никакого желания – еда не лезла, хотелось только пить. Само собой, охоты не получилось – с великого похмелья трудно попасть в рябчика или куропатку навзлет, а чтобы затравить лисицу, нужны собаки, которых с собой не взяли. Таким образом, охота превратилась в очередную долгую и занудную беседу, практически повторяющую вчерашнюю. Вальтер снова молча выслушал речи Гунтера, у которого настроение ухудшилось еще более, в связи с головной болью, и, когда подъезжали к дому, сказал так:

– С такими воззрениями на мир тебе следовало бы родиться лет пятьсот назад, а то и побольше... Послушай, как только ты вернешься в свою эскадру и примешься за дело, все немедленно позабудется. Работа замечательно отвлекает от нелепых и тяжелых мыслей. Работа – великий терапевт...

Наверное, так оно и было. Немедленно по возвращению из отпуска Гунтер, включенный в состав крупной военной делегации Люфтваффе, отправился на две недели в Россию, смотреть

последние достижения большевиков в области авиации, а заодно представить русским специалистам новые германские машины, купленные ими у фирм «Юнкерс» и «Мессершмидт». По возвращении Гунтер вместе с частью самолетов эскадры был переброшен из Польши к западным границам Германии, так как назревали серьезные выяснения отношений с французами и англичанами. Последние объявили войну Рейху еще в сентябре 39 года, но пока ограничивались лишь пропагандой да восхвалениями боеспособности линии Мажино, каковая была призвана остановить тевтонские полчища на границах.

Наступление на западе началось 10 мая 1940 года. Голландия, именуемая союзниками не иначе как «крепостью», пала через пять дней, танковые клинья ударили через Люксембург, Бельгию и Голландию в обход оборонительных укреплений французов, 13 мая был форсирован Маас, 16 – взят Лан, 20 – Амьен и в ту же ночь передовые части вышли к Ла-Маншу. Какое-то время продвижение вперед шло такими невероятно быстрыми темпами, что части второго эшелона потеряли связь с авангардом. 14 июня германские части через ворота Майо вошли в Париж, а три дня спустя генерал Роммель совершил бросок на юг, пройдя за сутки 240 километров, захватил Понтарлье на швейцарской границе, затем двинулся на северо-восток и вклинился с тыла в линию Мажино. Бывший основой стратегии Франции оборонительный вал сдался почти без боя.

Это была даже не война, а просто небезопасная прогулка, для немцев удивительно смахивающая на самые ординарные учения. Эскадра StG1 выполняла свои обычные задания – авиация противника была подавлена еще на аэродромах, потом пикировщики начали громить железнодорожные узлы, штабы, иногда помогали наземным частям справиться с редкими очагами сопротивления. Действительно серьезных боев не было. Каждый вылет становился для Гунтера простой рутинной работой, совершенно неинтересной. Ну скажите, разве можно именовать настоящей воздушной войной почти полное господство Люфтваффе в воздухе, а точечные, просто хирургические бомбовые атаки, когда снаряд ложился точно на цель, не имеющую возможности сопротивляться – честной битвой? А кроме того, появилось новшество – на шасси «Юнкерсов» были установлены воздушные сирены, издававшие при пикировании леденящий кровь вой, разносящийся на многие километры вокруг. Для пущего устрашения противника. Кстати говоря, идея поставить сирены принадлежала не комунибудь, а лично Фюреру...

Кончилась история войны с Францией 29 июня. Три дня назад в Компьенском лесу была подписана капитуляция, а сегодня Адольф Гитлер в белом френче с единственным железным крестом, полученным за личный героизм еще во времена Первой Мировой, ехал в открытой машине по Елисейским полям, водил экскурсию из своих соратников по зданию Гранд-Опера, гордась своими познаниями в музыке, долго стоял возле могилы Наполеона...

Больше половины Франции было занято германскими войсками. Правительство маршала Петена вынуждено было переселиться в Виши – маленький провинциальный городок на берегу реки Алье...

В начале июля Берлин приветствовал Фюрера и его победоносную армию бурей восторга, колокольным звоном и морем цветов. Версальский мир был отомщен.

Хайль Гитлер!..

* * *

А теперь наступала очередь несговорчивой Англии...

Утром, тринадцатого августа тысяча девятьсот сорокового...

* * *

Восьмерка «Харрикейнов» вынырнула из облаков, закрывавших собой южное побережье Англии. Спустя еще минуту справа, со стороны аэродрома Рочестер, бывшего целью группы, в которую входила семьдесят седьмая машина лейтенанта фон Райхерта, появились «Спитфайеры», тоже шедшие на перехват. Видимо, береговые радарные станции обнаружили приближающуюся к берегам Британии эскадру уже давно, а потому англичане успели поднять в воздух несколько десятков самолетов, чтобы перехватить вражеские пикировщики еще над Ламаншем, километрах в двадцати от берега.

– Держать строй! – это был голос капитана Браухича, командира группы и ведущего. – Когда подойдут ближе – огонь!

Приказ был понятен – быстрым и юрким истребителям сложнее атаковать плотный строй, нежели гоняться за отдельными самолетами.

– Ну, держись, – на сей раз в наушниках появился голос Курта. – Похоже, они зайдут с нижней полусферы.

– Видимо, – согласился Гунтер, наблюдая, как зеленовато-коричневые «Харрикейны» снижаются и разворачиваются. Возглавляющий группу английский самолет, попав под очереди одновременно четырех «Юнкерсов» задымил и начал резко терять высоту... – Есть один! – радостно констатировал пилот провожая взглядом исчезающую в синеватой дымке над морем машину. Однако, англосаксы не прекратили свою сумасшедшую атаку, казалось, сам дьявол вдохновлял их...

Потом начались вещи невероятные. Висящие справа «Спитфайеры» внезапно вильнули в сторону и начали уходить к острову. Надо думать, другая часть эскадры StG1 прорвалась через зенитные батареи к Дувру и теперь англичанам срочно потребовалось подкрепление. Сейчас наедине с «Юнкерсами» остались лишь «Харрикейны», более неповоротливые и тяжелые. С ними можно справиться без излишних затруднений.

Гунтер не видел, что происходит с другими машинами, так как теперь ему было необходимо оторваться от преследующего его британца, заходящего сзади и справа. Курт, матерясь на чем свет стоит, орудовал пулеметом, отгоняя короткими очередями севшего на хвост истребителя. Гунтер прибег к старой уловке, опробованной еще во времена польской компании – бросил машину в короткое пике, а когда снова выровнял, оказалось, что англосакс не успел среагировать, проскочил чуть вперед и сейчас находился метров на триста выше. Если повезет, его можно сбить или повредить...

Мелькнула черно-зеленая тень – обер-лейтенант Дитрих азартно преследовал уже попавшую в германские пули английскую машину. Гунтер же повел штурвал на себя, поднялся выше, цепляясь прицелом пулеметов к своему обидчику, который, впрочем, пока не успел даже единой пули выпустить, большой палец напрягся на гашетке... Курт по-прежнему ругался так, что уши закладывало. Надо полагать, увидел очередного нахала, пытавшегося достать пикировщик лейтенанта Райхерта.

Цель и крестовина прицела совместились, в обоих консолях заработали пулеметы, англичанин метнулся в сторону. Гунтер не без удовольствия заметил, как от кия «Харрикейна» отлетело несколько обломков.

– Курт, одного мы сняли! – быстро сообщил Гунтер оператору-радисту. – Что у тебя, я не вижу?

– Подходит от солнца, ублюдок! – прокричал унтер-офицер Мюллер. – Иди ровно, нас прикрывают Дитрих и Вельс! Втроем мы его уделаем!

И тут Гунтер четко ощутил, как вздрогнула машина от ударов по корпусу. Видимо, задело очередь. Сильно потянуло ветром – значит, поврежден колпак кабины. Пулемет замолчал.

– Курт, – позвал Гунтер. – Курт, с тобой все в порядке?

Молчание. Ничего не в порядке.

«Это только начало, – подумал Гунтер. – Я ведь предчувствовал. Надеюсь, он только ранен...»

Англичанин, зацепивший семьдесят седьмой «Юнкерс», оказался сбит спустя секунд тридцать. Прикрывавшие Гунтера две машины добились его совместными усилиями, и сероватый самолет с британскими опознавательными отправился в недолгое путешествие к водам Ла-Манша.

– Они ушли! – это командир группы информировал своих. – Двоих мы сбили, еще нескольких хорошо поцарапали. Подходим к цели. Держите строй!

Машинально оглянувшись, Гунтер понял, что сейчас обошлось без потерь. Все десять самолетов с германским флагом на киле рядом. Похоже, не повезло только ему, а вернее, Курту. Но это ничего не меняет – надо выполнять приказ, тем более что под крыльями пикировщиков уже лежала земля, а впереди и чуть справа виднелась дымка, укрывавшая собой Лондон.

Внизу заработали зенитные орудия, совсем рядом со строем «Юнкерсов» появились облачка разрывов, мелкие осколки снарядов застучали по броне. Но теперь англичане ничего не смогут сделать – аэродром Рочестер внизу. Машина Браухича уже начала заваливаться на правое крыло, уходя вниз. За ней последовали остальные.

Все было привычно: штурвал от себя, элерон на левом крыле поднялся вверх, на правом опустился, самолет вошел в крутое пике, завывли воздушные сирены. Еще секунд двадцать – и тяжелая бомба SC-500, сорвавшись со штанги, полетит на крышу вон того желтого двухэтажного здания, в котором, как явствует из данных разведки, предоставленных штабу эскадры, находится радарная станция и оперативный центр зенитных установок, отвечавших за безопасность Лондона.

«Не хочу, – мелькнула мысль. – Надоело! Ради чего погиб Курт? Только ради того, чтобы превратить в пыль этот дурацкий дом?...»

Левая ладонь легла на рукоять бомбометателя. Земля приближалась стремительно, ревел ветер и надрывно выли сирены – Гунтеру всегда нравились мгновения полета к земле сломя голову: ощущение такое, будто желудок отделился от туловища и величественно парит в сотне метров позади.

Уже стали видны оранжево-черные облачка взрывов – это первые несколько пикировщиков сбросили груз.

«Ну, – подумал Гунтер. – Давай! Господи, помоги мне!»

«Юнкерс» вдруг резко дернулся, словно ударившись обо что-то, неожиданно за стеклом фонаря кабины сгустился неведь откуда взявшийся молочно-белый туман, послышался невнятный грохот. Пока голова соображала, руки действовали сами. Гунтер вцепился в штурвал, рванул его на себя, выходя из пикирования – до земли оставалось не более трех сотен метров, а разбиться прямо сейчас никак не хотелось. В конце концов, можно будет сделать второй заход. Видимо, машина попала в облако дыма от взрыва на земле. Только почему дым такой густой и невероятно белоснежный?

Приборы показали, что самолет поднялся на высоту более пятисот метров. Дым внезапно исчез.

«Чертовщина какая-то! Что произошло? Откуда туман?»

Внизу, под самолетом, колыхалось облачное море, полностью застилавшее поверхность земли. Еще минуту назад этого не было.

Гунтер быстро осмотрелся. Ни одного самолета рядом. Ни своих, ни врагов. Куда они все подевались?

– Семьдесят седьмой, Райхерт вызывает ведущего! Браухич, вы меня слышите?

В наушниках полнейшее молчание. Только шелест помех.

– Гейер – семь, вызывает фальке – пять! – Гунтер, дав в эфир свой позывной и позывной базы переключил рацию на другой диапазон. – Фальке – пять, фальке – пять, отвечайте! Фальке – пять?!

Тихо. словно у всех дружно сломались рации.

Гунтер сделал несколько кругов над облаками, не пытаясь спуститься вниз. Боязно. Если облака действительно низкие, вполне реальна перспектива разбиться. Но, черт возьми, откуда они взялись? Почему молчит радио? Где другие самолеты? И, в конце концов, что теперь делать?

Что характерно, даже радиомаяк, по сигналу которого надо ориентировался при возвращении в Бланжи-Сюр-Брель, молчит. Забавно.

«Все умерли?»

Гунтер почувствовал, что начинает тихо паниковать. И без того тошно, так теперь еще все вокруг исчезло неведомо куда. Однако, надо быть довольным, что облака, небо, солнце и самолет на месте, ты пока жив и невредим. Скорее всего, просто испортилась рация.

«Где все? Куда исчезли девять самолетов? Куда все-таки делась Англия? Безусловно, побережье острова должно находиться внизу, под облаками... Ладно, разворачиваюсь и лечу обратно в Нормандию. Приказ-то, однако, не выполнен, а причина самая странная...»

Окрашенный в стандартные цвета германских ВВС длинный пикировщик с черно-бело-красным флажком на киле развернулся, ложась на крыло, к юго-востоку, поднялся до восьмисот метров и направился к берегам Франции. Где-то к середине пролива облака остались позади, и Гунтер с явным облегчением увидел серые воды Ла-Манша, а спустя полчаса показался зеленый берег. «Юнкерс» пролетел над прибрежными скалами и двинулся вдоль береговой линии.

Самым любопытным было то, что Гунтер, прекрасно знавший географию приморских областей Франции, совершенно не узнавал местность. Внизу, под крыльями машины, проплывала девственно-чистая земля, без всяких признаков знакомых городков или других ориентиров. Вот пожалуйста, та широкая голубая река – это Сена. Совсем неподалеку должна просматриваться большая гавань Гавра, а чуть к северу просто обязан находиться порт Фекан... Нет, конечно, явственно видны скопления домиков – значит, люди никуда не исчезли. Только вот пропал огромный порт, забитый военными кораблями.

Выжигая горячее, Гунтер кружил в двадцати пяти километрах от берега, пытаясь высмотреть возле речушки Брель – а то, что это именно она, сомнений не возникало! – аэродром, но даже намеков на бетонированное поле видно не было. Рация по-прежнему молчала, радиомаяки не работали, других самолетов не наблюдалось.

«Я сошел с ума... – мрачно подумал Гунтер, в который уже раз разворачивая машину и направляя ее на юго-запад, в сторону Нормандской возвышенности, где находились несколько крупных аэродромов и квартировали части шестой общевойсковой армии, бравшей Париж. – Если и там ничего не найду – сяду где придется. Разбираться с такими вывертами лучше на земле. По крайней мере, найдутся люди, с которыми можно поговорить... Такое чувство, что я очень сильно заблудился!»

Пролетая над устьем Сены, Гунтер заново осмотрел гавань, но там не было даже единого тралщика. Огромные доки, портовые краны и пристани будто сквозь землю провалились. Однако он сумел уловить, что имеются несколько причалов и даже стоят полтора десятка кораблей...

Аэродромов Орбек и Ливаро, как можно уже догадаться, на месте не было. Крупная база истребительной авиации возле Тюри-Анкура тоже исчезла...

Настало время, когда человек перестает чему-либо удивляться. Почему-то после очередного круга над местом, где должен находиться достаточно крупный город, а вместо него обна-

ружился поселок домов на двадцать, Гунтера разобрал истерический смех, да такой, что даже машина пошла менее ровно – руки, лежавшие на штурвале, изрядно дрожали.

– Ладно, – вслух сказал Гунтер, зачарованно глядя на индикатор топлива. Стрелка показывала наличие в баках восьмидесяти литров. – Полетали и хватит! Вниз!

Место для приземления нашлось почти сразу – ровный широкий луг, окруженный со всех сторон лесом. Кроме того, за обширной рощей виднелась полосочка дороги. Значит, можно будет выйти к людям.

«Юнкерс» зашел на посадку со стороны солнца. Шасси коснулись земли, машина чуть подпрыгнула, потом началась изрядная тряска – поле оказалось не таким ровным, как представлял себе Гунтер, и все ямы да кочки на пути оказались его. Наконец, самолет остановился, двигатель, сердито пофыркав, заглох. Винт прекратил вращаться.

Гунтер оглядел приборную доску, отстегнул ремни и, слегка потянувшись, проворчал:

– Приехали, герр лейтенант. Надо бы посмотреть, что с Куртом...

Глава вторая

Кто сейчас король

Неторопливая ходьба по неприметной извилистой звериной тропке, гулкая лесная тишина, легкий запах прелой листвы подействовали на сэра Мишеля умиротворяюще. Непонятный глухой раскат, едва уловимое движение воздуха, и последовавшее вслед за ними необъяснимое ощущение забылись, заместились непосредственными впечатлениями, которые утомленный разум рыцаря охотно принимал. Над головой его шелестели резные дубовые листья, изредка слышался звонкий посвист иволги, мягко шуршали под ногами жесткие кустики вереска, куманики, где-то высоко и чуть позади слышалось низкое жужжание шмеля. Не сразу сэр Мишель заметил некую странность в этом гудении – оно не удалялось, не прерывалось, не меняло тон, словом, меньше всего походило на звук, издаваемый шмелем, кружащимся над лесными цветами. Норманн остановился и стал вслушиваться. Низкое урчание в вышине приближалось, и вдруг над головой скользнула длинная хвостатая тень, скрывшаяся за деревьями. Невдалеке показался просвет, и рыцарь, сорвавшись с места и раздвигая руками ветки орешника и крушины, кинулся к видневшейся сквозь кусты прогалине, со стороны которой таинственный звук слышался наиболее отчетливо и громко. Наконец, он выбрался из зарослей, оказавшись на краю широкого луга, и замер, как вкопанный.

Трава на поле стлалась волнами, будто от сильного ветра, а всего в сотне шагов от сэра Мишеля стояло огромное страшное чудовище, исторгавшее оглушительный рык.

– Допился!.. – вздохнул сэр Мишель. – Это надо же, драконы мнутся!..

И сэр рыцарь, твердо решив досмотреть видение до конца и непременно вблизи – когда еще такое привидится, целеустремленно потопал через луг к ревущему и фыркающему черно-серо-зеленому чудовищу. Сэра Мишеля несколько обнадеживал тот факт, что на боках зверюги красовались христианские символы – черные кресты с белой полосой по краям – может это священный дракон гнева Божьего спустился с небес покарать нечестивцев за многие их прегрешения? Что ж, примем Божью кару со смирением и радостью! Только уж больно странный дракон какой-то...

Длинное, облезлое, будто пораженное сероватым лишаем, а то и чем похуже, туловище, бывшее некогда зеленым, с единственным огромным глазом наверху, поддерживали два длинных крыла. Ноги почему-то росли прямо из крыльев, а третья – маленькая, кривая ножка – из хвоста, тоже необычного – не такими драконов монахи на картинках рисуют. Да разве видели они когда драконов, а?

«Вдруг они именно так и выглядят? – размышлял сэр Мишель, медленно приближаясь к страхолюдине. – А если это порождение лукавого? Вот дьявол, прости Господи, я ведь и меч проиграл! Ну как, скажите, благородному рыцарю выходить на бой с драконом без меча?»

Чудовище еще немного пофыркало и, наконец, замолчало, а на его носу вдруг образовались диковинные усы, аж три штуки. Два уса свисали вниз, а один гордо поднимался к небу. И длина усов была не меньше трех локтей каждый. Сэр Мишель еще раньше заметил, что вокруг морды дракона виднелся призрачный круг – надо полагать, дракон бешено вращал усами, наверно от ярости. А сейчас вот успокоился и даже рычать перестал. Может уснул? А вдруг притворяется, паскудство какое задумав?

И тут сэр Мишель остановился, словно запнувшись, разинул рот, бухнулся на колени и истово перекрестился, тщетно пытаясь вспомнить хоть одну молитву: глаз дракона вдруг треснул, отъехал назад, к хвосту, и из глазницы выбрался человек.

«Пресвятая дева Мария! Никак сам лукавый пожаловал! Или ангел какой?.. Только что ж это ангелы в драконах-то летают? Или я чего не понял?..»

Сэр Мишель начал постепенно убеждаться в нереальности происходящего и понимать, что сие видение суть бесовское наваждение и козни врага рода человеческого. Или же вульгарная *Delirium tremens*², как эту неприятную болезнь именовал отец Колумбан. Ну скажите, разве может существо, с человеком сходное по образу, сидеть внутри драконьего глаза? И почему тогда дракону не больно? Может, он от боли-то и рычал, а потом взял да и умер? Еще бы, эдак глаз сковырнуть...

Неизвестный человек (Ангел? Бес?) вылез на драконье крыло и остановился, заметив стоявшего на коленях всего в десяти шагах сэра Мишеля. Одна рука его лежала на диковинного вида треугольной коричневой сумочке, висящей на поясе, а другой он заслонил глаза от солнца. Некоторое время оба молча, не двигаясь, изучали друг друга, а затем стоявший на крыле летучей твари человек сплюнул, сказал что-то коротко и отрывисто, будто выругавшись, и шагнул к задней части драконьего глаза, из которой, как разглядел сэр Мишель, торчала длинная, по виду железная, палка, направленная к хвосту зверюги. Станный человек, одетый в темный плотный кафтан, высокие сапоги и облегающую черную шапочку с какими-то прозрачными штуковинами, весьма смахивавшими на дополнительные глаза, уставившиеся в небо, взялся обеими руками за вторую половину глаза дракона, отодвинул так же, как и свою, и, перегнувшись через глазницу, всмотрелся в ее внутренности.

– А, шайзе! – донеслось до сэра Мишеля. – Инглизише швайне!..

– Говорит что-то... – пробормотал сэр Мишель. – Это ангельское наречие, что ли?

Человек на крыле дракона саданул кулаком в перчатке по боку своего зверя, сказал еще несколько невнятных фраз и, наконец, снова повернулся к рыцарю, до сих пор стоявшему на коленях, в позе кающегося грешника и с неприкрытым, по детски искренним интересом в глазах.

– Ком цу мир! – сказал он сэру Мишелю. – Ду бист французиш?

– Чего? – отозвался сэр рыцарь. – Говори по-людски, если умеешь!

– Шпрехен зи дойч? – снова прогнусавил неизвестный. – Вас гибтс нойес?

Сэр Мишель, на всякий случай не поднимаясь с колен (кто его знает, вдруг в самом деле ангел?), наклонил голову, мучительно соображая, что хотел сказать драконий повелитель. В голову ничего не приходило. Единственно, застряло в памяти слово хоть малость похожее на нормальное – «Французиш». Стало быть, видение осведомлено о существовании Франции. Или все-таки это не видение? Или не совсем видение? Или совсем не видение... Загадка, право...

– Их бин дойч, – втолковывал человек сэру Мишелю, приложив ладонь к своей груди, потом, ткнув пальцем в своего зверя добавил: – Люфтваффе!

«А, так наверное дракона зовут, – решил рыцарь. – Ну и имечко...»

– Люфтваффе, – покорно согласился сэр Мишель. – Большой и страшный Люфтваффе... А что это он у тебя такой облезший? Никак болен чем?

Незнакомец присел на крыле на корточки, вперился недоумевающим взглядом в рыцаря, и снова заговорил на непонятном языке, оживленно жестикулируя. Сэр Мишель из его речи не разобрал и единого слова, но один из жестов был понятен и дураку: драконий человек несколько раз покрутил пальцем у виска...

«Может, он хочет сказать, что дракон рассудком повредился? – сэр Мишель с интересом наблюдал за тем, что еще покажет неизвестный. – Или он сам... того, с ума тронулся, и просит за лекарем сбегать?..»

Гунтер, подобно стоящему на коленях придурку, тоже ничего не понимал. Если позабыть о неработающей рации, неизвестно куда провалившихся городах и собственном аэродроме, то все равно окружающая картина получалась насквозь устрашающей: посадка неизвестно где,

² *Delirium tremens* (лат.) – белая горячка

горючего кот заплакал, Курт сидит на своем месте с двумя пулями «Харрикейна» в голове, и теперь ему уж совершенно все равно, что случилось с командиром, который тщетно пытается понять, где оказался, что, черт возьми, происходит, и кто этот ненормальный в ржавой кольчуге? Местный блаженный, просто идиот, или английский агент, в чье задание входит сводить с ума пилотов германских ВВС? Ну какой, скажите, нормальный человек станет напяливать ржавую изодранную кольчугу и пороть всякую чушь на черт его знает каком наречии...

– Люфтваффе! – благоговейно выкрикнул окольчуженный, указывая на самолет.

«Слава Богу! Хоть одно слово по-немецки знает, – подумал Гунтер. – Если получится добиться от него сколь-нибудь внятного ответа и узнать, где стоит ближайшее подразделение вермахта, буду считать, что повезло. Или меня занесло на территорию Виши? Значит тоже нечего опасаться. Французы теперь союзники...»

Еще раз внимательно оглядевшись, Гунтер решил, что явной опасности вокруг нет, и спрыгнул с плоскости на траву. Реакция ряженого была для него напрочь неожиданной. Тот шарахнулся назад и чуть в сторону, не пытаясь подняться на ноги, откатился шагов на пять, а затем вновь утвердился на коленях, продолжая разглядывать округлившимися глазами медленно приближающегося к нему Гунтера. Рука светловолосого недоумка шарил на поясе возле болтавшихся пустых ножен от меча. Германец остановился, недоуменно гадая, что могло привести человека в такой ужас, и, посмотрев в серо-голубые глаза незнакомца, протянул руки, показывая пустые ладони.

– Да нету у меня оружия, – спокойно проговорил он. – Я не сделаю тебе ничего плохого. Может, ты все-таки говоришь по-немецки?

Окольчуженный склонил голову, некоторое время размышлял, потом снова посмотрел на Гунтера и неуверенно пожал плечами.

– Ну? – напирал германец. – Скажи хоть что-нибудь? «Война» – знаешь? «Германия» – знаешь? Может, про Вермахт чего слышал?

– Люфтваффе, – четко сказал сэр Мишель, кивая в сторону самолета и, запнувшись, повторил услышанное: – Дойче... лянд.

– Понятно, – вздохнул Гунтер. – Ничегошеньки ты не соображаешь, приятель.

Сэр Мишель заметил, как драконий человек огорчился едва не до слез, и внезапно его осенило – он не умеет говорить по-людски, то есть на родном нормандском наречии! Иноземец. Стараясь выговаривать слова как можно четче, хотя остатки винных паров еще не выветрились из головы, и язык чуток заплетался, сэр Мишель сообщил:

– Мое имя Мишель де Фармер. Я – христианский рыцарь, а мой папа – барон, его замок тут недалеко, полдня пути пешком. Может, теперь ты назовешь мне имя свое? Как зовут дракона я уже знаю.

«Иисусе! Да он же на норманно-французском, как на родном чешет!.. – наконец, сообщил Гунтер, услышав эти достаточно простые фразы. Уроки отца начали вспоминаться. – Неужели в Бретони люди еще помнят старый язык?»

Медленно подбирая слова, пилот германских ВВС, наконец, достаточно членораздельно проговорил на старофранцузском, помогая себе жестами:

– Какая... это страна?

Сэр Мишель расплылся в счастливой улыбке, услышав родную речь, хотя и премного искаженную незнакомым акцентом, и, широко поведя правой рукой, с гордостью провозгласил:

– Нормандия, Королевство Английское!

– Так... – только и смог выдавить на немецком Гунтер, которого два последних слова привели в состояние иступленного ужаса. – Плен... Проклятые англосаксы. Неужели они успели высадить десант... Но когда?!

И в свою очередь, не сумев совладать с внезапно охватившей его ноги слабостью, опустился на колени перед сэром Мишелем. Рыцарь, ерзая по траве, отполз еще на пару шагов.

– Королевство Английское... Земли короля Ричарда Плантагенета, – осторожно пробормотал он, не пытаясь даже вникнуть в причины, повергшие в коленопреклоненное состояние повелителя дракона. – Это баронство...

– Какого короля? – простонал Гунтер, не дослушав. – Ты мне еще про Утера Пендрагона расскажи!.. Где английские части, ты хоть знаешь?

Едва слышав имя великого владыки и отца самого короля Артура, сэр Мишель воссиял и радостным голосом продекламировал:

– Правил в Британии король Утер Пендрагон, и был он воистину великим королем! Но я не буду сейчас рассказывать о доблестях и славных подвигах его премногих, ибо растянется рассказ сей до вечерней зари...

Тут сэр Мишель поймал свирепый взгляд иноземца и осекся. Рука Гунтера произвольно потянулась к кобуре. Этот ублюдок решил посмеяться? Ну, падла...

– Где англичане, скотина? – процедил он сквозь зубы на старофранцузском.

Сэр Мишель подумал, что слово «скотина» вкралось в речь неизвестного случайно, от незнания языка, и решил не обижаться и не вызывать его на поединок, к тому же безоружного. О том, что и сам он остался без меча, вовсе не вспомнилось.

– Где англичане? – переспросил он. – Все ушли в крестовый поход по призыву Святой нашей Матери-Церкви.

Последовала долгая пауза, во время которой Гунтер тупо смотрел в поле, на колышущиеся под ветерком кустики руты и ромашки, а потом перевел совершенно пустой взгляд на кольчужника и тихо спросил:

– А ты чего не пошел?

Сэр Мишель виновато опустил голову и пробубнил:

– Проспал я... Да и денег не было...

Гунтер еще некоторое время копил в себе нарастающую изнутри волну слепой ярости, тяжело задышал и, наконец, рванув застежку кобуры, выхватил «Вальтер», сбросил предохранитель и, медленно встав на ноги, ткнул дуло в лоб сэру Мишелю.

– Да я тебя, ублюдок!..

Эти, как и дальнейшие, слова он сдавленно выкрикнул на старом добром немецком с южно-саксонским акцентом, ясно проявившимся в минуту ярости. Сколько себя помнил, *так* ему еще не приходилось ругаться. Подобного потока отборнейшей грязной брани, которую услышишь только в штрафных частях Вермахта, он сам от себя, офицера Люфтваффе, никак не ожидал. Излив свои гневные речи на голову оцепеневшего рыцаря, который, к счастью для Гунтера, не понял ни слова и все время мучительно косил глаза наверх и морщил лоб в попытке разглядеть черный металлический предмет, приставленный к его голове (жезл какой-нибудь освящающий?), немец в сердцах вскинул пистолет и выстрелил в воздух. Просто так, от злости. Усевшаяся на киль «Юнкерса» ворона сердито каркнула и тяжело взлетела, обронив пару перьев.

Из глаз сэра Мишеля точно искры посыпались от резкого, громоподобного звука, каковой доселе ему слышать не приходилось, и несчастный благородный рыцарь припал лбом к траве, закрыв голову руками.

– Ладно тебе придуливаться, – немного поостыв и отдышавшись, проворчал Гунтер, тронув сэра Мишеля носком сапога, и добавил на понятном рыцарю старом языке. – Вставай.

Сэр Мишель, уяснив, что гнев Божий вот прямо сейчас на него не обрушился, и молния Господня пролетела мимо, не причинив вреда, осторожно приподнял голову и исподлобья посмотрел на пистолет.

«Ангел, как есть ангел! А крылья, небось, под одежду запрятал, эвон она какая... непонятная». И встал, повинувшись сильному рывку, ухватившего его за плечи Гунтера. Последнему надоело ждать, и он решил помочь пугливому полоумному человеку понять, наконец, что раз-

говор сейчас предстоит серьезный. Тем более в округе кроме них двоих и вороны, возвратившейся на облюбованное ею местечко, никого не было.

Выглядел сэр Мишель не ахти – ноги будто сеном набиты, руки пытаются сложиться в молитвенный жест у груди, лицо бледное и губы подрагивают, точно он из ледяной воды вылез... А еще похмелье... тошнит... И дракон рядом стоит, не шелохнется.

– Объясни, – медленно начал Гунтер, старательно подбирая слова попроще, – какая это часть страны? Нормандия?

Сэр Мишель утвердительно кивнул и шмыгнул носом.

– Так, хорошо. Значит, мы во Франции?

Рыцарь вздохнул, не понимая, что хочет услышать от него драконий повелитель, но все-таки сказал правду, мало ли тот мысли насквозь читает, проверить хочет?

– В королевстве Английском. Земли короля Ричарда Плантагенета. Сына Генриха Второго, короля Англии, наследника герцога Вильгельма Нормандского... – и всхлипнул. Ну, почему он не понимает таких простых вещей, зачем спрашивает?

Гунтер загнал поглубже готовый вырваться истеричный вопль, и, снова встряхнув юношу, срывающимся голосом проговорил:

– В Англии сейчас король Георг. Виндзор. А Плантагенеты твои... поумирали давно.

На глазах сэра Мишеля готовы были показаться слезы – столь надрывно звучали слова иноземца. «Ангел, да еще рассудком повредившийся. Надо его к епископу отвести... Хотя, что епископу делать с ангелом? Ну, к святому нашему папе, в Рим, отвезет, а дальше? А дракон как же? Он же без хозяина от тоски подохнет, как собака, они такие, драконы... Взять его с собой – коровы в хлеву перепугаются, молоко давать перестанут... Зачем я из дому... ушел...»

Такие вот мысли роились в голове рыцаря, пока Гунтер пристально вглядывался в его лицо, пытаясь найти хоть одну черточку, присущую душевнобольным от рождения. Нет, этот человек выглядел вполне нормально... Но почему же тогда он говорит про королей, сгинувших почти восемь столетий назад, отчего не знает простого французского языка, предпочитая изъясняться на старинном наречии? Гунтеру поначалу пришла в голову мысль, что его разыгрывает студент-недоучка, откопавший на чердаке старофранцузский словарь и стянувший где-то кольчугу, но в подобное верилось с трудом, слишком уж неподдельными были слезы в глазах непонятного нормандца.

– Земли Английской короны. Я не вру, – повторил сэр Мишель, не смея поднять глаз. – И король сейчас Ричард. Ну, правда же!.. Он уже несколько месяцев как король.

– Несколько месяцев? – переспросил, прищурившись, Гунтер. – Несколько... А какой сейчас год, ты хоть знаешь?

«Дремучий селянин из глухой деревеньки, перепутавший времена, королей и страны?»

– Знаю. Одна тысяча сто восемьдесят девятый по пришествию Спасителя, – без запинки отчеканил сэр Мишель, а Гунтер, будучи не в состоянии уложить в голове эту неправдоподобную дату, опять тупо спросил:

– А кто у вас спаситель?

Тут уже настало время опешить сэру Мишелю. Он широко раскрыл глаза, серьезно посмотрел на Гунтера, чуть склонив голову на бок и недоуменно произнес:

– Господь наш, Иисус Христос. А... а у вас?

– И у нас он, – послушно кивнул Гунтер, и тут до него начал доходить смысл всего произошедшего в последние часы. Исчезновение английских и французских городов, всех самолетов, неработающая связь... А этот... Он настоящий рыцарь? Или все-таки придушивается?

– Тысяча сто восемьдесят девятый, – как во сне пробормотал Гунтер, глядя прямо перед собой. – Семьсот пятьдесят лет. Бред...

– Так ты христианин? – с надеждой спросил сэр Мишель. Уже лучше, значит не посланник сатаны. – А ну крестное знамение сотвори!

Гунтер чисто машинально коснулся двумя пальцами лба, исполняя просьбу рыцаря, и, сам того не замечая, прошептал первые слова Pater Noster³.

– Наш, – облегченно вздохнул сэр Мишель и, немного осмелев, спросил: – А сам-то ты кто? И зверюга твоя откуда взялась?

– Не знаю... – промямлил Гунтер. После этих слов он впервые в жизни упал в обморок.

* * *

Это очень неприятно, когда тебе на лицо изливается поток мутной, теплой воды, папахивающей тиной. А если учесть, что в сей зловонной жиже плавают головастики, так и норывающие попасть в рот, то такое положение становится совсем уж несносным.

Когда грязный водопад иссяк, Гунтер осторожно открыл глаза, вначале протерев их большими пальцами, и приподнял голову.

Ситуация была исключительно интересной: светловолосый нормандец за время, пока неизвестный валялся без чувств, развил бурную деятельность – назвавшийся сэром Мишелем человек стащил с Гунтера теплую летнюю куртку, китель, рубашку с галстуком, шерстяное белье, оставив голым по пояс, и теперь стоял рядом. Вода, принесенная из ближайшей болотины, подействовала – повелитель дракона, кажется, начал приходить в себя, и теперь слегка ошарашено осматривался, в поисках источника, излившего на его голову противный поток. Наконец его взгляд утвердился на сэре Мишеле, стоявшем рядом с сострадательным видом, и державшем в руках насквозь мокрый, и заляпанный тиной кожаный летный шлем, его, Гунтера собственный, кстати.

– Это... как понимать? – осведомился Гунтер, слегка приподнявшись, и опершись на локоть, – ты чего творишь, а?

Сэр Мишель помедлил с ответом, а потом на лице его появилась робкая улыбка:

– Так... ты же в беспамятстве был... Я думал, помрешь. А от беспамятства ничего лучше нету воды холодной. Вот.

– Ну, спасибо тебе, жизнь спас, – усмехнулся Гунтер и попробовал сесть. Голова, вроде, не кружилась. Глянув на сваленную кучей в двух шагах одежду, он хмыкнул, и, снова посмотрев на рыцаря, спросил: – Э, приятель, а раздевать-то зачем было?

Снова последовала долгая пауза, за время которой сэр Мишель покраснел до кончиков ушей, а потом тихонько пробормотал:

– Я думал ты... ангел, крылья вот искал.

– Чего?

– А их нету, крыльев-то... не ангел, стало быть.

Гунтер некоторое время переваривал услышанное, с мыслями: «Помешанный. То у него король – Ричард, то Англию с Францией путает... Теперь, вот, я – ангел... Впрочем, как помнится сумасшедших раздражать нельзя. Поэтому надо вести себя спокойно и соглашаться со всей ахинеей, которую он несет... И все-таки, что происходит вокруг?»

– Я не ангел, – сдерживая улыбку, сказал Гунтер, – я – человек... Ну, вроде тебя. Послушай, а где здесь ближайший город?

– Город... – поморщился сэр Мишель, – зачем тебе в город? Грязные они все, города. Народу там полно, все воруют...

«Точно, псих: из города сбежал, и в лесу живет» – решил Гунтер, а вслух ответил:

– Мне нужно поговорить с... – он долго искал подходящее слово на старофранцузском, и не найдя ничего похожего запнулся, – с военными, или... «Дас Полицай» – понимаешь?

---

³ Pater Noster (лат.) – молитва «Отче Наш»

– Не понимаю, – честно признался сэр Мишель, – может, тебе нужно исповедаться? Тут неподалеку монастырь бенедиктинцев, только мне туда нельзя, не пустят...

– Почему? – заинтересовался Гунтер, пропустив мимо ушей дурацкие слова нормандца об исповеди.

– Я у них, – сэр Мишель побагровел гуще прежнего, совсем поник, и тихо-тихо продолжил: – Вина премного с сэром Горациусом из Наварры испив, безобразия учинил. Отец приор, небось, до сих пор примочку на глазу держит. И... и в колодец ихний меня стошнило...

Гунтер вздохнул, сдвинулся на сухое место, и, откинувшись на траву, заложил руки за голову. И так, на данный момент в наличии имелись: сумасшедший нормандец (счастье, что не буйный), почти рехнувшийся от происшедшего немецкий летчик, труп Курта Мюллера в кабине бортстрелка, «Юнкерс», который необходимо, если уж не спрятать, то хотя бы прикрыть от посторонних любопытных глаз, и ворона, уже, небось, обгадившая весь киль. Положенье... А теперь еще и на исповедь топать, к бенедиктинцам, хорошо хоть не к тамплиерам...

Соответственно, начнем решать проблемы по степени насущности.

– Так, – Гунтер решительно поднялся на ноги, подобрал нижнюю фуфайку, натянул на себя, предварительно осмотрев – не запачкал ли ее «христианский рыцарь», нет ли там скользких головастика, которые до сих пор барахтались в траве, и мрачно посмотрел на сэра Мишеля. Тот по-прежнему молча стоял рядом, изредка косясь в сторону самолета.

– А ну, пойдем, поможешь, – Гунтер указал взглядом на свою боевую машину. – Там мертвец, его надо вытащить.

– Мертвец?! – округлились глаза у сэра Мишеля. – Да где?

– В... в Люфтваффе, внутри! – германец уже смекнул, что сэр Мишель называет самолет именно так, не разбираясь в конструкциях и моделях.

– Его съел дракон? – снова задал вопрос рыцарь, а руки его чуть задрожали. Значит, людей он все-таки жрет! Может, лучше не отбирать у него добычу?.. Попробуй-ка у собаки отнять, а тут...

– Какой дракон?! – тоскливо воздел глаза Гунтер. – Эта штука называется «са-мо-лет» и он железный!

– Железный дракон?! – поразился сэр Мишель и снова упал на колени. – Господь и все святые, жуть какая!

– Болван! Никого он не ест! Курта убили англичане!.. – Гунтер шлепнул себя по бедру: – Опять на колени плюхнулся... А ну, вставай! И помоги, черт бы тебя задрал!

Сэр Мишель медленно поднялся, непрерывно осеняя себя крестным знаменем, бормоча что-то о некуртуазных незнакомцах, которых давно следует поставить на место, и сожалея о пропитом давеча мече. Гунтер, подтянувшись, снова залез на левое крыло и протянул руку сэру Мишелю, боязливо трогавшему пальцем обшивку консоли. Наконец, тот поборол страх, и взобрался на плоскость, игнорируя протянутую ему руку.

– Где мертвец? – хмуро промолвил рыцарь, стоявший на полусогнутых ногах, и готовый кошкой спрыгнуть обратно на землю при малейшем движении дракона. Люфтваффе пока вел себя смирно.

– Иди сюда! – Гунтер указал на раскрытый колпак кабины.

Уцепившись за куртку бортстрелка, уже почти окоченевшего, он потянул его на себя, а подошедший сэр Мишель с лицом серьезным и сосредоточенным перехватил тело Курта за правую руку. Про себя рыцарь читал молитвы. Общими усилиями ставший почти неподъемным труп был перетащен через борт и уложен на обшивку крыла.

– Чем это его так? – сэр Мишель нахмурился, разглядывая совершенно незнакомые по виду и очень страшные раны. На правой половине лба погибшего зияла круглая дыра размером с монету, а затылок и вовсе был разнесен вдребезги, будто кистенем попали. Еще одна дырка находилась на груди, возле ключицы. Спина же была окровавлена снизу доверху, и, как

разглядел рыцарь, внутри драконьего глаза все было вымазано в крови и забрызгано выбитым мозгом.

– Потом объясню, – буркнул Гунтер, не поворачиваясь. Он, перегнувшись в кабину Курта, пытался отыскать английские пули. Нашлись обе. И, глядя на здоровенные, с палец длинной, пулеметные снаряды, Гунтер непроизвольно возблагодарил небеса за то, что меж кабиной пилота и бортстрелка была установлена броневая перегородка. Такими железками, не будь ее, прошло бы обоих...

– Ты могилы копать умеешь? – спросил Гунтер у заинтересованно разглядывающего труп Курта сэра Мишеля.

– Не рыцарское это дело, – мигом отозвался нормандец.

– Потащили его к краю поляны... – отмахнувшись, приказал Гунтер. По его тону сэр Мишель понял, что для пререканий сейчас не время, и со вздохом слез вниз. Рыцарь взял тело за ноги, и довольно неаккуратно стащил с плоскости наземь. Тут он наморщил лоб, вспомнив кое-что важное и поднял глаза на драконьего владыку.

– А этот... – сэр Мишель указал взглядом на Курта, – он христианин?

– Был... – буркнул Гунтер. – Наверное.

– То есть как это – «наверное»? Не сарацин же! – изумился рыцарь. – Коли христианин, то священника звать потребно, и на кладбище хоронить, как и заведено! Он перед смертью исповедовался?

– Ага, по рации... – Гунтер награбил нормандца взглядом, каким обычно смотрят на тех, кого собираются убить на месте, не раздумывая. Потом вспомнились последние слова Курта, уже после появления «Харрикейнов», и немец едва сдержал усмешку. Хороша была исповедь. – Грехи ему отпустили...

– А ты откуда знаешь? – заинтересовался сэр Мишель. – Что, тайну исповеди нарушил кто? Непотребство экое!

– Хватит! – рявкнул германец. – Хоронить будем здесь! Сейчас выкопаем могилу, и зароем его! А там пусть со своими грехами сам разбирается! – Гунтер понимал, что тело следовало бы оставить, а потом передать военной полиции, чтобы отослали домой, но учитывая донельзя странную обстановку вокруг, решил предать тело земле, а место запомнить. Хотя, какая, к бесу, военная полиция, спрашивается? С миром что-то случилось; невероятное, и не укладывающееся ни в какие представления событие. «А может я сейчас лежу в палате военного госпиталя, спеленатый по рукам и ногам или без них вовсе, а дюжие молодцы в белых халатах только и ждут момента, когда спятивший больной едва пошевелится, чтобы вколоть какую-нибудь гадость?»

Взглянув на небо, Гунтер увидел легкие пушистые облачка и вступившее в южный квадрант солнце. Часы показывали без четверти десять по времени Парижа. Видимо, сейчас активность авиации снизилась и в дело вступила береговая артиллерия. До побережья пролива не столь уж и далеко, и в любом случае можно услышать либо грохот канонады, либо увидеть хотя бы несколько самолетов. А вокруг – тишина, только птицы в лесочке поют, заливаются, как всегда...

«Никакой это не тысяча сто восемьдесят девятый год, уж точно! – твердо сказал себе Гунтер. – Просто наложились друг на друга какие-то немыслимые ошибки, совпадения, и не удивлюсь, если меня отнесло совсем в другую сторону, чем я предполагаю. Ладно, доберемся до ближайшего поселка, там, надеюсь, хоть один-то человек в здравом уме и трезвой памяти отыщется».

Решив, что сейчас не время для размышлений, Гунтер посмотрел на сэра Мишеля, стоявшего возле тела Курта, склонив голову и сложив руки, и бормотавшего себе под нос молитву. Бесцеремонно ткнув его в бок, Гунтер сплюнул и процедил:

– Потащили.

Он грубовато ухватил тело за ноги, а сэр Мишель, подавив желание вызвать «ангела» на поединок, хотя бы и рукопашный, бережно поднял за окровавленные плечи, и они понесли его прочь от самолета. Гунтер высмотрел у границы луга с перелеском небольшой, но приметный из-за странно искривленного ствола куст орешника и молча кивнул на него.

Взглянув еще раз на солнце, а затем на часы, Гунтер определился со сторонами света и, подыскав подходящую палку, положил ее на облюбованном для могилы Курта месте колом на восток. Оставив полоумного рыцаря возносить молитвы у тела безвременно почившего унтер-офицера германских военно-воздушных сил, Гунтер направился обратно к «Юнкерсу».

За полтора года службы запасливый Гунтер вместе со своим бортстрелком, наплевав на строжайшие штабные инструкции по технике безопасности, оборудовал по своему, на чей-нибудь посторонний взгляд весьма извращенному, вкусу ставший родным самолет. Ну какая разница, если взлетный вес будет на несколько килограммов больше, а полезных вещей на борту прибавится? Тем более, во времена постоянных передислокаций и смен аэродромов. Конечно, на время проведения инспекций, периодически наезжавших из Берлина, лишние на боевом самолете вещи убирались и прятались, но все остальное время за сиденьями пилота и стрелка-радиста, в самых невероятных закутках, имевшихся в корпусе, лежали исключительно необходимые предметы. Достаточно вспомнить аварийную посадку в прошлом году, когда едва началась польская кампания – приземлились недалеко от Варшавы, предварительно разнеся в клочья железнодорожный узел к югу от города; сухопутные части тогда еще не подошли, и пришлось отбиваться от неожиданно налетевших польских жандармов. Что пришлось бы делать, не будь в загашнике десятка запасных магазинов к автоматам? А так продержались почти три часа, правда, и поляки не были излишне активны – лишь лениво постреливали из-за деревьев...

И вот сейчас настало время отыскать среди припрятанных полезных предметов небольшую складную саперную лопатку, некогда выменянную унтер-офицером Куртом Мюллером у сдавшихся в плен французов на сигареты. Для того, чтобы она послужила ему лишь однажды, и то на прощанье.

– Жаль, лопата одна, – послышался позади голос сэра Мишеля. – И маленькая какая-то, никогда таких не видел... А для чего она такая?

Гунтер не заметил, как сэр Мишель тихонько подошел, уже безбоязненно залез на плоскость и теперь с любопытством рассматривает содержимое ящичка, извлеченного из-за кресла пилота. Слегка поразмыслив и придя к выводу, что полоумный нормандец на сей раз прав, Гунтер, немного порывшись где-то в кабине, извлек на свет Божий слегка помятую полевую каску с государственным гербом (где Курт ее стянул, так и осталось неизвестным). Выложив на крыло консервы и ржаные галеты, лежавшие в каске вместе с маленькой флягой, доверху наполненной спиртом, он вручил железный шлем сэру Мишелю, который тут же напялил его себе на голову, быстро сообразив, что это такое.

– Ты мне это даришь? – с надеждой в голосе и расплываясь (считай, впервые с момента их встречи) в радостной улыбке спросил сэр Мишель.

– Вроде того. Будешь этим копать вместе со мной.

Рыцарь помрачнел, снял каску, и, пряча ее за спину, пробубнил обиженно:

– Я лучше руками, а такой шлем, он еще пригодится, вот только забрало бы к нему...

– Я сказал копать!!! – сорвавшись заорал Гунтер. – Значит будешь копать!!!

– А потом ты мне его подаришь? – сэр Мишель огорченно подумал, что такой замечательный, пусть и не полный шлем вовсе и не годится для рытья могил. Заржавеет, небось... Хотя что шлемами только не делают... Вон, сэр Горациус...

Его мысли были прерваны довольно грубым тычком кулака в грудь, и нормандец уныло поплелся вслед за Гунтером, решительно зашагавшим к ореховым кустам.

«Это Господь меня карает, – рассуждал про себя рыцарь. – Все за пьянство, за блуд. Мало, что дракон, так теперь еще и этот... этот... наверно, человек, раз крыльев нет, осердился. Нет, не обычный он совсем, может блаженный, или даже святой, раз такого громадного дракона сумел укротить. Такая встреча запросто не бывает. Наверно, небеса хотят наставить меня на путь истинный, ко спасению души...»

Копали долго. Солнце перевалило за полдень, когда могила стала достаточно глубокой, а сэр Мишель взмок и утомился. Драконий повелитель пару раз предлагал снять кольчугу, но нормандец настолько привык таскать на себе железо, что сама возможность оказаться без любимой, хоть и старой брони привела его в ужас. Ну и само собой, с похмелья было тяжело дышать, мучило сердцебиение, и каждое движение давалось с трудом.

Наконец, безобразная, по мнению Гунтера, яма, которую он почему-то упорно называл могилой, достигла требуемой глубины. К этому времени сэр Мишель выбился из сил окончательно и занимался тем, что из наломанных поблизости веток пытался смастерить хоть какое-то подобие креста.

– Освятить крест бы надобно, да и землю тоже. Непотребство это – хоронить христианина в лесу, как собаку, да без отходной молитвы, – бормотал сэр Мишель, глядя, как Гунтер обшаривает покойника, снимает с сапог какие-то блестящие продолговатые штучки в кожаных чехольчиках, отстегивает с пояса такую же треугольную сумочку, как у него самого, ту самую, из которой он достал гремещий жезл.

– Разве можно отнимать у покойника его вещи? А если они ему понадобятся? – укоризненно покачал головой сэр Мишель.

– Чего? – скривился Гунтер. – Когда понадобятся, где?

– Когда труба Архангела возвестит воскрешение, когда же еще?! – возмутился рыцарь, но тут же с любопытством заглянул Гунтеру за плечо – тот как раз снимал ордена с Курта. – Это что? Зачем?

Гунтер вздохнул, пряча в карман серебряный знак «За Францию» и пару медалек за героизм и что-то там еще в том же духе; кажется Курт получил их после гражданской войны в Испании – он воевал тогда в легионе «Кондор».

– Эти штучки нельзя в могилу класть, – строго сказал он. – Они... их надо родственникам оставлять.

– А, понял! – воскликнул сэр Мишель. – Наследство? Они, наверно, очень дорогие, раз такие маленькие?

– Наподобие, – согласился Гунтер, не желая больше втолковывать этому олуху элементарные вещи, известные любому школяру. – Давай-ка положим его туда.

Он спрыгнул в яму, принял из рук сэра Мишеля тело Курта и уложил его на сырую, неровную землю. Подтянувшись, Гунтер вспрыгнул наверх и сказал:

– Вот теперь можешь нудить свои молитвы, я разрешаю.

Сэр Мишель перетянул перекладину креста оторванным от собственной одежды лоскутом, поднял свое творение над головой – крест получился небольшим, длиной едва с руку. Закрыв глаза и слегка откинув назад голову, твердым ровным голосом он начал читать «Pater Noster», «Ave Maria» и «Credo» на латыни, ни разу не сбившись. Эти молитвы Гунтер знал, но после них нормандец принялся декламировать абсолютно неизвестные ему латинские тексты, которые, судя по немногим понятным словам, были явно духовного содержания.

«Точно, у француза сдвиг в мозгах на религиозной почве, – подумал Гунтер. – Вот и объяснение, отчего англичане у него в „крестовый поход“ пошли... И почему мне надо было исповедаться. Ладно, такие психи не опасны. Пусть себе ходит да молится, главное, чтобы вывел меня к людям. Скорее всего, мы сейчас в Кальвадосе или Приморской Сене, и тут недалеко река или, на худой конец, Кан или Алансон».

Погрузившись в расчеты своего возможного местоположения, Гунтер как-то пропустил момент, когда блаженный француз, все еще лопоча что-то на латыни, принялся зарывать могилу. Делал он это не в пример резвее, чем до того выкапывал ее. Гунтер в погребении почти не участвовал, ограничившись традиционными тремя горстями земли. Вскоре возле куста орешника возвышался небольшой свежий земляной бугорок с воткнутым в него кривоватым крестом из двух палочек, связанных обрывками ткани.

– Ну, ладно, дело сделано. Пошли.

Сэр Мишель помедлил немного, потом сорвал пучок медуницы и положил на могилу. Гунтер только сплюнул и, сунув руки в карманы, размашисто зашагал к самолету. Рыцарь последовал за ним, охваченный внезапным страхом, будто загадочный человек сейчас оседлает дракона и улетит туда, откуда он явился, возможно, только для того, чтобы предать земле тело своего друга или оруженосца.

– Слушай, прежде чем покинуть меня, скажи хоть свое имя, – сказал он, поравнявшись с Гунтером. Тот вдруг остановился, повернулся к нему и ответил:

– А с чего ты взял, что я собираюсь тебя покинуть?

– Не знаю, – пожал плечами сэр Мишель. – Я подумал, ты идешь к своему Люфтваффе, чтобы улететь.

– Да не могу я улететь, при всем желании! *Бензин* кончился, – слово «бензин» ему пришлось сказать по-немецки, за неимением эквивалента на норманно-французском.

– Бьен-зин? – повторил сэр Мишель. – А что это?

«Это уже чересчур! Не знать, что такое бензин!? Из какого захолустья он вылез?»

– Ну, вроде вина. М-м, дракон его выпьет и полетит. А без него не может. Ясно?

– Ясно. Отдохнуть ему надо, а я думал, помер он. А яму для дракона у меня нет уже сил копать... Все.

Гунтер тяжело вздохнул и, вспомнив первый вопрос сэра Мишеля, сказал:

– Кстати, зовут меня Гунтер фон Райхерт.

Сэр Мишель произнес имя драконьего владыки несколько раз одними губами, словно пробуя его на вкус, потом поморщился и все-таки попытался сказать это вслух:

– Гун-тьер... вон Рахер... Нет, это никуда не годится. Мне такое никогда не выговорить.

– Ну и что? – удивился Гунтер. – Мне-то какое дело до этого? Неужто ты думаешь, что я буду менять имя только из-за того, что ты язык на нем сломаешь?

– Конечно! – воскликнул сэр Мишель. – А как же? Ну, не звать же мне тебя – «эй ты, сэр!»

Гунтер в очередной раз не смог сказать ничего умного в ответ, сраженный железной логикой придурочного француза.

– Да, действительно... Ну, придумай что-нибудь.

– А второе имя у тебя есть? При крещении, обыкновенно, дается два имени!

– Есть. Полностью меня зовут Гунтер-Иоганн.

Он развернулся и направился к самолету, а сэр Мишель, поглощенный поиском подходящего имени для своего нового знакомого, поплелся позади.

Гунтер же думал о том, как бы получше спрятать самолет, чтобы с воздуха в глаза не бросался да и не всякий вышедший на поляну человек мог его заметить. «Отогнать его к самому краю поляны, вон в ту лошину, например, прикрыть ветками сверху... Жаль сетки камуфляжной нет, да и черт с ней! Все равно прятаться недолго, свои неподалеку должны быть. Вот только бензин... хе, „вино для дракона“ раздобыть. Надо этого недоумка предупредить, чтоб не пугался, а то еще под колеса ползет или чего доброго под винт сунется – такой может... В кабину, на куртово место, его посадить что ли? Там разберемся», – Гунтер забрался в кабину, оценив, насколько непривычно сидеть без куртки или комбинезона.

Так, бензина шестьдесят литров, масло – в норме, но тоже маловато... Остальное вроде в порядке – стоит удивиться, что английские пули не причинили машине заметного вреда. Бед-

ный Курт, как ему не повезло! Это ж надо было оказаться на пути пуль сумасшедшего англосакса; ведь тот ублюдок с «Харрикейна» бил наудачу, в воздух палил. Так недолго и фаталистом стать...

Гунтер бросил взгляд на стоящего у крыла сэра Мишеля и увидел, как его хмурое, сосредоточенное лицо осветила лучезарная улыбка, нормандец взмахнул рукой и, точно первую фразу оды, произнес нараспев:

– Говоришь, Иоанн?

– Чего? – наморщил лоб германец, которого сэр Мишель сбил с мысли своим возгласом.

– Твое второе имя – Иоанн?

– И-о-ганн, – четко сказал немец.

– На нашем наречии «Жан»? По-английски значит – Джон?

– Наверно, так, – Гунтер никак не мог понять, к чему клонит рыцарь.

– В Англии сейчас правит принц Джон, – как бы невзначай сообщил сэр Мишель. – Брат короля Ричарда.

«Опять за свое!» – простонал про себя Гунтер, а в слух сказал:

– Может, все-таки, король Георг?

«Не разбирается он в наших делах, путается, бедняга. Оно и понятно...» – подумал сэр Мишель и, надсаживаясь, прокричал:

– Ты хочешь, чтобы тебя звали по нашему?

– Ну?

– Иоанн – Джон! А по доброму – Джонни!

«Пресвятая дева! – Гунтер устало откинулся на спинку кресла, приложив ладонь к лицу. – Ладно, побуду немножко Джонни, раз ему так хочется, от меня не убудет».

– Валай, зови «Джонни». Сэр... Мишель, можно просто «сэр». По доброму?

– А как же! – с готовностью отозвался тот. – Можно «сэр», можно «сэр рыцарь», я не обижусь. Слушай, а ты сам-то дворянин?

– Дворянин... – проворчал под нос Гунтер и подумал: «Папа из благородных, даже в родстве с герцогом Дармштадским. А у нас в Райхерте долго ходила легенда, будто прапрабабушка спуталась с самим Генрихом де Валуа и понесла от него прадедушку. Если так, то во мне есть кровь французских королей и германских курфюрстов... Конечно, дворянин».

– Дворянин, дворянин! – скрывая улыбку прокричал Гунтер. – Даже родственник Валуа, таких не знаешь, случайно?

– Знаю! – просиял сэр Мишель. – У них еще золотые лилии на лазурном поле в гербе! А какой у тебя герб? Тоже с лилиями? Красиво, должно быть!

– Другой, – отрезал Гунтер и подумал: «Этого придурка все-таки надо посадить в кабину. Как есть под винт залезет!» – Эй, сэр, а ну, залезай на крыло!

Сэр Мишель уже почти без опаски, но довольно неуклюже, вскарабкался на плоскость, и с любопытством заглянул в кабину.

– А что это у тебя тут?

– Всякие... Штуковины! Они нужны, чтобы я мог повелевать Люфтваффе.

– А-а-а... – с понимающим видом протянул сэр Мишель.

– Вроде глаз и ушей, – пояснил германец, изо всех сил пытаясь не расхохотаться. И потом, «сэр рыцарь» выглядел исключительно потешно в грязной, съехавшей на затылок пехотной каске с маленьким имперским орлом на боку.

– А где у него рот? – тут же спросил нормандец, подозрительно оглядывая «Юнкерс».

– Закрит, потому и не видно, – не вдаваясь в подробности сказал Гунтер. – И без моего приказа он его не откроет.

Немец, в который раз вздохнув, и отчетливо представляя себе всю абсурдность ситуации, вылез из кабины, взял сэра Мишеля за плечо, подвел к месту бортстрелка, затем, выудив

откуда-то грязную промасленную тряпку для протирки пулемета, привел немного в порядок сидение Курта («Бывшее...» – скользнула мысль) и указал на него рукой.

– Полезай туда, покатаю.

– Может, не надо? – мигом скис сэр Мишель, озираясь в надежде отыскать пути к бегству. Рыцарь решил, что кровожадный Люфтваффе сделает с ним то же, что и с погребенным человеком. И будут две могилки рядом... Если вообще найдется что хоронить!

– Я сейчас разбужу... дракона, чтобы он перешел на другое место и спрятался, – Гунтер давился со смеху, представляя себя, уговаривающего помешанного, со стороны. – А если ты будешь стоять рядом, Люфтваффе тебя покусает. Может и до смерти.

«Нет, не жить мне на свете! Внутри залезу – съест. Снаружи останусь – покусает. Бежать бы надо отсюда. Да разве убежишь от дракона?» – думал сэр Мишель, слушая Гунтера. Тот невозмутимо продолжал:

– Единственное безопасное место – внутри, – гнул свое германец. – Того, кто под защитой этого... – он указал взглядом на откинутый фонарь кабины, – этого прозрачного колпака, дракон не тронет. Понял?

Сэр Мишель, вспомнив, наконец, что благородному рыцарю трусить не пристало, решился и обречено полез через борт в залитую присохшей кровью драконью глазницу. Усевшись в кресло и терпеливо дождавшись, пока Джонни застегнет какие-то ремни, перетягивающие грудь, и прижимающие к сиденью, а также щелкнет непонятной штучкой на странного вида длинном железном инструменте, торчащем из глазницы в сторону хвоста дракона (Гунтер ставил оружие на предохранитель, чтобы «благородный сэр» в цыплячьей панике не схватился за пулемет и не принялся палить в белый свет, как в пфенниг), сэр Мишель обдумывал, как покуртуазнее задать следующий вопрос, но так ничего не надумав, брякнул прямо:

– Послушай, а того... погребенного, чем его убило?

– Другой дракон напал, – хмыкнул Гунтер.

«Неужели драконов настолько много, что они запросто встречаются в небесах и устраивают там драки? Но, почему тогда я никогда не видел ни одного? Может, они летают очень высоко и их не видно?»

Сэр Мишель некоторое время смотрел на пулемет, теряясь в догадках, что бы это могло быть, и вдруг его осенило.

– Слушай, Джонни, а вот те штуки, которыми убило твоего... оруженосца, это зубы другого дракона?

– Ну? – Гунтеру даже интересно стало: что новый знакомый еще придумает?

– А эта палка, – рыцарь покосился на пулемет и продолжил восхищенным шепотом, сам удивляясь своей догадке, – она мечет зубы дракона?..

После этой фразы сэр Мишель затих, зачарованно глядя на оружие, которое казалось ему божественным чудом, дарованным небесами христианам. У сарацинов такого точно нет! Мозг, избавившись от тяжелого груза похмелья, усиленно заработал: «Так, Джонни сказал, что не собирается меня покидать. А что если мне удастся уговорить его пойти со мной в Святую Землю? Там мы вдвоем, точнее, втроем, с Люфтваффе, присоединимся к воинству Христову и поможем христианским королям очистить Святую Землю от проклятых сарацинов! Вот это да!» Он зажмурился, погружившись в мечты.

Гунтер, перестав обращать внимания на бредни нормандца, убедился, что его новый приятель привязан накрепко и ведет себя тихо, закрыл фонарь задней кабины, а потом забрался на свое место.

То, что произошло потом, сэр Мишель не любил вспоминать, так как перетрусил самым непотребным образом. Люфтваффе несколько раз чихнул, просыпаясь, потом мелко задрожал, и в уши рыцаря ворвался драконий громоподобный рык.

«Неужели меня возьмут живым на небо? – пронеслась шальная мысль в гудевшей голове сэра Мишеля. – Ой, а вдруг архангел Михаил меня в рай не пустит, ибо грешник я великий?.. Как же я тогда на землю вернусь, если Джонни с Люфтваффе на согласятся отвезти меня обратно?»

Однако, сэр Мишель видел, что лететь дракон пока не собирается, а просто медленно ползет по полю в направлении перелеска, явно намереваясь спрятаться там. Небольшой участок поля, с трех сторон окруженный деревьями, по мнению Гунтера, был идеальным укрытием. Конечно, загнать «Юнкерс» в эдакую лощинку так, чтобы ветви деревьев не попали под винт и стволы не задели плоскости, было почти ювелирной работой, но, как ни странно, Гунтер справился с этим без особого труда, остановив машину почти в полуметре от густых зарослей крушины. Ветви низко пригнулись к земле под воздушным вихрем, созданным вращающимся винтом, поднялся маленький смерч сухих листьев, травинок, каких-то лепестков. Наконец, лопасти остановились, двигатель заглох, точно задохнулся, и машина замерла.

– Напугался? – улыбнувшись, спросил Гунтер сэра Мишеля, когда помогал ему выбраться на крыло. У бедняги не гнулись ноги от пережитого ужаса, а лицо было мертвенно-бледным.

– Вовсе и нет, – зябко лязгая зубами, ответил нормандец. Какой же рыцарь признается, что ему было страшно? – А я мыслил, полетит дракон...

– Он передумал. Решил не мозолить глаза лишний раз, – лицо Гунтера снова омрачилось. Две проблемы решены: самолет худо-бедно спрятан, и Курт обрел вечное успокоение. Теперь оставалось отыскать людей («сэр рыцарь» – не в счет). А на часах уже два пополудни. Будет удачей, если к вечеру получится связаться с французскими (ну или германскими) властями, а лучше – со штабом дивизии. Там наверняка зачислили 77-ю машину в пропавшие без вести или в погибшие. Вот интересно: сколько англичане успели сбить наших самолетов за прошедшее утро?

Вопрос не менее насущный – что следует взять с собой? Безусловно, оружие, консервов немножко. Хотя, зачем брать консервы? Всяко неподалеку есть поселок или на худой конец чей-нибудь дом. В северной Франции сохранилось великое множество старых дворянских гнезд. Правда неизвестно, как их обитатели отнесутся к офицеру германской армии; остается надеяться, что посадка все-таки состоялась на оккупированной территории, и французы примут «завоевателя» не в распростертые объятия, конечно, но выгнать не посмеют и позволят поесть, отдохнуть да связаться со своими. Больше-то от них ничего и не требуется.

«Какая, к дьяволу, „оккупированная территория?“ – настойчиво всплыла из самых дальних глубин сознания насильно отогнанная мысль. – Ты же четко видел, что вокруг нет никаких городов, дорог, да и пролетая над Ла-Маншем не заметил ни единого корабля. И теперь ты надеешься отыскать телефон? А вдруг действительно ближайший телефон в семистах пятидесяти годах отсюда, и не этот рыцарь сошел с ума, а ты сам? В общем, будь, что будет...»

Пока Гунтер размышлял, очухавшийся сэр Мишель с глуповатым видом, полураскрыв рот, разглядывал самолет, обходя его со всех сторон. Рыцарь дергал за лопасти винта, похлопывал ладонью по обтекателям шасси и приговаривал себе под нос:

– Хороший, Люфтваффе, умный. Спрятался – и не шелохнется.

Потом сэр Мишель залез под брюхо «Юнкерса», некоторое время ползал там, и вдруг оттуда послышалось удивленное присвистывание.

Гунтер, восторгнувшись, нагнулся и увидел, что сэр Мишель, скорчившись, разглядывает штангу бомбосбрасывателя, удерживавшую так и не использованную бомбу SC-500. Заговорщицки посмотрев на германца, рыцарь подмигнул и поманил его к себе пальцем. Гунтер обреченно полез под самолет, поняв, что сейчас предстоят очередные объяснения, и подумал: «Господи, вот счастливый человек – не знает, что такое бомба!»

– Джонни, а я понял, что это такое! – с хитрой улыбочкой сказал сэр Мишель, кивая в сторону черного вытянутого снаряда. – Я правильно подумал, а?

Гунтер некоторое время соображал, на лице его попеременно отразились недоумение, потом изумление, и, наконец, он, хлопнув себя ладонями по коленям, опустился на траву, затрясшись от хохота. Сэр рыцарь тихонько фыркнул под нос.

– Да, ты совершенно прав... – выдавил, наконец, из себя германец, когда приступ смеха понемногу прошел. – И ты не сумасшедший – у помешанных нет чувства юмора... Ну, хорошо, вылезай отсюда, сэр, пойдем поищем какую-нибудь деревню или город.

– А чего искать-то? – сэр Мишель выбрался из-под самолета, огляделся и протянул руку к югу. – Вон там дорога, она ведет от Руана к Анжу...

«Ну, наконец-то! Появились знакомые названия, – возликовал Гунтер. – Все же мы приземлились недалеко от своих!»

Сэр Мишель тем временем продолжал:

– Тут рядом деревня Сен-Рикье, а неподалеку замок сэра Бреалья, нашего вассала. А если хочешь, можем пойти к моему папе, в Фармер, завтра к утру доберемся.

– Пошли сначала в деревню, – рассудил Гунтер. Достав из кабины автомат и несколько полных магазинов, он направился к своей одежде, валявшейся комком в том месте, где ее бросил рыцарь. Несмотря на очевидный идиотизм ситуации, германцу стало интересно узнать, что же этот человек называет «замком» и кого считает бароном. Не исключено, что новоявленный Дон Кихот притащит его к какому-нибудь хлеву, вытащит оттуда самого толстого борова, поцелует ему копытце или ухо и представит – вот мой папа. А если выведет свиноматку, то не будет удивительным, если она окажется Дульцинеей Тобосской. Все это, конечно, детские забавы, но, в конце концов, вдосталь насмотревшись на самую настоящую войну, хочется иногда забыться. Хоть так... Пусть парень напридумывал кучу несуразностей, не относящихся к реальности, начитавшись Вальтера Скотта или Стивенсона, но почему бы и не подыграть ему? Разве он сам до войны не зачитывался в отцовской библиотеке рыцарскими романами, не сражался с приятелями на деревянных мечах и, надев самодельные жестяные шлемы, изображал то Зигфрида, то Беовульфа? Эх, жаль отец не разрешал играть с теми умопомрачительными доспехами, что стояли в парадном зале Райхерта...

Одеваясь, Гунтер с неудовольствием отметил, что сэр Мишель, стаскивая с бессознательного «ангела» рубашку, не удосужился расстегнуть пуговицы, а просто стянул ее через голову – и вот результат: на форменной белой рубашке недосчитывается нескольких пуговиц. Счастье, что китель в порядке.

Погода была теплая, и брать с собой тяжелую летнюю куртку не хотелось. Гунтер, еще раз решив прибегнуть к помощи нормандца, отдал ему куртку, сказав бросить в кабину, то есть, в глаз дракона (ему будет не больно, и кроме того, Люфтваффе спит). Рыцарь посмотрел удивленно – с какой это, мол, стати мне, благородному сэру, бегать по поручениям ровно оруженосцу, – но ничего не ответил, решив лишний раз посмотреть на дракона вблизи.

На Алансонскую дорогу из лесу вышли двое. Один, ростом пониже, со светлыми вьющимися волосами до плеч, облаченный в выдавшую виды кольчугу, из под которой торчала грязной бахромой изношенная одежда, в потертые заплатанные кожаные штаны, заправленных в мягкие замшевые сапоги; на широком поясе красовались пустые простенькие ножны от короткого меча и привязанная за ремешок полевая пехотная каска. Второй – повыше, рыжий, коротко стриженный, в серо-сизой летной форме офицера германских ВВС, с автоматом, висящим спереди; руки его, полусогнутые в локтях, покоились на оружии. Позолоченные часы на левом запястье поблескивали в солнечных лучах.

Стрелки показывали три с четвертью по меридиану Парижа. Тринадцатый день августа тысяча сто восемьдесят девятого года от Воплощения Христова клонился к закату.

Глава третья

Неправильное Средневековье

По обе стороны пыльной дороги, уходящей вперед плавными петлями, тянулись сочные луга, их сменяли небольшие прозрачные рощицы; вокруг, насколько мог видеть глаз, тянулись цепи холмов, поросшие лесами, а на самом горизонте чуть виднелись голубоватые вершины невысоких гор – их призрачные силуэты были словно набросаны акварелью. Казалось бы, привычный деревенский пейзаж, но Гунтер сразу же заметил в нем нечто необычное, противоестественное. Поначалу он никак не мог поймать это ощущение, разгадать, что же странного в темной зелени лесов, блеклой знойной дымке над травой, ровным густым ковром расходящейся от дороги. И, наконец, понял. Не было асфальтовых дорог, серебристых нитей железнодорожного полотна, исчезли куда-то аккуратные каменные и деревянные домики хуторков, привычных для нормандского пейзажа, вместо них кое-где толпились кучками, точно грибы, небольшие глинобитные избушки, по самые окна вросшие в землю, крепкие и неказистые, крытые соломой. Далеко, километрах в трех-четырех, на одном из лесистых холмов Гунтер углядел замок. Ему не раз доводилось видеть подобные строения – заботливо отреставрированные, со свежескрашенными башенками, – но вид этого строения чем-то подсказал ему, что стен не касались руки современных каменщиков и реставраторов. Замок выглядел старым, грубые нетесаные камни потемнели, обветрились; над одной из башен развевалось знамя с неразличимым из-за расстояния гербом.

Позади послышался конский топот и поскрипывание колес. Гунтер обернулся и увидел, что их нагоняет повозка, высоко нагруженная сеном. Крупная гнедая лошадь, плавно поводя лоснящимися округлыми боками, упруго печатала шаг, высоко поднимая сильные ноги, грызла удила, трясла гривой – будто бы рисовалась, без труда влача за собой телегу. Под стогом сена, высившимся точно небольшой дом, сидел крестьянин – рослый мужик лет тридцати-тридцати пяти, эдакий здоровяк с льяными космами, подстриженными вкривь и вкось, как ножом отхваченными, такой же бородой, в которой, вдобавок, запутались стружки, травинки, какой-то лесной мусор. На голову была нахлобучена бесформенная войлочная шляпа, а вся одежда селянина состояла из широкой грязно-серой полотняной рубахи и таких же штанов, засученных до середины голени. Расслабленно покачиваясь в такт тряской повозке, он небрежно придерживал в руках поводья, предоставив лошади самой выбирать дорогу.

Поравнявшись с путниками и распознав в одном из них благородного рыцаря, возница натянул повод, после чего лошадь, недовольно встряхивая гривой, побрела вровень с людьми. Ленивым движением крестьянин стащил с головы шапку и чуть наклонился вперед, после чего вперил небесно голубые глаза в Гунтера, с простецким нахальством оглядывая его с ног до головы. Тот же, почувствовав легкое раздражение от столь бессовестного любопытства, нагло выговорил на простом немецком языке:

– Ну, что смотришь, детина? Никогда не видел германских солдат?

Крестьянин выпрямился, пожевал губами и сдвинул брови – ни единого слова он не понял, но догадался, что господин в странной одежде сердиться изволит. На всякий случай возчик спросил густым басом:

– А? Что вы сказали, ваша милость?

«И этот на старофранцузском лопочет... – ошалело подумал Гунтер. – Сговорились они что ли? Или у них тут эпидемия? Хотя, насколько мне известно, с ума сходят по одиночке, разве только гриппом все вместе болеют».

Неожиданно встрял сэр Мишель. Рыцарь гордо выпятил грудь, задрал подбородок, грозно нахмурившись, метнул гневный взгляд на селянина и рыкнул низким голосом:

– Проезжай! С каких это пор низкорощенные тревожат благородных расспросами? И начинают первыми разговор?

Крестьянин чуть вздрогнул, быстро посмотрел вправо-влево, точно опасаясь увидеть целый отряд дворян, высланных на усмирение невежи, и тихонько пробормотал:

– Я у сэра Бреалья арендатор, сено везу вот...

– Ну и дальше что? – надменно произнес сэр Мишель, разжигая в себе гнев. Однако крестьянин, вовремя почуяв неладное, стегнул лошадь вожжами, и кобыла резвой рысью припустила вперед по дороге. Гунтер увидел, как несчастный мужик оглянулся назад из-за стога и подхлестнул лошадь. Сэр Мишель, подняв носком сапога облачко пыли, привычно пошарил по ножнам, отыскивая рукоять меча, но, вспомнив о событиях минувшей ночи, тяжело вздохнул, пробормотав:

– Никакого сладу нет с этими мужланами...

– А что такое? – не понял Гунтер. «Крестьянин как крестьянин, а на мою одежду у всех... э... нормальных французов реакция нехорошая. Вот интересно, а почему мужик разглядывал меня, будто пугало, хотя одежда моего спутника куда более экстравагантна? Или мой проводник известный в округе деревенский дурачок, и обращаются с ним по правилам его игры – поклонились, испугались, рыцарь как-никак... Ха!»

Сэр Мишель, презрительно глядя вслед удаляющемуся возу, стоял между колеями на упорно пробивавшихся сквозь утоптаный грунт пыльных стебельках спорыша, чуть расставив каблук и засунув большие пальцы за пояс. Малость помолчав, он серьезно глянул на Гунтера, сплюнул и объяснил:

– Ладно, если бы холопы все до единого под рукой дворян были, а арендаторы, скоты эдакие, сами свободны и себя едва не вровень с господами ставят! Ну, где это видано, чтобы виллан первым заговорил с рыцарем?

Гунтер улыбнулся углом рта, мера взглядом сэра Мишеля. Выглядел тот при ярком солнечном свете вовсе не как доблестный рыцарь с книжной картинки – те чистенькие, в сверкающих доспехах, а коли нет таковых, в парчовой или шелковой одежде с иголки. Как же иначе – золота-то у благородных было завалилось, куры не клевали! А этот?.. Хорошо, если кольчуга не расплывется, будто шерсть, поеденная молью. А портки, простите, где и в чем можно так вымазать? И вообще, где француз разжился подобным матерьяльчиком? О том, что творится под кольчугой и думать не хотелось.

– Пойдем дальше, – твердо сказал Гунтер. Сейчас они стояли почти на вершине небольшой возвышенности, с которой открывался отличный обзор на все окрестности, километров на десять, а то и больше.

– Вон там деревня, – сэр Мишель кивнул вниз. И правда, чуть правее, примыкая к лесу, виднелось скопище домиков и невысокая колокольня церкви. Полоска дороги проходила как раз мимо, а далее убегала к синевшим вдали цепям пологих гор. Гунтер их опознал сразу – Нормандская возвышенность, за ней, к югу, и расположены Анжу и Майен.

Уже на подходе к деревне германец вновь почуял неладное. Судя по всему, телефона в поселке не было, более того, отсутствовали даже обязательные что для Германии, что для Франции или любой иной страны цивилизованной Европы столбы электропередач. Потом началось вовсе необыкновенное: позади вновь послышался конский топот, но обернувшись, Гунтер увидел не сытую крестьянскую лошадь, а трех коней, похожих на арабских – двух вороных и одного серого в яблоках, несшихся во весь опор. Всадники нагнали германца и сэра Мишеля, вихрем пронесли мимо, подняв облако пыли. Однако, Гунтер сумел рассмотреть, что одежда их была более чем странной для середины двадцатого века – кожаные короткие камзолы, широкие пояса, круглые то ли шляпы, то ли береты с золотыми, наверное, пряжками и длинными узкими перьями. И у каждого о правое бедро бились ножны, но не пустые, как

у полоумного нормандца – явственно блеснули гарды мечей, богатых, украшенных камнями. Всадники карьером унеслись к деревне.

– Королевский бейлиф поехал, с сержантами, – как бы невзначай бросил сэр Мишель. – Видать, в Сен-Рикье стряслось чего, разбираться будет.

– Кто проехал? – медленно переспросил Гунтер, пристально глядя на сэра Мишеля. Тот опять ощутил смущение от пронзительного взгляда своего попутчика, опустил глаза и тихо повторил:

– Бейлиф. Королевский. Сэр Аллейн д'Эмери, – помолчал, и добавил: – Он папин друг и даже немножко родственник. Его два месяца назад утвердили бейлифом нашего графства господин де Лоншан, канцлер Англии. А ты не знал?

– Не знал, – мрачно кивнул Гунтер.

– Он тебе не понравился? Зря. Сэр Аллейн добрый христианин и настоящий рыцарь.

– Поэтому и не понравился, – буркнул Гунтер. – Давай топай, добрый христианин, до деревни еще не меньше получасу тащиться. У нас-то лошадей нет. И машины тут не ходят.

– Кто не ходит? – склонил голову на бок рыцарь и приподнял брови.

Гунтер вздохнул и широко зашагал вниз по дороге. Ну не объяснять же болвану про двигатель внутреннего сгорания? Сэр Мишель немного поотстал, озадаченный новым словом, попытался самостоятельно найти ему объяснение и подумал, что «машына» – это наверно тоже что-то наподобие дракона, может даже самка. Утвердившись в сем заблуждении, он нагнал Гунтера, дернул за рукав и выпалил:

– А у Люфтваффе твоего есть Машына?

– Есть, – кивнул Гунтер. – Внутри.

Сэр Мишель замолк, пытаясь сопоставить свою догадку с ответом Гунтера. Ничего путного не выходило и он решил, что неправильно понял слово. Ну как же самка может сидеть внутри самца? А в том, что Люфтваффе именно мужского пола, сэр Мишель не сомневался – подтверждение тому видел своими глазами. Так что же такое «машына»?

Дорога входила в пшеничные поля, тянувшиеся далеко за деревню, к подножию холмов. Спелые колосья слегка покачивали тяжелыми, налившимися головками, с некоторых уже начало осыпаться золотистое зерно. Сэр Мишель сорвал колос, растер его между ладонями, сдул шелуху и бросил несколько зерен в рот.

– Хочешь? – он протянул руку, предлагая Гунтеру крупные спелые семена. Тот взял немного, разжевал. Хорошо знакомый с детства мучнистый вкус, слегка отдающий травой...

– Вкусно? – улыбнулся рыцарь, и Гунтер кивнул:

– Да. Слушай, сэр, может, ты голодный?

У сэра Мишеля и на деле слегка разыгрался аппетит. Тяжкое похмелье, наконец, отпустило его, и в желудке, разбуженном вкусом пшеницы, негромко заурчало.

– Придем в деревню, как ее – Сен-Рикье? – пожуюем чего-нибудь, – пообещал Гунтер, перехватив хмурый взгляд сэра Мишеля.

– У меня денег нету, – сказал рыцарь.

– Ну и что? – ответил Гунтер, продолжая делать вид, что верит нормандцу. – Ты же благородный – обязаны накормить, а то велишь всех высечь.

– Нельзя, – серьезно проговорил сэр Мишель. – Это лен сэра Бреалья, и меня они за хозяина не почтут. Выгнать, конечно, не выгонят, но и кормить задаром не станут.

Гунтер, перебросив автомат на плечо, залез во внутренний карман кителя, потом пошарил в карманах бриджей и извлек на свет неведомо как завалявшиеся там несколько серебряных монет в две марки. Между прочим, берлинской чеканки, 1938-го года.

– Держи, на пропитание благородному рыцарю, – усмехнулся Гунтер, кидая сэру Мишелю монетки. Тот ловко словил их, мельком глянул, но тут же зажал в кулаке и, сдвинув брови, посмотрел на Гунтера.

– Подачки не беру, не пристало это рыцарю и сыну барона...

– Какие подачки? – поморщился германец. – Ты же мне помогал, вот тебе вознаграждение! – и, недолго подумав, добавил: – Ибо написано: «Просите и дано будет вам». У Матфея, верно?

– Верно, – подтвердил сэр Мишель. – Но я же не просил!

– Да ну тебя! Сам не можешь разобраться в своих рыцарских приличиях-неприличиях, так молчи уж, когда тебе добро делают!

– Ла-адно, – протянул рыцарь, оставшийся, правда, довольным. Денежки не очень увесистые и чеканки неизвестной, но на эль да кусок мяса с кашей вполне хватит. А больше-то ему и не нужно, привык уже. Сэр Мишель раскрыл ладонь и взял двумя пальцами монетку, решив рассмотреть ее поподробнее. С одной стороны была выбита цифра сарацинского начертания «два», окруженная лавровыми и дубовыми листьями, под нею виднелись такие же маленькие циферки 1938, а вот обратная сторона заставила рыцаря призадуматься. Подобного герба сэр Мишель прежде не видел: широко раскинувший крылья геральдический орел восседал на туго сплетенном венке, внутри которого красовался символ солнца. Однако, лучи его были повернуты не как положено, а противосолонь, что означало «ночное» Солнце, катящееся по внутренней стороне нижнего неба. Похожие солнечные символы сэр Мишель видел в гербах некоторых рыцарей из Британии, в основном у валлийцев или ирландцев. Но там лучи древнего знака солнца были направлены в правильную сторону...

Вокруг герба по ободу монеты тянулась надпись необычными фигурными буквами, которую нормандец поначалу и не сумел разобрать. Но некоторые знаки стали понятны – это были латинские буквы, пусть и излишне вычурные. Попробовав монету на зуб и поцарапав ногтем, рыцарь окончательно убедился, что она настоящая, из простого и высокопробного серебра. Значит, приобрести на нее еды вполне возможно.

– Слушай, Джонни, – повернулся сэр Мишель к Гунтеру, – а где такие деньги чеканят?

Сэр Мишель посейчас пребывал в убеждении, что Гунтер вместе с Люфтваффе явились в Нормандию из неких горних обителей, приближенных к недостижимым простым смертным царствам – раю, или, на худой конец, чистилищу. Но не могут же, – рассуждал сэр Мишель, – там делать свои деньги? Ну что, скажите, можно купить на серебро в чистилище? Пузырек с благовониями?..

– Это наши, немецкие монеты, – лениво ответил Гунтер. – В Германии их делают.

Тут сэр Мишель споткнулся от неожиданности о валявшийся возле края дороги булыжник, спрятавшийся в широких листьях мать-и-мачехи. Джонни ему еще не говорил откуда он пришел, и что там раньше делал.

– А ты в Германии... кто? – осторожно поинтересовался рыцарь. Это надо же, оказывается повелитель дракона родом из земель христианских. Да еще и лежащих не столь далеко. – Я хочу сказать, кто ты у себя в стране? Барон, да? Или может быть даже граф или герцог?

– Не герцог, это точно, – отозвался Гунтер. – А вообще-то я военный. Разве ты не понял еще?

– Так, – сэр Мишель погладил ладонью лохматый затылок, соображая. Больше всего он боялся снова сказать невпопад. – Дворянин, военный... Значит, рыцарь?

– Нет, не рыцарь. Просто солдат.

– Ясно, – с облегчением вздохнул сэр Мишель и улыбнулся, – теперь я понял. Ты – оруженосец, еще не принявший рыцарского посвящения.

Гунтер закатил глаза, проворчав под нос неразборчивое немецкое ругательство. Дурацкая болтовня нормандца его уже здорово утомила. Пытаясь не слушать сэра Мишеля, пустившегося в малопонятные рассуждения о тонких различиях меж благородным рыцарством и не менее благородными, но все же стоящими ступенькой ниже оруженосцами, Гунтер с интересом оглядывал пшеничное поле. Здесь, ближе к деревне хлеб уже стали убирать – среди коло-

сьев виднелись фигуры жнецов в простых холщовых одеждах. Мужчины срезали пучки колосьев и кидали их по левую руку, а шедшие позади женщины и дети выбирали ядовитые стебли пикульника, василька и прочих сорняков, и ловко увязывали снопы. Прямо как на картинах фламандских художников...

Слева потянулся лужок, сбегавший к дороге. На нем паслось небольшое стадо бурых коров, часть из них лежала в густой высокой траве, монотонно двигая челюстями, остальные лениво переступали, пощипывая сочные стебли. Между ними резвились два подросших бычка – бегали друг за другом, бодались, взбрыкивая и мотая лобастыми головами со смешными мохнатыми бугорками рогов. Здесь же бродило десятка с два овец, несколько подобралось к самой дороге и разноголосо заблеяли при виде людей. Гунтер разглядел пастуха – он поднялся, снял шапку, такую же, как у проезжавшего недавно крестьянина и отвесил поклон. Сэр Мишель легонько кивнул головой и прошествовал мимо овец да застывшего со шляпой в руке пастуха, надменно задрав подбородок.

«Ну, петух!» – фыркнул про себя Гунтер и помахал крестьянину рукой. Тот снова поклонился, на этот раз специально ему.

– ...так неужто император Фридрих Рыжебородый стал такие странные монеты делать? Эвон, буквы непонятные... не совсем понятные... – вслух рассуждал сэр Мишель. – И зачем это германскому императору нужно? Джонни, а много у вас на эти деньги можно купить?

– На выпивку хватило бы... – признался Гунтер, расстегивая верхнюю пуговицу на рубашке. По небу плыли легкие кучевые облачка, солнце палило нещадно, и германец подумывал уже о привале где-нибудь в тени. До деревни было уже совсем недалеко, и решив, что отдохнет там, Гунтер прибавил шагу, поторапливая сэра Мишеля. Тот, решив, наконец, что рассмотрел серебряные марки во всех подробностях, спрятал их за пазуху и успокоился.

– Слушай, Джонни, ты хотел бы стать когда-нибудь рыцарем? – сэр Мишель живо представил себе Гунтера на коне, при кольчуге и длинном копье.

– Раньше хотел, – ответил Гунтер, вспоминая детские мечты. «Сейчас он предложит посвятить меня в рыцари, или в крестовый поход, чего доброго позовет» – усмехаясь про себя думал германец.

– Я мог бы посвятить тебя в рыцари, – гнул свое сэр Мишель, – но для этого ты должен доказать мне, что достоин такой великой чести...

«Не пойму, чего он добивается?» – промелькнуло в голове Гунтера, тем временем нормандец продолжал:

– Ты должен будешь носить мое оружие, чистить доспехи, прикрывать меня сзади в бою... А за это, если окажешься достоин, станешь однажды рыцарем, и сможешь сам завести себе оруженосца! – закончил сэр Мишель, останавливаясь в тени большого дуба, растущего на самой границе деревни. – Ну, что, передохнем здесь?

Гунтер молча уселся на траву, прислонившись к мощному стволу дуба. Сэр Мишель построился рядом, поглядывая на германца – что скажет он на его заманчивое предложение? Ведь не каждый же день простому солдату встречаются благородные рыцари, предлагающие стать оруженосцем и испытаниям-то особо не подвергая! О драконе, ангелах и демонах он уже успел позабыть. Наконец, Гунтер заговорил, правда, совсем не о том:

– Слушай, а кто у вас тут... управляет?

– В деревне-то? – отозвался сэр Мишель.

– Ну, есть здесь какой-нибудь магистрат, управа... – Гунтер уж и слов подобрать не мог, чтобы втолковать глупому нормандцу свою мысль.

– Магис-трат... – задумчиво повторил рыцарь. – Управа... А, понял! В деревне всем управляет приходской священник – споры решает, суды вершит мелкие...

– Так что же, никакой власти нет? – удивился Гунтер, не представляя, как священник может решать дела мирские.

– Ну, как же! – досадливо воскликнул сэр Мишель. – Власть есть – духовная! А если какое крупное злодеяние свершилось или спор сложный – вон замок сэра Бреалья, – сэр Мишель ткнул большим пальцем в сторону башен. – А у него право низшего и среднего суда.

Гунтер вспомнил троих всадников и спросил:

– А эти трое – бейлиф с помощниками – чего приехали?

– Ну, видать что-то совсем уж непотребное произошло, – авторитетно заявил сэр Мишель, сорвал тонкий стебелек мятлика и сунул его между зубов. – Ведьму поймали, или разбойника какого. Вешать будут или заберут с собой, в город. Пойдем посмотрим?

Гунтера передернуло от такого равнодушия – можно подумать, что тут по пять раз на дню жгут, вешают, рубят головы... Ну, с этим ладно, а вот как он пойдет к священнику и скажет: мне, мол, нужно срочно связаться со штабом авиационной эскадры StG1 германских ВВС... Ерунда какая-то!..

Гунтер решительно поднялся на ноги, кивнув сэру Мишелю, и направился к церквушке.

– Это приход святого Томаса, – объяснял сэр Мишель, шагая рядом с Гунтером. – А служит здесь отец Дамиан, человек добрейший, но я его мало знаю.

– А с чего ты тогда взял, что добрейший? – спросил Гунтер.

Сэр Мишель неохотно рассказал, что в прошлом году, зимой, пьяный, свалился с лошади неподалеку от деревни, да так и замерз бы в сугробе, не проходи мимо настоятель прихода святого Томаса. Отец Дамиан дотащил его до деревни сам, а там устроил в своем доме, отогрел, привел в чувство. Потом даже исповедал и грехи отпустил. Вот какой добрый. Правда тогда рыцарь в пьяном беспамятстве потерял перстень, подаренный некогда его предку самим герцогом Вильгельмом в благодарность за доброе служение в битве при Гастингсе.

– При Гастингсе? – переспросил Гунтер. – А это когда было-то?

Сэр Мишель задумался, подсчитывая, и четко сказал:

– Сто двадцать три года назад, в тысяча шестьдесят шестом. А ты разве не знаешь, как Вильгельм Нормандский победил короля саксов Гарольда?

– Да, что-то было такое... – пробормотал Гунтер. – Давно очень.

– Я же говорил! – вдруг радостно закричал сэр Мишель. – Вешают! Да еще, по-моему, сарацина! Вот это да!

Окончательно сбитый с толку Гунтер узрел небольшую толпу крестьян, человек в двадцать, собравшихся перед церковкой. Сложенная из больших тесаных камней известняка, церковь производила странное впечатление – подобной архитектуры Гунтер никогда не видел. Здание было старым, приземистым, почти без украшений, с двускатной крышей, выложенной крупной серой черепицей. Над алтарным фасадом возвышалась невысокая узкая башенка с колоколом, подвешенным под остроконечной крышей с простым деревянным крестом на коньке. Фундамент был почти полностью скрыт в густых зарослях чистотела. Церковь окружали молодые ясени, один из которых выделялся необычным раздвоенным стволом с толстыми крепкими ветвями. Как раз вокруг этого дерева и происходило действо.

Остановившись неподалеку, так, чтобы хорошо было видно, Гунтер отстраненно наблюдал, как бейлиф сэр Аллейн д'Эмери, высокий темноволосый человек лет сорока-сорока пяти, потрясая желтоватым свитком, толкует на старофранцузском нечто непонятное, но явно гневное и обвинительное. Рядом с бейлифом стояли два помощника, они держали под локти связанного человека, а позади них высился здоровенный бородатый громила в грязной рубахе и кожаном потертom переднике, похоже, кузнец, выполнявший роль дополнительной охраны.

«Зачем полиции мечи? – напряженно думал Гунтер, разглядывая сэра Аллейна. – Почему они все так одеты? Кто, в конце концов этот... которого вешают? Да и за что?»

Германец всмотрелся в смуглое, замызганное лицо несчастного, с распухшей подбитой губой и заплывшим глазом. Он был одет в до невозможности драный халат, едва прикрывавший темное костлявое тело, видневшееся сквозь рваные дыры, веревки глубоко врезались ему

в грудь. Очевидно, человек отчаянно сопротивлялся, прежде чем его удалось схватить и связать, да и теперь все еще не смирился с уготованной ему участью. Здоровый глаз, угольно черный, в обрамлении длинных ресниц злобно сверлил собравшихся крестьян, при этом женщины отталкивали детей за свои спины, оберегая их от страшного взгляда неверного; губы его кривились, ноздри широко раздувались, время от времени он дергался, приседая и выворачивая острые плечи, но сержанты бейлифа крепко держали его, а стоявший позади кузнец лениво тыкал увесистым кулаком беспокойного пленника в спину. Тот только тряс спутанными черными, как смоль, волосами и скалил окровавленные зубы.

Сэр Мишель, с интересом вслушивавшийся в речи бейлифа, начал шепотом пояснять:

– Проклятого сарацина наконец-то поймали вчера. Крестьяне нашли его спящим на сеновале, у самого леса. Почти десяток дней, нехристь, округе житья не давал.

– Сарацин? – так же тихо переспросил Гунтер. – А откуда он здесь? И что плохого сделал? Сарацины ведь живут далеко.

– Его привез из Святой Земли какой-то рыцарь, а этот подлюга сбежал, и разбойничал. Девоч, которые в лес ходили, до полусмерти пугал. И не только пугал.

– Это как? – не понял германец.

Сэр Мишель фыркнул.

– По всякому. Они, сарацины, такие... Умеют. Вот мой папа в Святую Землю ходил, всякого порассказывал...

Гунтер, оторвав взгляд от королевского сержанта, перебрасывающего через сук дерева толстую веревку с петлей, развернулся на каблуках к сэру Мишелю, и попытался сгрести его за ворот. Пальцы лишь больно царапнули по кольчуге.

– Так какой, значит, сейчас год? – прошипел он прямо в лицо рыцарю.

– Я же говорил, тысяча сто восемьдесят девятый, – помедлив, ответил сэр Мишель. – Почему ты так пугаешься всякий раз, когда я упоминаю об этом? Что с тобой, Джонни?

– Ничего, – едва слышно выдохнул германец. – Просто в такое невозможно поверить.

Он еще помолчал, и добавил почти жалобно:

– Где здесь можно исповедаться?

Тем временем, бейлиф закончил читать приговор, скрутил свиток и махнул перчаткой. Двое его помощников подвели сарацина к импровизированной виселице, кузнец подтолкнул вновь начавшего бешено сопротивляться пленника, заставив его влезть на деревянный чурбак, поставленный под деревом. Когда разбойник, привезенный из Святой Земли, просунул голову в петлю, кузнец, как стало теперь ясно, выполнявший роль палача, хотел было выбить чурку у него из под ног, но сарацин, ругнувшись коротко на незнакомом языке, оттолкнул крестьянина ногой, выкрикнул что-то сорвавшимся голосом (Гунтер разобрал слово похожее на «алла»), а затем, подпрыгнув, оттолкнул пятками деревяшку, повис в петле и задергался, раскачиваясь.

– Еще и ругается! – возмутился сэр Мишель. – Поделом! Наконец-то в графстве порядок будет. Э, Джонни, ты исповедаться хочешь? Дело доброе! Вон отец Дамиан стоит, пойдй к нему и скажи.

Гунтер глянул в сторону священника – дородный, молодой еще – лет тридцать пять на вид, приятное лицо, располагающее к себе с первого взгляда – такому и исповедаться можно, и поболтать просто так, ни о чем. Видно, сказывался возраст – не успел нажать еще замкнутую надменность, показную приближенность к высшим силам, подчеркнутое всепрощение... Но сейчас, когда в двух шагах качался в петле только что повешенный на глазах германца человек, довольное лицо священнослужителя показалось Гунтеру неуместным, странным, даже циничным.

– Да лучше потом... – пробормотал германец. – Слушай, есть здесь трактир какой-нибудь? Выпить хочется. Очень.

– В деревне самой – нет, – ответил сэр Мишель. – Но если пойти дальше, то по дороге к Фармеру будет небольшой постоялый двор. Там поесть можно, попить, и не только молоко. Ну что, идем? Или все же к отцу Дамиану?

– В трактир, – твердо сказал Гунтер и решительно направился обратно к дороге, стараясь не смотреть в сторону ясеня, на котором висело неподвижное тело. Крестьяне почтительно снимали шляпы и гнули спины при виде сэра Мишеля, а на Гунтера смотрели нерешительно – вроде благородный, но одежда вовсе странная; ткань не богатая, вроде сукна, на шее железяка непонятная. И смотрит не так, как господину положено – все по сторонам глазами шныряет да бормочет что-то. Некоторые вилланы кланялись Гунтеру, кое-кто принял его за оруженосца, а дети с визгом и улюлюканьем скакали на почтительном расстоянии.

Когда вышли из деревни, Гунтер облегченно вздохнул – пристальные взгляды селян и дразнилки детей порядком надоели ему. А сэр Мишель был рад-радешенек, что его спутник (в мыслях рыцарь уже сделал Джонни своим оруженосцем) произвел в Сен-Рикье впечатление большее, чем повешение сарацина.

Бейлиф же с сержантами проводили странную парочку подозрительными взглядами, но связываться не стали – известный в округе беспутный сын барона де Фармера вел себя смирно, порядка и законов не нарушал, а спутник его и вовсе был тише воды, ниже травы. Правда, сэр Мишель слегка побаивался, что бейлиф д'Эмери проведал о его недавних безобразиях в монастыре святой Троицы, но и единого слова на сей счет от представителя королевской власти сейчас не последовало.

На самом деле бейлиф уже был осведомлен об очередных приключениях молодого Фармера – приор обители, оскорбленный до глубины души, прислал в город одного из монахов, с жалобой. Описано в ней было все: и неумеренное потребление вина, и поединок с наваррским рыцарем, да к тому еще пьяное непотребство, закончившееся варварским избиением святых братьев, а в заключении – покалеченным лицом отца приора, едва не лишившегося глаза после знакомства с тяжелым кулаком благородного рыцаря. Сэр Аллейн лишь повздыхал, зная, что вразумлять бестолкового юнца напрочь бесполезно, а если попытаться, то дело снова непременно закончится дракой. Мишель де Фармер прославился на все графство своей задиристостью, полным отсутствием воспитания, а также привычкой сначала работать кулаками да мечом, а уж после головой (и это при том, что барон Александр де Фармер, папа сэра Мишеля, воин Христов, побывавший в Святой Земле, служил образцом рыцарственности и благочестия). Наконец, бейлиф считал, что сэр Мишель сам себя наказал за беспутство, оставшись без денег, оружия и коня.

А вдобавок связался с субъектом, разряженным будто ярмарочный шут.

Сэр Аллейн зыркнул на сержантов, раскланялся со святым отцом, оставшимся недовольным тем, что разбойника-сарацина вешали едва ли не на церковной земле, вскочил на лошадь и направился к городу. Сейчас у бейлифа и прочих забот хватало.

Крестьяне разошлись по своим делам, священник вернулся в церковь, повешенный остался болтаться на суку, а сэр Мишель с Джонни покинули деревню и шли по направлению к постоялому двору.

* * *

Хозяин трактира «Серебряный щит» выигрывал больше, нежели его собратья по ремеслу в городах. Там подобных заведений имелось множество, и их содержателям приходилось из кожи вон лезть, лишь бы угодить постояльцам да обойти конкурентов. А здесь, на Алансонской дороге, в пределах баронства Фармер, было не в пример спокойнее и прибыльнее. Лет шесть назад бывший арендатор Уилл Боул, или просто Рыжий Уилли, как звали его завсегда-таи трактира, покинул Англию, где жил с рождения, и перебрался в Нормандию искать удачи.

Семейством обзавестись он не успел, разводя овец в графстве Шрусбери, подкопил денег, да и явился однажды к его светлости барону де Фармеру с просьбой разрешить построить трактир для проезжающих через земли баронства.

Господин Александр подумал, посмотрел на Уилла серьезно да и позволил. А что – дело доброе, из южных графств Нормандии или Французского королевства путешественники и паломники к святыням, расположенным за проливом, на острове, ходят часто. Не все же в замке им приют давать...

Поначалу новенький трактир прозвали «Домом Рыжего Уилли», однако хозяину такое наименование напрочь не нравилось. Получить свое нынешнее имя постоялому двору довелось после зимы 1185-го года, когда английский странствующий рыцарь, возвращавшийся из Иерусалима, остановился в доме Уилла. Бедняга сильно болел, привезя из Святой Земли кровавый кашель, разрывавший его легкие. Прележав несколько дней, рыцарь, почувствовав, что умирает, позвал Уилла и попросил привести священника. Хозяин немедленно сбегал за отцом Дамианом, тот провел обряд исповеди и последнего причастия, а к утру рыцарь отдал Богу душу. Все, что было при почившем крестоносце, досталось Рыжему Уилли. Денег рыцарь оставил немного, но щит, обитый серебряными пластинами, да меч с кольчугой и шлемом Уилл не стал продавать, пускай и мог выручить за них недурные деньги у оружейников в Руане. Щит теперь прибили над входом, а прочие предметы рыцарского облачения красовались развешенными по стенам трактира.

Много кого повидал за эти годы Уилл Боул. Приходили в «Серебряный щит» и монахи, и рыцари, и торговцы, бывали нищие да блаженные, один раз постоялый двор почтил визитом сам король Английский Генрих II Плантагенет, проезжавший на юг с небольшой свитой. Вот и сегодня гости любопытные появились. Ну сэра Мишеля-то Уилл знал неплохо, еще дитем неразумным его помнил. Да впрочем, вырос сынок барона Александра, а ума так и не набрался. Восемнадцатый год пошел, другие благородные господа достойным делом в таком возрасте занимаются – кто на войне с неверными, кто своими манорами уже управляет, а этот... этот все пьянствует да по северным графствам ошивается, странствующего рыцаря из себя корча. Ох, не зря батюшка из дому его выставил. Ну как с эдаким оболтусом сладишь?

Сегодня сэр Мишель поразил Рыжего Уилли до глубины души. Мало что заявился без оружия, без лошади, так еще и приволок с собой такого хмыря, что жуть берет! Рожа иноземная, по-людски говорит с трудом, будто в рот каши набравши, глаза бешеные, так еще и волосы едва не налысо обрезаны. А на одежду вовсе смотреть страшно, штаны незнамо какой ширины, камзол невиданный, в серебристых штуковинах, шитье парчовом, надо полагать. За эль и сыр заплатили конечно, даже серебром, но каким!.. Да похожих денег Уилл сроду не видывал! Взять, однако, пришлось. Не ровен час от младшего Фармера и по морде схлопочешь, он может. А тем же благородному, пускай и придурочному, не ответишь...

Дом был сложен из крупных бревен. Внутри не было ни перегородок, разделяющих его на отдельные комнаты, ни этажей –верху были видны стропила и солома крыши. Один угол был отгорожен и скрыт драной засаленной занавеской, в двух противоположных стенах прорублены по два окна, через которые в зал четыремья мутными, пыльными полосами проникал солнечный свет.

Гунтер, тщетно пытаясь не обращать внимания на оценивающий взгляд трактирщика и перешептывания людей за соседними столами, молча пил из большой деревянной кружки кислый хмельной напиток, по вкусу отдаленно напоминающий пиво, и закусывал желтым овечьим сыром.

Германец напивался целеустремленно и со знанием дела, накачивая себя элем до состояния совершеннейшего беспамятства. Кружек шесть, наверное, уже выдул, а кружки здесь не

чета даже баварским. В мюнхенском «Бюргербройкеллере»⁴ и то меньше, а там стараются подражать старине. Вот бы сюда пивоваров из Мюнхена заслатъ, пускай посмотрят...

Итак, все оказалось правдой. Король Ричард вместе с принцем, черт бы его побрал, Джоном; англичане, ушедшие в крестовый поход, битва при Гастингсе, случившаяся чуть больше сотни лет назад... Бейлифы, рыцари, Нормандия, королевство Английское... «Семьсот пятьдесят один год, семьсот пятьдесят один год, – колоколом билось в голове Гунтера, – но почему?!. Какие силы вмещались? Ведь если судить по хроникам, сохранившимся с того, простите, с этого времени, если смотреть показания историков, которые сейчас еще не родились, а их предки носят либо кольчуги, либо холщовые крестьянские рубахи, то можно ли обнаружить единое упоминание о свалившемся с неба драконе, по имени Люфтваффе, и хозяине его Джонни? Из этого следует лишь одно: жить мне здесь ой как недолго... Нет сомнений – завтра, а то и этой ночью, меня схватят как посланника сатаны, и вперед, на костер. Хорошо, если быстро. Могут и помучить. Инквизиторы. Проклятые...»

Вспомнилось, что инквизиции в конце двенадцатого века еще не существовало, но радости сей факт доставил немного. Не инквизиторы, так кто-нибудь другой, все равно прикончат.

Гунтер стекленеющими глазами оглядывал прочих гостей «Серебряного щита», не стесняясь изучал хозяина, наконец, его взгляд кратковременно остановился на сэре Мишеле. Рыцарь тихо сидел напротив, поглощая кислый эль, и видя, что с Джонни творится неладное, не беспокоил его. Лишь когда кружка германца показывала дно, заботливо подливал из кувшина.

...И все же сомнения оставались. Разум постепенно начинал затуманиваться пьяным маревом, но даже сквозь его пелену виделись странные, малообъяснимые несоответствия между тем, что Гунтер знал из курса истории, и живой реальностью. В книжках эпоха крестовых походов смотрелась неприглядно: болезни, которые не умели еще толком лечить, а то и вовсе до смерти залечивали; истощенные, забитые крестьяне с выпавшими зубами из-за крайне скудного питания, опустошенные бесконечными войнами деревни; тощие заморенные непосильной работой на барских полях лошадежки, от которых остались одни кости с натянутой на них кожей; толпы нищих, прокаженных и жутковатых калек на дорогах...

Это не двенадцатый век! Здесь все наоборот! Где гордые рыцари в посеребренных доспехах на могучих конях, где прикрытые гнилой соломой развалюхи и меченые оспой грязные дети, скрюченные, роющиеся в помойной яме в поисках более-менее съедобных отбросов? Первый же встреченный рыцарь – в ржавой продранной кольчуге да лохмотьях, без меча, лошади и без шлема. Нет, шлем есть – пехотная каска германской армии образца 1935 года. С государственным гербом Третьей Германской Империи и партийным знаком НСДАП, вошедшим в этот герб.

Бред. Господи, ну почему в Нормандии двенадцатого века эти вот «забитые крестьяне» своими довольными сытыми физиономиями да телосложением, какое не у всякого спортсмена увидишь, напоминают бравых инструкторов «Гитлерюгенда», что мелькают

мелькали...

едва не в каждом выпуске «Вохеншау»?.. Отчего те два красавца, вон, через стол, одетые в крашеную луком холстину, ничуть не напоминают о «мрачном средневековье» и прочих инквизициях с крестоносцами, но смотрятся обыкновенными, нормальными людьми, зашедшими в придорожный трактир пива выпить

а пиво тут поганое, кстати. Не умеют в двенадцатом веке пиво варить...

да о делах своих средневековых побеседовать? А у сэра, как его?.. Мишеля?.. все зубы на месте, кроме нижнего клыка, но и тот не от плохой пищи выпал, а явно в драке потерял. Какой же это рыцарь, коли не мечом, а кулаками дерется?..

---

⁴ «Бюргербройкеллер» – знаменитая Мюнхенская пивная.

Гунтер, дотянувшись, пихнул сэра Мишеля кулаком в плечо, отвлекая, надо полагать, от мыслей о вечном.

– Эй, Мишель, сэр... – язык у германца уже заметно заплетался. – Слушай, ты ж еще... ну, молодой, да?

– Взрослый я! – повысил голос нормандец, по привычке шаря там, где должна находится рукоять меча. Изрядно поднабравшись, сэр Мишель снова приобрел свою обычную воинственность. – Между прочим, сэр Клайв Кип... Кимптон, из Англии, один мой знакомый, в первый поход в одиннадцать лет пошел. А я его почти на семь лет сейчас старше!

«Верно, – скользнула у Гунтера мысль, – во всех книжках было написано, будто в начале второго тысячелетия умирали молодыми по нашим меркам, но и выросли тоже не как в двадцатом веке, а значительно раньше...»

– Я не о том, – помотал головой Гунтер. – Ты, по моим понятиям, на самом деле молодой. И уже рыцарь. Как успел?

– Посвятили, опоясали... – неожиданно смешавшись, буркнул сэр Мишель, – старая история, неинтересная вовсе...

– Расскажи, – пьяно потребовал германец, сгибая шею.

– Потом, – еще более хмуро отрезал рыцарь. – Слушай, у тебя деньги остались?

Гунтер порылся в карманах, выгреб на стол все что было, включая ордена Курта Мюллера. Сэр Мишель нагнулся, почти лег на стол животом, и принялся выбирать пальцем из кучи немногие серебряные монеты. Набралось десять марок. Пять монеток по две.

Пару штук рыцарь вернул Гунтеру, остальные же сгреб в ладонь и кликнул трактирщика.

– Эй, Уилли! Еще монета за эль прямо сейчас, а две за ночлег и выпивку с едой завтра утром!

Рыжий англосакс подозрительно принял деньги, едва слышно рыкнул себе под нос неразборчивое, но явно крепкое словечко, и забрав пустой кувшин вскоре вернул его полным.

– Вы, ваша милость, с... другом своим, на сеновале устраивайтесь, ночевать-то, – нахмурившись, сказал Уилл Боул, отирая залитые элем руки о рубаху. – Ночи нынче теплые, да и на сене спать куда приятнее, чем на лавке, в духоте...

– Пойдет, – рыгнул сэр Мишель, – прости Уилл, нечаянно вышло.

Англичанин, скрывая в усах улыбку, отошел. Наплевав на удивленно-непонимающие взгляды хозяина и гостей «Серебряного щита», рыцарь подхватил задремавшего прямо на столе Гунтера, перебросил его руку себе на плечо и, не слушая протестующих стонов, потащил германца к сараю, в котором Уилли хранил сено для своих коров. Автомат, свалившийся с плеча повелителя дракона, рыцарь надел себе на шею, догадываясь, что вещь это нужная, раз драконий повелитель взял ее с собой.

После душного, пропитанного пивным духом, гарью и потом воздуха трактира, сэр Мишель с наслаждением, полной грудью вдохнул свежей вечерней прохлады. Из-под двери мелькнула маленькая серая тень, и узкое кошачье тельце, стремительно метнувшись вдоль стены, юркнуло под бревна.

– Тьфу, нечистая, – прошептал сэр Мишель и, устроив тяжелую непослушную голову германца у себя на плече, чтобы не падала и не болталась, пошел через притихший двор к сараю, стараясь не сбиться с пути, не запнуться и не уронить Гунтера, так как был и сам навеселе, с нетвердыми ногами и блуждающим взглядом.

Даже по меркам сэра Мишеля Гунтер выпил слишком много...

«Господь и все святые, ну что ж он так убивается-то? – думал нормандец, втаскивая почти бесчувственное тело нового знакомого в низкую дверь сеновала. – Пускай дракон болен, или этого... во, бензину нет, но коли хочется Джонни в Германию вернуться, так я помогу. Это недалеко вовсе, не в Святую Землю идти, рядом... Если папа денег даст, то и коня ему куплю. А вообще следует к отшельнику, отцу Колумбану, сходить. Вдруг присоветует, где можно у нас

вина для дракона достать. Или сделать... Но как же в землях императора Фридриха Рыжебородого столько драконов развелось, а? Хорошо хоть прирученные, не дикие...»

Сэр Мишель свалил Гунтера на сухую, душистую траву исключительно неаккуратно. Германец приложился затылком о толстый столб, поддерживающий крышу, крепко выругался на родном языке, и открыл глаза. Через щели в бревнах пробивался розовый свет закатного солнца, в лучах плясали пылинки, где-то у припотолочных балок слышалось густое жужжание – осы, устроившие в сарае Рыжего Уилли гнездо, возвращались на ночлег. А рядом стоял нормандский рыцарь, Мишель де Фармер, сын барона Александра де Фармера.

И был это двенадцатый век.

Опьянение почему-то исчезло, осталась нехорошая головная боль, усиливавшаяся при любом движении – будто в голове находился тяжелый свинцовый шар, катавшийся в пустом черепе и ударявший о его стенки. Мерзко.

Исповедь, значит? У бенедиктинцев? Нет рядом никаких бенедиктинцев, далеко они, не дойти. Придется выговориться ему, полоумному французу, помешанному на религии и доблестных подвигах, рыцарю... Хотя он-то как раз нормален, это меня сочтут за полоумного. Не сэр Мишель чужой в этом мире, но пилот Люфтваффе Гунтер фон Райхерт. Чужой. *Чужой...*

– Хотел знать кто я? – превозмогая дурноту, проговорил Гунтер.

– Ну?

Сэр Мишель с непривычной для него серьезностью, исподлобья посмотрел на германца, затем наклонился, взял его за плечи, устраивая поудобнее, и скрестив ноги сел рядом, подпирая подбородок кулаком.

– Говори.

Солнце уже скрылось в водах Атлантики, взошла Венера, осветив мир бело-ледяным светом не тающим даже в лучах луны, когда Гунтер закончил свою исповедь. Рассказал обо всем. От рождения в Райхерте, в 1915 году, до тринадцатого дня августа 1940-го.

Сэр Мишель слушал, не перебивая. Как само собой разумеющееся принимал рассказы о первой мировой, о версальском мире, республике, рожденной в Веймаре. О революции, лишившей трона императора Вильгельма. Внимал словам о невиданном унижении Германии, последовавшем за этими событиями, странными для его понимания. Выслушал про то, как Германия снова стала империей, про нового государя, Адольфа, про его невиданное возвышение, войну с королевством Польским, разгром Франции, начало битвы с Англией. И о случившемся в тот день *Невиданном*.

Все, от первого слова и до последнего.

Гунтер говорил, почти не сбиваясь, складно, ровно. Он выплескивал на случайного знакомого накопившееся за последние годы и минувший день напряжение, сбрасывал носимые маски с себя и своего прошлого, впервые в жизни называя вещи своими именами. Выкладывал, не таясь, самые сокровенные мысли, терзавшие его в момент, когда винт «Юнкерса» распарывал воздух над Ла-Маншем. Теперь за такое никто не осудит, не появится неприятно, пугающе вежливый человек из «*Гехаймштадтполиции*», живо интересующийся твоим воззрением на мир вообще и на политику партии и фюрера в особенности... Вокруг лишь Вселенная, которой, по большому счету, на тебя наплевать, да сидит рядом самый что ни на есть обычный нормандский рыцарь, по имени Мишель. Рыцарь, не ведающий о государственной тайной полиции, о частях SS, о «фюрере германского народа, народном канцлере и рейхспрезиденте Адольфе Гитлере», откровенно не понимающий, зачем Германский император Адольф решил завоевывать весь христианский мир (будто сарацинов нет!)...

Но этот рыцарь знает о Святом Писании, помнит Законы Божьи, чтит не появившихся из темного ниоткуда призраков, а Вечный Римский Престол, наследующий апостолу Петру. И читал он не устав НСДАП, а Святое Евангелие, в котором истины ой как больше, нежели чем во всех уставах вместе взятых, сочиненных в двадцатом веке...

Поэтому сэру Мишелю, будущему барону де Фармер, довериться легче и естественнее, чем самому чтимому и уважаемому фельдмаршалу Вермахта или лаятеру округа.

Некоторое время оба молча лежали в терпком сене. Со двора доносились негромкие ночные звуки – где-то под крышей трактира или хлева робко ухал сычик, в курятнике возились, потихоньку клохча, куры, переступали копытами лошади у коновязи. Из трактира доносился чей-то раскатистый храп. Вдалеке залаяла собака – залилась поначалу яростным лаем, даже взвыла, долго гавкала отрывисто, недовольно, постепенно успокаиваясь, потом смолкла. Внизу, под сеновалом робко мяукнула пару раз кошка.

– Веришь? – Гунтер, слегка смущенно поскреб ладонью подбородок, на котором уже проклюнулась рыжая щетина. – Ну скажи, веришь?

– Верю, – твердо кивнул неожиданно протрезвевший сэр Мишель. Он и вправду поверил. Всему. А отчего – сам не знал. – Ты сейчас сказал, будто хочешь все изменить, так?

– Так, – кивнул Гунтер.

– Значит, сам Господь направил тебя по этому пути. Я так понял: у вас, через семьсот лет, ты ничего сделать не мог. Разве только этого нового императора на поединок вызвать?

– Ну? – нервно хихикнул Гунтер, представляя себе подобное.

– *Тогда ваше будущее переменится, если ты, зная о нем, сделаешь нужное здесь, у нас.*

– В прошлом? И что следует сделать нужное?

Сэр Мишель поморщился.

– Где прошлое? – слегка раздраженно сказал он. – Прошлое – это вчера, неделю назад, ну год, два... А сегодня-то самое обычное настоящее, если я правильно понимаю! Знать не зря небеса послали тебя к нам вместе с драконом.

– Какой дракон?! – простонал Гунтер, хватаясь за голову. – Я же сказал, это – простое оружие, только летает. Техника, соображаешь?

– Не разумею, – честно признался рыцарь, – знаю только, что Люфтваффе живой. Мертвое летать не может и приказы не исполняет! И не рычит.

Сэр Мишель сдвинул брови, пригладил правой рукой волосы и, едва различая в ночной темноте лицо Гунтера, посмотрел на него внимательно. Нельзя оставлять его одного, никак нельзя – пропадет... Мало ли, скажет что не так, как положено благородному, его тут же и изрубят на куски. А парень он хороший, умный...

– Пойдешь ко мне в оруженосцы, Джонни?

Германец покряхтел, пытаясь сдержать смешок, но ответил честно. А если рассуждать здраво, ничего больше делать ему не оставалось. И потом, кроме сэра Мишеля у Гунтера здесь не было никого. Если не считать Люфтваффе.

– Пойду.

...Луна зашла, лишь звезды продолжали источать тонкий мерцающий свет. Созвездия Лиры, Лебедя, Орла неизменно смотрели на землю. Наступил глухой час ночи, непроглядная тьма накрыла мягким пологом холмы, леса, деревенские домики, безлюдную дорогу и постоянный двор недалеко от замка сэра де Бреалья. В теплом, наполненном ароматами луговых трав чреве сарая слегка похрапывали двое: рыцарь и его оруженосец. И ни один не видел снов.

Глава четвертая

Без тени удивления

Сквозь сон Гунтеру показалось, будто ко лбу на мгновение приложили ледяную прищипку или по голове провели очень холодной ладонью.

– Молодой человек, совершенно не следовало так сильно напиваться...

Чистейшая немецкая речь, с берлинским изысканным выговором. Голос тихий, приятный, принадлежащий мужчине уже в годах, но вовсе пока не старому.

«Психиатр... – появилась неожиданная мысль. – Госпиталь».

Гунтер резко сел, совершенно не ощущая похмелья – разум был чист и ясен, от головной боли или тошноты и воспоминания не осталось.

Нет, не госпиталь. Сарай Уилла Боула. Вот пожалуйста, сэра Мишель рядом дрыхнет непробудно, зарывшись с головой в сено. Где-то недалеко, в хлеву, надо полагать, лошади пофыркивают. Судя по всему еще глубокая ночь. Тогда откуда свет?

Шагах в трех от Гунтера, на поперечной балке, скрепляющей поддерживающие крышу столбы, устроился пожилой господин с благородно-дворянским лицом, прищуренными глазами и щеточкой седых усов. Сей субъект и держал в правой руке глиняную плошку со вставленной свечой, слегка разгонявшей темноту язычком бледно-оранжевого пламени.

– Я прекрасно понимаю ваши чувства, – безмятежным голосом продолжал господин, строго глядя на растерявшегося Гунтера. – Не каждому, далеко не каждому дано пережить подобное, но с элем, точнее с его количеством, вы погорячились. Не делайте так больше, договорились?

Гунтер молчал, спокойно рассматривая незнакомца, а правая рука его медленно тянулась к кобуре. Это что же получается? Нормандия на месте, рыцарь никуда не делся, сарай тот же. Тогда откуда здесь взялся этот старый пижон, говорящий на немецком, будто на родном?

Человек осторожно поставил чашечку со свечой на бревно, поддержал ее слегка и, убедившись, что она не упадет в сухую траву, отпустил. Одежда говорящего по-немецки гостя роскошью не блистала, но выглядела добротно и явно была пошита умелым портным – белая рубашка, аккуратный накрахмаленный воротничок выглядывает из-под черного бархата камзола или короткой обтягивающей куртки. Сапоги, как удалось рассмотреть Гунтеру, незнакомец носил такие же, что и сэра Мишель, разве поновее да почище. Широкий пояс без украшений схватывал талию, а на нем, возле правого бедра, покоились скромные ножны, из которых выглядывала рукоять простого стального меча – узкого и длинного.

– Удивляетесь, отчего меч не там, где положено? – невесть откуда взявшийся человек проследил за взглядом Гунтера. – Я, милейший господин Райхерт, левша.

– Совершенно не удивляюсь, – угрюмо бросил Гунтер. – Лучше извольте объяснить, откуда вам известно мое имя, и какого черта вы здесь делаете? И потом, вы что – немец?

– Я? – господин чуть нахмурился, словно раздумывая, и ответил: – Нет. Не немец. Просто недурно знаю язык. А касаясь вашего имени... Впрочем, давайте по порядку.

– Ну... – буркнул Гунтер, продолжая держать ладонь на твердой коже кобуры. – Только говорите потише, рыцаря моего разбудите. А то он у меня человек серьезный, драться полезет...

Гость снял бордовый бархатный берет, аккуратно положил рядом. Его коротко подстриженные волосы с щедрой проседью в свете огарка свечи отливали бронзой. Вытянув шею, он посмотрел на безмятежно посапывающего сэра Мишеля и усмехнулся углом рта.

– Быстро ж вы собственным рыцарем обзавелись. Не беспокойтесь, его нынче могут поднять ото сна одни лишь трубы Страшного Суда. Я пришел беседовать не с очаровательным сэром Мишелем, а с вами. Нужно серьезно поговорить.

– Кто «я»? – начал закипать Гунтер. – Извольте сначала представиться.

– Не догадались разве? Поверьте, я известен вам под многими именами. Если позволите, я не стану сейчас перечислять их – это долго и малоинтересно. Называйте меня запросто – Мессир или Мэтр, так будет удобно вам и приятно мне. Хотя... мы сейчас, как вам, надеюсь, известно, в королевстве Английском. Нужно соблюдать традиции.

– Какие? – мрачно спросил Гунтер.

– Обыкновенные. Во-первых, называть меня по имени нельзя. Знаете же, что называя некий объект по имени, вы призываете к себе его сущность. Еще не хватало, чтобы вы меня дергали постоянно! Во-вторых, здесь распространено уважительное обращение «милорд». Для простоты и удобства мы его сократим. Лорд... Так меня и зовите. Поняли, наконец? – добавил господин с легким оттенком нетерпения.

Гунтер помотал головой, прошелся пятерней по волосам, вытряхивая застрявшие соломинки. Хорошо: он уже почти поверил, что это двенадцатый век, кругом толпами бродят рыцари, сытые крестьяне и происходит прочая небывальщина. Но визит *САМОГО* – это чересчур. Очередная галлюцинация. Соответственно и обращаться с ней будем. Ничего опасного, галлюцинации не кусаются.

– Не верю я в вас, – только и сказал германец. И тут же на тыльной стороне правой ладони появился узкий глубокий разрез, быстро наполнившийся кровью. Боль появилась мгновение спустя, но она была настоящей, доказывающей реальность происходящего. Гунтер отдернул руку от кобуры, чтобы не запачкать одежду кровью, и несколько секунд ошалело смотрел на порез, будто оставленный бритвой.

– Не беспокойтесь, – послышался ровный голос Лорда. – Как только вы в меня поверите – царапина заживет. Ну, верите?

– Да!! – рявкнул Гунтер, все еще глядя на кисть, исполосованную кровью, казавшейся в полутьме черной. – Уверовал, черт бы вас задрал!

– Это исключено, – убежденно покачал головой гость. – Подумайте хорошенько головой, ну как такое может произойти? Ладно, смотрите внимательно...

Лорд даже не шевельнулся, лишь мельком глянул на вытянутую руку Гунтера. Рана начала на глазах затягиваться, покрылась корочкой, потом она исчезла и остался тоненький розовый шрам. Спустя минуту от пореза не осталось и следа. Вся кровь будто испарилась. Расплывшись в самодовольной улыбке, Лорд закинул одну ногу на другую, облокотился о столб, некоторое время помолчал, наблюдая, как Гунтер вертит рукой, ошалело разглядывая гладкую кожу без малейших следов раны. Наконец, он проворчал:

– Вот любопытно, вы действительно в меня не верили или просто придуривались? Скажете, что вы и существование... э... моей противоположности отрицаете?

Гунтер пока решил не подниматься на ноги, побаиваясь упасть. Галлюцинация привела доказательства своей реальности. Подводя итоги: днем меня перебрасывает незнамо куда, через уйму столетий, ночью является не кто-нибудь, а лично мессир дьявол, к утру, очевидно, заглянет архангел Михаил и пригласит на завтрак к Господу Богу. Все, даю себе слово перестать удивляться. Пусть становится явью любой бред, но теперь буду принимать его как данность. Ничему не удивляться. Вообще.

– Эй, вы слышите, что я говорю? – слегка повысил голос Лорд. – Третий раз спрашиваю, между прочим.

– Чего? – Гунтер поднял на него взгляд.

– Вы верите в Господа Бога?

– Не знаю, – привычно ответил Гунтер.

Лорд вздохнул, пригладил ежик седых волос и огорченно проговорил:

– Агностик... Все ясно. Будем работать.

– Над чем? – простонал германец.

– Выражаясь правильнее – над «кем», – тоскливо поморщившись, поправил Гунтера Лорд. – Над вами, разумеется. Юноша, неужто вы не понимаете, в какую идиотскую историю влипли по милости персоны, реальное существование которой ставите под сомнение? Да известно ли вам, что, прямо скажем, чудовищные и невероятные аномалии, наподобие закинувшей вас сюда, без вмешательства вот того... – длинный узловатый палец гостя проткнул воздух, указав в потолок, – ...не происходят! Такое даже мне не под силу. А столь грубое и бесцеремонное вмешательство в ход развития Большого Творения – люди, кстати, обычно именуют его Вселенной – не может остаться без последствий. Скорее всего исключительно неприятных, вносящих разлад в общее течение его жизни.

– Ну, что история идиотская, я просек, – согласно кивнул Гунтер. – А дальше? Почему вы убеждены, будто именно Господь Бог устроил эту... это... словом, зашвырнул меня сюда? Вдруг здесь виновно...

– Явление природы? – ядовитым голосом продолжил сатана, когда Гунтер, подыскивая нужное слово, запнулся. – Скажете еще, что у себя, в двадцатом веке, читали Дарвина и убеждены в происхождении человеческого рода от обезьяны? Да вы шутник, герр Райхерт...

– Хорошо, если можете объяснить, в чем дело, рассказывайте, – сдался Гунтер. – Итак, что именно учинил Творец?

Лорд продолжил несколько раздраженно, будто объяснял азбучные истины ленивому университетскому студенту:

– Послушайте, я совершенно не представляю, зачем Ему это понадобилось. И понятия не имею, как именно ваш самолет перелетел через семь с лишним сотен лет. Наверное, сами потом разберетесь, если живы останетесь. Сейчас вы получили, господин Райхерт, абсолютно уникальную возможность узнать от меня другое, менее всеобъемлющее и глобальное – я исключительно редко общаюсь со смертными, других дел, знаете ли, хватает. Но сегодня я счел себя обязанным навестить Землю и пообщаться с вами. Задавайте вопросы. Их у вас много, я знаю.

Гунтер потер кончик носа указательным пальцем и призадумался. Ничего себе, можно поспрашивать о том, о сем самого сатану, и ничего... *Ничего?*

– Пойдите, пойдите! Знаю я ваши штучки! – воскликнул Гунтер, прищурившись. – Ведь вы взамен что-нибудь попросите, не так ли? Душу там, например...

Лорд укоризненно посмотрел на германца, постучал средним пальцем себе по лбу и тоном ласкового наставника проворковал:

– Ну на хрена, простите за грубость, мне ваша душа? И других-то столько, что не представляю куда девать... – он махнул рукой, пробормотав под нос что-то неслышное. – Все бесплатно. Поймите, мне просто интересно. Вчерашним днем во Вселенной произошло изменение, смысл которого вашему покорному слуге насквозь непонятен. Думаю, вы разбираетесь в субординации, чтобы догадаться – я не могу спросить о случившемся у моего вечного оппонента.

– Вас к нему не пускают? – участливо спросил Гунтер.

– Наподобие, – туманно отозвался Лорд, не отреагировав на колкость. – Прошу лишь одной награды за откровенность: потом вы ответите на мои вопросы. Идет?

– По рукам, – буркнул германец, немного подумав. Вопросов в голове вертелось множество, но все больше дурацкие. Например: «Сколько вам лет, милорд?» Или: «А в аду все действительно так, как описал Данте?» Впрочем, Алигьери-то нынче еще не родился... Наконец, Гунтер мучительно сформулировал самый насущный вопрос и, опасаясь потерять мысль, выпалил:

– Где я сейчас нахожусь?

Лорд, судя по виду, с трудом подавил стон.

– В сарае. Вы удовлетворены ответом?

– Я другое имею в виду, – раздраженно сказал Гунтер. – Я спрашиваю, где вообще, в каком веке, в каком времени, на какой планете, в конце концов?!

Лорд нахмурился и после недолгой паузы выговорил:

– По порядку, начиная с большего: это Земля, двенадцатый век по вашему счету, Нормандия, земли короля Ричарда Плантагенета.

– Королевство Английское... – донеслось невнятное бормотание сэра Мишеля, зашуршало сено – рыцарь перевернулся на другой бок, почмокал губами и со счастливым вздохом затих. Гунтер едва подавил искушение двинуть Лорду по холеной физиономии. Но субординация остается таковой даже при общении с силами потусторонними.

– Очень информативно, – раздраженно прошипел германец, бросая яростный взгляд на сатану. – Все это я вчера слышал сто раз, большей частью вон от того белобрысого разбойника!

Гунтер со злостью ткнул сэра Мишеля кулаком в спину, но тут же затряс ушибленной о кольчугу рукой. Рыцарь вопросительно проорчал, шевельнулся, но просыпаться не стал.

– А что вы еще хотите? – возмутился Лорд. – Самый обычный двенадцатый век, из настоящей истории, которую вы учили в школе. Вы спросили – я ответил. Не имею привычки говорить неправду.

– В самом деле? – ехидно осклабился Гунтер. – Врите больше...

– Нет, с вами абсолютно невозможно разговаривать, – вздохнул Лорд. – Другие вопросы?

– А как же! Расскажите, что мне делать теперь?

– Ну, – Лорд пожал плечами, – собственно, это ваши заботы. Я мало занимаюсь устройством людских судеб. Однако, в виду исключительности вашего случая, могу пособить. Хотите, я дарю вам самое великое благо для человека – покой?

– Это что, в могиле? – съязвил Гунтер.

– Тьфу, какая уость мышления! – скривился ночной гость. – Ну, отчего, если покой, так обязательно в могиле? Кто вам сказал, будто там – покой? Вовсе и нет, там черви ползают, жуки разные, корни деревьев растут. Потом заявятся какие-нибудь гробокопатели, вытащат ваш череп и начнут его потрошить на предмет золотых зубов. Ах, у вас нет золотых зубов? Неважно... Разве это покой?

– Ну, а что вы предлагаете? – заинтересовался Гунтер.

– Хотите я дам вам земли, замок, солидную родословную? Будете бароном, в Германии например, уважаемым человеком, никаких войн, холопских бунтов. Нет, если захотите, можете, безусловно, и на войну отправиться. Желену-красавицу заведете, кучу детей, собак, лошадей опять же. Охота, путешествия, турниры, если вдруг захотите научиться владеть здешним оружием. Зубы золотые... Не жизнь, а картинка. И предвзято назревающий вопрос, все даю абсолютно бесплатно. То есть – даром. Если мало – просите больше, мне не жалко, честное слово. Герцогская корона? Хоть десять! Трон? Можно подобрать кое-что, тронов сейчас в Европе навалом, и, между прочим, на каждом втором восседает жуткая бездарность. Стыдно за помазанников. Причем, отчего-то, стыдно только мне...

– А потом? Дальше-то что? – напирал Гунтер. Лорд, пожав плечами, ответил:

– А дальше – ваша любимая могила. Бессмертие, увы, при всем желании, предлагать не в моей компетенции. Вот после телесной смерти – пожалуйста, да впрочем, это ко всем относится. А шикарную фамильную усыпальницу без помянутых червей и жуков, долгую память благодарного потомства, пару строчек в мировой истории – обещаю твердо. Соглашайтесь, любезнейший герр Райхерт. Подобные приступы щедрости со мной редко приключаются, ловите момент!

Гунтер откашлялся, вскочил, спрыгнул со стога и заходил по земляному полу сарая, заложив руки за спину.

– Заманчиво, черт возьми...

– Не возьму, – хмыкнул сверху Лорд. – У меня и без того много. Решайте быстрее, рассвет скоро, а меня дела ждут.

«С чего ему быть столь щедрым? – стремительно мелькали мысли. – Дать так много и ничего не требовать взамен? Ох, сколько его не описывали в литературе, никогда не бывало, чтобы мессир дьявол занимался благотворительностью. С другой стороны, откуда литераторам известны его привычки? Ведь все это – предрассудки, бабушкины сказочки... Постойте...»

Гунтер резко остановился и поднял голову. Сатана невозмутимо покачивал носком сапога, пристально изучая ногти на правой руке. Ждал ответа.

«Понял, что ему нужно! Болван, следовало сообразить сразу! Ничего взамен, говоришь? То-то ты прибежал в первую же ночь, начал совать жен, собак да герцогские короны с золотыми зубами! Зачем? Да чтобы я сидел себе в дальнем углу, наслаждался жизнью, „покоем“, чтобы меня не оказалось в нужное время, в нужном месте! Лорд сам признался – изменение произошло без его вмешательства и участия, соответственно, я становлюсь фигурой выставленной на игральную доску *ДРУГОЙ СТОРОНОЙ!* *Я теперь принадлежу к партии этой стороны. Если Ему было необходимо привести меня в это прошлое-настоящее, значит, я нужен именно Ему, а не этому старому прохвосту.* Не получится, у вас, сударь, меня изолировать, не надейтесь. Так-так... Впрочем, мы еще поторгнемся!»

– Лорд! – окликнул Гунтер сатану. – Эй, Лорд!

– Да-да? – с готовностью отозвался тот. – Надумали что-нибудь?

– Представьте, да! Не хочу замок и жену. И корону не хочу с тронном, не потяну – посредственность я.

– Бросьте, – изящно махнул рукой Лорд и любезно улыбнулся. – Я, кажется, совсем недавно говорил о бездарях, за которых мне стыдно. Вы к таковым не относитесь.

– Спасибо, – картинно раскланялся Гунтер. – Вот что. Прямо сейчас и прямо сюда извольте доставить соответствующую эпохе одежду, на меня и на моего рыцаря. Полный комплект оружия, хороших лошадей. Денег побольше. Пожалуйста, золотом, раз уж ничего для меня не жалко. И замените сэру Мишелю кольчугу, а то смотреть стыдно.

Последовала долгая тяжелая пауза, во время которой Лорд в упор смотрел на Гунтера, затем неловко прыгнул с балки, оказавшись прямо перед германцем. Гунтер широко улыбался.

– Вы уверены, – осторожно начал сатана, – что просите именно то, о чем мечтаете в данный момент и в данной ситуации? Необходимое в вашем, называя вещи своими именами, отчаянном положении? Подумайте заново, ради такого дела я могу и подождать. Учтите, это не двадцатый век, это не германский Рейх, и не Франция. Вы не выживете здесь просто физически! Растолковать почему? Да очень просто! В эпохе короля Ричарда, уже успевшего вам настолько надоесть, сам образ мышления людей напрочь иной. Я не имею в виду научные или технические познания, свойственные вашему времени и отсутствующие сейчас, здесь. Посудите сами, вы совершенно не сумели наладить даже примитивного контакта с первым встреченным человеком.

Вранье! – подумал тут Гунтер. – *Очень даже сумел!*

Кстати, он, – Лорд указал взглядом на копну сена, с которой свисал стоптанный, заляпанный глиной, сапог сэра Мишеля, – для своего времени вполне типичный экземпляр. Пускай молодой де Фармер человек пропащий, пьянчуга и развратник, но поймите, даже с его образованным, по местным меркам, папенькой вы не сможете найти общий язык – разница в психологии, соображаете? Самая простая и невинная ваша фраза может оказаться смертельным оскорблением для них или их... – Лорд сказал следующие слова с оттенком презрения, – ... примитивной веры. Вы умрете здесь. Вас повесят, убьют на поединке, забьют камнями, утопят, отравят... Вы заболеете оспой, чумой или проказой! В конце концов, немного погодя, сами удавитесь с тоски!

Сатана остановил свою пылкую речь, переводя дыхание. От его благодной любезности и следа не осталось – лицо покраснело, глаза злые и налившиеся кровью, даже губы подрагивают. Нервничает, бедняга...

– Скажите, вы смертны? – неожиданно спросил Гунтер. Увидев, как Лорд отрицательно покачал головой и развел руками, вздохнул: – А жаль...

– Хотите проткнуть меня кинжалом? – сочувственно спросил сатана. – Или пристрелить из «Вальтера»? Перестаньте дурачиться, уймись. Это даже не смешно, скорее – жалко. Видимо, вы все-таки не представляете до конца, с кем именно имеете дело. Во всей Вселенной лишь Он один, – Лорд снова указал в потолок, – могущественнее меня, и то ненамного. Пользуется преимуществом положения – творение не может быть совершеннее творца или равным ему...

– Что вы пытаетесь мне доказать? – тихо произнес Гунтер, склонив голову на бок. – Насколько я знаю, свобода воли, данная Богом даже вам, суть основополагающая составная Творения. Вы, Лорд, используете эту свободу как желаете... Позвольте и мне действовать в соответствии с моими устремлениями, а не навязывайте троны и фамильные гробницы. Скажали, не выживу? Назло теперь буду стараться выжить. А баронство с женой и охотничьими собаками сам заработаю.

– Милый мой, дорогуша, солнышко! – ядовито-ласковым голосом заговорил Лорд. – Когда с вами беседую я, можно пойти и на уступки, на компромисс, на любовное согласие. Вас не заинтересовало, отчего я так хорошо осведомлен о делах вашего века?

– Отчего? – поднял бровь Гунтер.

– Я существую во всех мирах и в любом времени их. Для меня нет границ в пространстве и во времени. Я знаю все обо всех, кроме, увы, вас. Вы – странная загадка, объявившаяся ниоткуда. Только вчера утром все было просто и понятно – здесь были войны, идиотские крестовые походы, мелкие интрижки ничтожных королей, одним словом, обычная размеренная жизнь, виденная мною бессчетное количество раз. Везде. Вас здесь раньше не было, вот в чем дело. А теперь вы есть. А зачем – не знаю. И не забудьте, для стоящего перед вами Князя Ночи тысяча девятьсот сороковой год такая же реальность, как и тысяча сто семьдесят девятый, двухтысячный, или пять тысяч триста второй, например. Повторяю, я знаю все, обо всем, всегда и во все времена. Но вас и случившегося вчера в истории Вселенной нет. Вы отсутствуете в конкретной истории конкретного времени. Предназначение некоего Гунтера фон Райхерта состояло в короткой, непримечательной жизни, и гибели на рассвете тринадцатого августа тысяча девятьсот сорокового года. Английская пуля должна была пробить вам подключичную артерию, а самолет просто обязан был упасть в трехстах метрах от южного въезда в местечко Дартфорд. Есть такое, к юго-востоку от Лондона, совсем рядом с британским аэродромом, который бомбила ваша группа. Видите, как я хорошо обо всем осведомлен? Но, пускай такое невозможно, *Предназначение* не исполнилось... Почему? Зачем? Я докопаюсь до истины.

– Докапывайтесь, – пожал плечами Гунтер. – Кто вам мешает? Я-то тут причем?

– Да притом, – совершенно теряя выдержку, прошипел Лорд в лицо германцу. – Представьте, что с роли статиста вас перевели на роль главного героя некой пьесы, без ведома зрителей и других актеров, одному режиссеру известно – для чего. А вот ассистента режиссера, отвечающего очень за многое, в том числе за ход и качество пьесы, известить об изменениях не соизволили. Быть может, режиссер обнаружил в статисте великого актера всех времен и народов? Не замечал. Но один актер, сколь гениальным он ни был, не сумеет вытянуть пьесу к триумфу. Должен быть еще один не менее талантливый артист, ну, может быть два. Сейчас я не понимаю вас, не вижу... таланта, если возвратиться к моей метафоре. Вы правы, я действительно хотел вас изолировать. Почему? Да просто вы превратились в инструмент, способный в иных руках сокрушить равновесие, повернуть спираль истории в противоположную сторону. Воображаете, что произойдет если вы случайно убьете, ну например, предка Наполеона? Или

канцлера Бисмарка? Игнатия Лойолы? Примеров можно привести сотни... Я не смогу удерживать такой инструмент в руках, и не позволю другим его использовать. А пока мировую историю можно удерживать от необратимых изменений. Пусть спектакль идет по предрешенному сценарию. Уезжайте в баронский замок и живите спокойно.

Гунтер, медленно и тяжело роняя слова, произнес:

– А если я – талантлив? Гениален? Переплюну и помощника режиссера, и... самого автора пьесы?

Лорд схватился за голову, прошелся от одной стены до другой, пиная мелкие камешки валявшиеся на полу. Гунтер заметил у него на затылке лысину. Наконец, сатана остановился и произнес яростно:

– Вы болван, Райхерт! Переплюнуть, как вы изволили выразиться, меня не-воз-мож-но! Понимаете? Не говоря уж об авторе. Вы – статист. Извольте скромно держать салфетку и провозглашать: «Кушать подано!» Усекли?

– Пошел ты в задницу... – грубо ответил Гунтер. – Я сам знаю, что мне делать... Здесь.

– Ни хрена вы не знаете, – в тон ему отозвался Лорд. – И сдохнете, как собака. Готов душу заложить, только кому, не представляю...

Гунтер вдруг прыснул со смеху, поднеся ко рту кулак. Снова вспомнились книги. Тот же Данте. Джудекка. И вмерзший в ледяное озеро Враг.

– Что вы ржете? – поморщился Лорд. – Можете сохранить серьезность хоть на минуту?

– Вспомнилась одна вещь, – хихикнул Гунтер. – Простите, а где ваши рога и хвост?

– Дома, в шкафу! – гневно рявкнул Лорд. – Вас еще удивляет, отчего у меня нет пятачка? Почему не пахнет серой и не шныряют нетопыри под крышей? Повторяю исходный диагноз – вы болван! Рога с хвостом, адское пламя и прочие театральные эффекты оставьте деревенским священникам, пугать детишек да неграмотных прихожан! Что, захотелось посмотреть на меня в истинном обличье? Значит, испустите дух прямо сейчас. Я мало похож на человека, и ваши нервы могут не выдержать. Хотели – получите!

... Ослепительная вспышка больно ударила по глазам, белый мертвящий свет разлился вокруг, уничтожив в себе ставшие вдруг прозрачными стенки сарая, на мгновение осветил пустую Вселенную и рассеялся, оставив мерцающий ореол. Внутри бесконечной пустоты, дышащей ледяным мраком, полыхнул язык багрового огня. Разгораясь, пламя стремительно меняло цвет на ярко-красный, оранжевый, охристый, бледно-желтый, затем белый, голубоватый, вплоть до густого фиолетового, снова возвращавшегося в багровый. Свет лился тугим осязаемым потоком, пронизывая тело, просвечивая его насквозь, но не давая тепла. И вот самом сердце клубящегося пламенного облака возникла исполинская фигура в призрачных развевающихся одеяниях, будто сотканная из того же мертвого света, обнимавшего Вселенную, – силуэт, коронованный переливающимся кроваво-красным нимбом. В руке был зажат пронзительно черный жезл, и он казался живым – извергавшее потоки света создание удерживало извивающегося крылатого змея. Пятно мрака шевелилось, размывало судорогой свои границы, и Гунтер зачарованно следил, как полоса струящейся мглы обращает огненные сполохи в себя, в бездонную черную щель, поглощая краски подобно капле чернил. А вокруг сияло кольцо холодного, неживого огня.

Гунтер потерял ощущение времени, собственного тела, разум забивался потоками нисходящего от державшего жезл тьмы создания могущества... Мир исчез, растворился в жадно сосущем свет жезле, сторел...

«Во имя Господа, да что же это такое? – промелькнула мысль, чудом пробившись сквозь плотный поток чужеродной силы. – Это он? Почему свет? Не тьма?»

Медленно возникла догадка, закрепились в сознании.

... Сэр Мишель, кубарем скатившись с сеновала, прыгнул к Гунтеру, рванул его за плечо.

– Что это, Джонни? – послышался его сдавленный голос. – Что ты тут наделал? Кто этот...

– Люцифер, Ангел Света, – выдавил из себя Гунтер. – Вот он, каков есть.

– Откуда он тут? – прошептал сэр Мишель, озираясь и не находя вокруг привычного мира, который был здесь еще вчера вечером. Или это было не вчера? Вокруг теперь только холодный свет, пронизывающие потоки пламени, незаметно для глаза меняющие цвет – миг назад красные, и вдруг понимаешь, что они уже стали темно-фиолетовыми, а потом – желтыми, почти белыми, багровыми... И страшная фигура с поглощающим свет, змеящимся жезлом в руке... Что это – тень конца мира? Призрак Апокалипсиса?

И пала тьма. Все исчезло, радужные переливы поблекли, сгинула фигура титана, свернулся в неприметную точку жезл, начали возвращаться запахи, звуки, появилось осязание. Остался сарай для сена, принадлежащий трактирщику Уиллу Боулу. И стоял рядом высокий седовласый господин в камзоле черного бархата. Сэр Мишель держался за плечо Гунтера сзади, ровно боясь упасть.

– Ну, насмотрелись? – надменно спросил он, скрестив на груди руки. – Однако не ждал, что ваших душевных сил хватит выдержать подобное зрелище. – И, наклонившись к Гунтеру, он доверительно прошептал: – Мне и самому иногда страшно бывает...

Слегка кивнув головой, Лорд развернулся на каблуках, подошел к балке, на которой сидел, снял оттуда берет и, тщательно очистив от былинки и пару раз встряхнув, аккуратно надел на голову.

– Что ж, – сказал он, потирая руки и зябко поеживаясь, – жаль, очень жаль. Я полагал, наш разговор будет более содержательным, а вы, герр Райхерт, окажетесь благоразумнее. Значит не судьба.

Сэр Мишель по-прежнему стоял за спиной Гунтера, осторожно выглядывая из-за его плеча. Особого страха, впрочем, он не испытывал. Лорд, почувствовав на себе взгляд рыцаря, глянул на него свысока и скривил губы в усмешке.

– Голова с похмелья не болит? – осведомился он чуть издевательским тоном. – И вообще, какого... гм... дьявола, ты вылез и вмешался в беседу, не предназначенную для твоих ушей?

– Разбудили, – прогудел сэр Мишель, но глаз не отвел, пускай и очень хотелось.

– Бедняжка... – покачал головой Лорд. – Дорогой мой, а знаешь ли ты, что самая большая неприятность твоей жизни стоит перед тобой, и ты даже держишься за нее?

– Не за тебя вовсе, я за Джонни держусь, – набычившись, проворчал сэр Мишель, медленно сняв руку с плеча Гунтера, шагнул вперед и встал рядом со своим оруженосцем. Прекрасно понимая, кем является высокий седой господин, рыцарь почти панически искал в памяти слова экзорцизмов, и в то же время выискивал взглядом что-нибудь тяжелое на случай драки. Экзорцизм вспомнился раньше.

Лорд, очевидно собираясь подольше полюбоваться медленно закипающей яростью двух людей, скрестил на груди руки и расставил пошире ноги. Сэр Мишель начал произносить шепотом форму изгнания беса, а Лорд скорчил такую физиономию, будто собирался заплакать или разжевал целый лимон.

– Ну что за безмозглая молодежь! – простонал он и махнул рукой. – Мальчик, ты надеешься пронять меня этим?

Сэр Мишель сбился, пробормотал невнятное ругательство и, не выдержав, вдруг прыгнул к сатане и завопил прямо ему в лицо:

– Катись отсюда, старый козел!!

Знакомый с электричеством Гунтер позже сравнивал исчезновение Лорда с выключением киноаппарата. Только что изображение было, а тут, едва раздался крик рыцаря, поздний гость исчез, как выключился. Правда, несколько мгновений висел в воздухе легкий, почти не различимый дымок, но и тот рассеялся без следа.

– Изгнание дьявола... – Гунтер неожиданно для себя расхохотался. Веселья в его смехе было куда меньше, нежели истеричности. – Экзорцизм... Лихо ты его уделал!

– Это... – сэр Мишель утер ладонью пот со лба и шумно выдохнул. – Джонни, это все правда?

– Разумеется! – все еще сотрясаясь от нехорошего нервного смеха подтвердил Гунтер. – А ты, небось, подумал, я тут, пока ты спал, черту душу продал?

– Нет, конечно! – возмутился сэр Мишель, но потом тихо спросил: – Честно, не продал?

– Идиот! – сплюнул Гунтер. Он желал добавить пару-другую словечек покрепче, но неожиданно внимание привлекло какое-то движение наверху, там, где осталась стоять площадка со свечой.

– Иисусе! – прошептал сэр Мишель, поднося ладонь ко лбу. Рядом с чашкой, из ничего, возникла рука со сложенными будто для щелбана пальцами. Простая кисть руки, существующая сама по себе. Указательный палец распрямился, щелкнул по глине подставца, площадка накренилась и, медленно-медленно вертясь в воздухе, полетела вниз, выплеснув вспыхнувший еще в полете расплавленный воск.

– Для начала... – Послышался тихий вкрадчивый голос Лорда. – Первый подарок. От меня. Вам, господин Райхерт вместе с вашим, как вы выразились, собственным рыцарем. Расхлебывайте...

Гунтер и сэр Мишель несколько секунд наблюдали, как широкая полоса огня быстро поползла к стогу сена по разбросанным пучкам сухой травы, затем пламя охватило стог и взметнулось к потолку. Прежде чем сорваться с места и сломя голову выбежать из горящего сарая, Гунтер ухватил хладнокровную мысль: «А ведь этот господин мелочен, словно приказчик какой-нибудь... пакости мелкие строит. Не солидно, ой, не солидно!»

Они выбежали во двор, и тут Гунтер взвыл, схватившись за голову:

– Автомат!

И не успел шагу сделать, как сэр Мишель, ни на секунду не задумавшийся о том, что это – «автомат», конечно, та железная штукавина, и Джонни дорожит ей пуще, чем он сам своим мечом, глухо рывнув, кинулся обратно.

– Куда?! – только и успел крикнуть Гунтер. Рыцарь, прикрыв голову скрещенными руками, нырнул в адскую смесь огня, летучих искр и жара, исчезнув в облаке белого дыма.

«Начинается, – с ужасом и злобой одновременно подумал Гунтер. – Вот вам первая смерть, в которой виновен буду я...»

Некоторое время германец боролся с искушением самому броситься за сэром Мишелем и вытащить его, но рассудок решительно тому воспротивился. Огонь вырвался наружу сквозь щели в бревнах, сухое дерево быстро загорелось, огромные языки пламени лизали стены. Из дверей трактира выскочил Рыжий Уилли, в одном исподнем, за ним высыпали разбуженные треском горящего дерева и гулом огня постояльцы «Серебряного Щита». До слуха Гунтера долетел отчаянный вопль хозяина:

– Пресвятая Дева! Что же это делается? Мой сарай! Этот ублюдок Фармер спалил мой сарай!

...И сэр Мишель кубарем выкатился из горящего дверного проема, рассыпая вокруг себя искры, яростно откашливаясь, ругаясь, отплеываясь и крепко сжимая в руках Гунтеров «шмайссер». Одежда на рыцаре дымилась, волосы обгорели на концах, лицо перепачкано в саже.

– Кольчуга! – ревел сэр Мишель, катаясь по земле. – Кольчуга!

Гунтер неведомо как сообразил, что железные кольца брони раскалились и немедленно пришел на выручку нормандцу способом не слишком достойным благородного сэра, но весьма действенным. Чертыхаясь, он с натугой приподнял огромное корыто с заготовленным наутро пойлом для свиней и выворотил его на стонущего сквозь зубы сэра Мишеля. Раздалось тихое шипение, рыцарь некоторое время лежал, не двигаясь, затем приподнял мокрую, отвратительно грязную голову и, сплюнув, произнес:

– Послал Господь оруженосца...

– А ты хотел зажариться? – зло рявкнул Гунтер. – Кто тебя вообще просил лезть в огонь?

Сэр Мишель ничего не ответил, поднялся на ноги, обтекая вонючей жижей, и уставился на хозяина «Серебряного Щита» – Уилли, поняв, что сарай уже не спасти, мигом раздал постояльцам горшки, кадушки, бадьи, все подходящее, найденное в доме. Теперь все, черпая воду из бочек, поливали стены построек, стоящих рядом с сеновалом. Если б не это быстрое, здоровое решение хозяина – гореть бы всему двору. Сам Уилл, размашисто выплескивая из кожного ведра воду на бревна хлева, надрывно орал:

– Завтра же к господину Александру пойду! Ужо он штаны вам спустит да научит уму-разуму! Это ж додуматься – все мое хозяйство, нажитое таким трудом, едва не разорить!

– Двинулись отсюда, а? – попросил Гунтер, но сэр Мишель, решительно мотнув головой, дал понять, что уходить никуда не собирается, пока не восстановит справедливость. Рыцарь приблизился к раскрасневшемуся, потному Уиллу и спокойно произнес.

– Это не я поджег сарай – сатана!

– Ага, а бесенята ему помогали... – выдохнул Уилл, будто нарочно плеснув на бревна воду так, что она обрызгала и без того промокшего до нитки сэра Мишеля с ног до головы.

– Говорю тебе, здесь был дьявол! – продолжал гнуть свое сэр Мишель. Тут Уилл медленно опустил ведро, пристально всмотрелся в глаза рыцарю и скрипнул зубами. Гунтер заметил, что двое пожилых, замкнутых монахов в светлых рясах цистерцианцев, работавших поблизости, тоже прекратили лить воду из горшков и настороженно покосились на рыцаря, собиравшегося снова повторить свои жуткие слова. Гунтер почувствовал, что не миновать еще одному пожару, на сей раз в сердцах искренно верующих в силы потусторонние жителей двенадцатого века. Правильно говорил Лорд, психология у них совершенно иная, а логика – железная. Говорил с сатаной – значит его слуга!

– Так ты привадил на мой двор нечистого? – процедил сквозь зубы Уилли, крепко стиснув кулаки. Сэр Мишель, ничего не замечая, открыл было рот для возмущенной напыщенной реплики, но Гунтер, поняв, что сейчас настало время действовать, а не стоять истуканом, решительно шагнул к рыцарю, тяжело опустил одну руку ему на плечо, другой стиснул шею сзади так, что сэр Мишель захрипел от неожиданности.

– Молчи, – прошипел германец на ухо рыцарю и, подняв глаза на Уилла, больше всего напоминавшего сейчас быка, перед которым долго трясали красной тряпкой, любезно осклабившись, старательно выговорил на старофранцузском:

– Мсье, мой друг перебрал лишнего, да еще и угорел малость. Неужели вы сами никогда не допивались до зеленых чертей в глазах?

– А ты кто такой? – Уилл, поигрывая желваками, едва не рыл носком сапога землю, Гунтер (была не была!) решил врать напрапалую:

– Я рыцарь из Германии, барон Райхерт, – и добавил низким и сколь возможно величественно-надменным голосом: – Не заставляйте меня поступать с вами не по благородному. Я же сказал, мой друг выпил лишку, и чудилась ему всякая непотребщина.

С этими словами Гунтер резко отшвырнул сэра Мишеля назад, так, что рыцарь, поскользнувшись в луже свиного хлебова, упал. Уилл внезапно смешался, отступил назад, наклонив голову, и буркнул:

– Так кто ж знал... У вас, сударь, на лбу благородство поди не написано. Меча вот нету, без коня пришли. За кого хочешь принять можно. А другу вашему скажите, что батюшке его все доложено будет. Сарай по пьяни пожгли... Нехорошо. Не вы ж сарай строили, а я, вот этими руками, – он ткнул в Гунтера огромные ручищи, узловатые, грубые. – Денег с вас, опять же, просить без толку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.